

Фильм студии
Двадцатый Век
Фокс

Агата
КРИСТИ

Agatha Christie®

УБИЙСТВО
В
"ВОСТОЧНОМ
ЭКСПРЕССЕ"

Annotation

Находившийся в Стамбуле великий сыщик Эркюль Пуаро возвращается в Англию на знаменитом «Восточном экспрессе», в котором вместе с ним едут, кажется, представители всех возможных национальностей. Один из пассажиров, неприятный американец по фамилии Рэтчетт, предлагает Пуаро стать его телохранителем, поскольку считает, что его должны убить. Знаменитый бельгиец отмахивается от этой абсурдной просьбы. А на следующий день американца находят мертвым в своем купе, причем двери закрыты, а окно открыто. Пуаро немедленно берется за расследование – и выясняет, что купе полно всевозможных улик, указывающих... практически на всех пассажиров «Восточного экспресса». Вдобавок поезд наглухо застревает в снежных заносах в безлюдном месте. Пуаро необходимо найти убийцу до того, как экспресс продолжит свой путь...

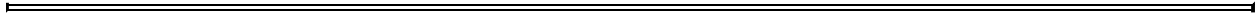

- [Агата Кристи](#)
  -
  -
  - [Часть первая. Факты](#)
    - [Глава 1. Важный пассажир «Таврского экспресса»](#)
      - I
      - II
    - [Глава 2. Отель «Токатлиан»](#)
    - [Глава 3. Пуаро отказывается от предложения](#)
    - [Глава 4. Крик в ночи](#)
    - [Глава 5. Преступление](#)
    - [Глава 6. Убийца – женщина?](#)
    - [Глава 7. Труп](#)
    - [Глава 8. Дело о похищении ребенка Армстронгов](#)
  - [Часть вторая. Свидетельские показания](#)
    - [Глава 1. Показания проводника спального вагона](#)
    - [Глава 2. Показания секретаря](#)
    - [Глава 3. Показания камердинера](#)
    - [Глава 4. Показания американской леди](#)
    - [Глава 5. Показания дамы из Швеции](#)
    - [Глава 6. Показания русской княгини](#)

- [Глава 7. Показания графа и графини Андрени](#)
  - [Глава 8. Показания полковника Арбэтнота](#)
  - [Глава 9. Показания мистера Хардмана](#)
  - [Глава 10. Показания итальянца](#)
  - [Глава 11. Показания мисс Дебенхэм](#)
  - [Глава 12. Показания немецкой горничной княгини](#)
  - [Глава 13. Обобщенные показания пассажиров](#)
  - [Глава 14. Орудие убийства](#)
  - [Глава 15. Багаж пассажиров](#)
- [Часть третья. Эркюль Пуаро садится и размышляет](#)
  - [Глава 1. Который из них?](#)
  - [Глава 2. Десять вопросов](#)
  - [Глава 3. Несколько любопытных моментов](#)
  - [Глава 4. Жирное пятно на венгерском паспорте](#)
  - [Глава 5. Имя княгини Драгомировой](#)
  - [Глава 6. Вторая беседа с полковником Арбэтнотом](#)
  - [Глава 7. Личность Мэри Дебенхэм](#)
  - [Глава 8. Новые удивительные открытия](#)
  - [Глава 9. Пуаро предлагает два решения](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)

- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)

- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)

Агата Кристи

Убийство в «Восточном экспрессе»

Agatha Christie
Murder on the Orient Express

Copyright © 1934 Agatha Christie Limited. All rights reserved.

© Петухов А. С., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э»,
2016

* * *

Посвящается М.Е.Л.М. Арпачия, 1933 г.

Часть первая. Факты

Глава 1. Важный пассажир «Таврского экспресса»

I

Около пяти часов зимнего утра вдоль платформы станции Алеппо, что в Сирии, стоял поезд, который все железнодорожные справочники называли «Таврским^[1] экспрессом». Он состоял из вагона-кухни, вагона-ресторана, международного спального и двух вагонов местного назначения.

Около ступенек, ведущих в спальный вагон, стоял молодой французский лейтенант, одетый в роскошную форму, и общался с невысоким сухощавым человечком, закутанным от холода так, что его совершенно невозможно было разглядеть, за исключением красного носа и торчащих усов, кончики которых были закручены вверх.

Холод пробирал до костей, и эти проводы важного иностранца были совсем не подарком, однако лейтенант Дюбоск стойчески переносил все невзгоды. Он автоматически произносил подходящие моменту фразы на изысканном французском языке, но при этом совершенно не представлял себе, в чем, собственно, была причина приезда незнакомца, хотя, как всегда в подобных случаях, слухов по городу ходило множество. Лейтенант знал только, что в последнее время характер генерала, *его* генерала, портился с каждым днем. А потом появился этот бельгиец – похоже, что прямо из Англии. Неделя прошла в напряженном ожидании, а потом произошло сразу несколько событий: очень достойный офицер совершил самоубийство, а другой неожиданно подал в отставку, после чего напряжение с лиц командиров исчезло, а некоторые военные меры безопасности в гарнизоне были ослаблены. Генерал же, тот генерал, который был непосредственным командиром Дюбоска, стал выглядеть лет на десять моложе.

Лейтенант случайно услышал часть его разговора с незнакомцем.

– Вы буквально спасли нас, *mon cher*^[2], – с чувством произнес генерал, и его седые усы при этом задрожали. – Вы спасли честь французской армии и предотвратили настоящую бойню! Как я могу отблагодарить вас за то, что вы не отказали мне в моей просьбе? Приехать в такую даль...

Незнакомец (чье имя было Эркюль Пуаро) с достоинством ответил что-то похожее на «вы что, могли подумать, что я забуду, как вы спасли мне жизнь?». На это последовал не менее достойный ответ генерала, который начал с того, что о прошлых заслугах не стоит упоминать, а затем

заговорил о Франции, Бельгии, славе, чести... после чего они сердечно обнялись, и разговор прекратился.

О чем шла речь, лейтенант Дюбоск так и не понял, но ему досталась честь проводить месье Пуаро на «Таврский экспресс», что он теперь и делал с усердием и энтузиазмом молодого офицера, которого ждет в будущем блестящая карьера.

– Сегодня воскресенье, – поддерживал светскую беседу лейтенант, – завтра, в понедельник, к вечеру вы будете уже в Стамбуле.

Эту мысль он высказал уже несколько раз – беседы, которые ведутся на платформе перед отправлением поезда, как правило, крутятся вокруг одних и тех же тем.

– Да, именно так, – согласился месье Пуаро.

– Полагаю, что вы задержитесь там на несколько дней?

– *Mais oui*^[3]. Я никогда еще не был в Стамбуле. Было бы огорчительно проехать через него просто так, – Пуаро красноречиво щелкнул пальцами, – не останавливаясь. Срочных дел у меня сейчас нет, так что я останусь там на несколько дней как турист.

– Святая София просто великолепна, – с важностью заметил лейтенант, который ее никогда в жизни не видел.

Порыв холодного ветра промчался по платформе – оба мужчины поежились от холода. Дюбоск постарался незаметно взглянуть на свои часы. Без пяти пять – осталось всего пять минут!

Испугавшись, что его собеседник мог заметить этот его жест, лейтенант возобновил беседу.

– В такое время года мало кто решается на подобные путешествия, – заметил он, поглядывая на окна спального вагона.

– Безусловно, – вновь согласился бельгиец.

– Будем надеяться, что в Таврских горах не будет снегопада.

– А такое случается?

– Бывает, но в этом году еще не было.

– Тогда будем надеяться, – сказал месье Пуаро. – Прогнозы погоды из Европы очень плохие.

– Очень плохие – масса снега на Балканах.

– Я слышал, что и в Германии тоже.

– *Eh bien*^[4], — поспешно произнес лейтенант Дюбоск, испугавшись, что беседа опять прекратится, – завтра вечером, в семь сорок, вы будете уже в Константинополе.

– Именно так, – в отчаянии произнес месье Пуаро. – Я слышал, что

Святая София очень красива.

– По мне, так она просто великолепна.

Занавеска одного из окон у них над головой отодвинулась в сторону, и в окне показалась молодая женщина.

После того как она выехала из Багдада в прошлый четверг, Мэри Дебенхэм никак не могла выспаться. Это не удалось ей ни в поезде до Киркука, ни в пансионате в Мосуле, ни в дороге прошлой ночью. Теперь же, измученная духотой купе, в котором нечем было дышать, она встала с полки и выглянула наружу.

Скорее всего, это Алеппо. Естественно, смотреть здесь не на что. Длинная, плохо освещенная платформа, доносящиеся откуда-то препирательства на арабском языке... Двое мужчин под ее окном говорят по-французски. Один из них – французский офицер, другой – мужчина невысокого роста с невероятными усами. Мэри слабо улыбнулась – она никогда не видела, чтобы люди так кутались. На улице должно быть очень холодно. Наверное, поэтому они так безбожно топят в вагоне. Девушка попыталась опустить окно, но ей это не удалось.

К мужчинам подошел проводник спального вагона и предупредил, что поезд готов к отправлению. Лучше, если месье поднимется в вагон. Маленький мужчина снял шляпу. Его голова по форме была похожа на яйцо. Несмотря на свое раздражение, Мэри Дебенхэм невольно улыбнулась. Как странно выглядит этот небольшой человечек – такого совершенно невозможно воспринимать всерьез.

Лейтенант Дюбоск произносил свою прощальную речь, которую продумал заранее и берег именно для этих последних минут. Это была прекрасно подготовленная речь.

Стараясь не остаться в долгу, маленький бельгиец ответил не менее цветисто.

– *En voiture, monsieur*^[5], — сказал проводник.

С почти нескрываемым облегчением месье Пуаро забрался в вагон. Проводник последовал за ним. Пуаро помахал рукой – лейтенант Дюбоск взял под козырек. С жутким толчком поезд медленно отошел от платформы.

– *Enfin!*^[6] – пробормотал маленький бельгиец.

– Б-р-р-р, – вслух произнес лейтенант, только теперь поняв, как же он замерз...

– *Voilà, monsieur*^[7], – произнес проводник, театральным жестом демонстрируя Пуаро роскошь его купе и аккуратно разложенный багаж. – Маленький саквояж месье я поместил сюда.

Его протянутая рука явно на что-то намекала. Пуаро положил в нее сложенную банкноту.

– *Merci, monsieur*^[8]. — Проводник заговорил коротко и по-деловому: – Билеты месье у меня. Мне понадобится ваш паспорт. Как я понимаю, месье сойдет в Стамбуле?

Пуаро согласно кивнул.

– Полагаю, что в вагоне не так много пассажиров? – спросил он.

– Немного, месье. Кроме вас, только двое, и оба англичане. Полковник из Индии и молодая леди из Багдада. Вам что-нибудь надо, месье?

Месье попросил принести ему маленькую бутылку «Перье».

Пять утра – не совсем подходящее время для посадки на поезд; до рассвета оставалось не меньше двух часов. Почти совсем не спавший накануне и полный мыслей об успешно завершенной деликатной миссии, Пуаро улегся на полку и мгновенно уснул.

Проснувшись в половине десятого, он направился в вагон-ресторан в поисках горячего кофе.

В это время в ресторане был только один посетитель – молодая девушка, о которой, по-видимому, говорил ему проводник. Высокая, худощавая, с темными волосами, на вид лет двадцати восьми. Девушка сноровисто поглощала свой завтрак, и то, как она обратилась к официанту с просьбой принести еще кофе, выдавало в ней знатока жизни и бывшего путешественника. Она была одета в темное дорожное платье, сделанное из тонкого материала, что как нельзя лучше подходило к жаре, стоявшей в поезде.

Делать Эркую Пуаро было нечего, поэтому он с удовольствием стал незаметно наблюдать за ней.

По его мнению, она была молодой женщиной, способной легко постоять за себя в любой ситуации – для этого у нее были необходимые самообладание и сноровистость. Пуаро понравились ее резкие черты лица и нежный оттенок кожи. Ему было приятно смотреть на ее блестящие, аккуратно уложенные волосы и холодные, безразличные серые глаза. Однако он решил, что у нее слишком деловой вид, чтобы ее можно было назвать «*jolie femme*»^[9].

В этот момент в ресторане появился еще один персонаж. Им оказался высокий худощавый мужчина с загорелым лицом и со слегка сидящими

висками. Ему было где-то между сорока и пятьюдесятью.

«Полковник из Индии», – определил про себя Пуаро.

Вошедший слегка поклонился девушке:

– Доброе утро, мисс Дебенхэм.

– Доброе утро, полковник Арбэтнот.

Полковник положил руку на спинку стула, стоявшего напротив молодой женщины.

– Вы не возражаете? – спросил он.

– Ну конечно нет. Присаживайтесь.

– Знаете, иногда за завтраком совсем не хочется ни с кем разговаривать.

– Можно и не разговаривать; но в любом случае я не кусаюсь.

Полковник сел.

– Бой^[10], – позвал он безапелляционным тоном и заказал яйца и кофе.

На какую-то секунду его глаза задержались на Пуаро, а потом он равнодушно отвел взгляд. Эркюль Пуаро, хорошо зная психологию англичан, решил, что полковник подумал про себя: «Какой-то жалкий иностранец».

Будучи истинными представителями своей национальности, англичане ели молча. Они обменялись всего несколькими короткими замечаниями, а потом девушка встала и возвратилась к себе в купе.

Во время ланча англичане опять сидели вместе и опять полностью игнорировали третьего пассажира. Разговор был несколько оживленнее, чем за завтраком. Полковник Арбэтнот рассказывал о Пенджабе, время от времени задавая вопросы о Багдаде, где женщина, очевидно, служила в качестве гувернантки. В процессе беседы они нашли нескольких общих знакомых, немедленно стали обращаться друг к другу более раскованно и дружелюбно и занялись обсуждением старины Томми Такого-то и Джерри Как-его-там.

Полковник поинтересовался, проследует ли Мэри прямо в Европу или остановится в Стамбуле?

– Нет, я еду без остановок.

– Наверное, вам жаль, что вы не сможете осмотреть Стамбул?

– Я ехала этим же путем три года назад и тогда провела в городе три дня.

– Тогда понятно. Что ж, могу сказать: я рад, что вы едете без остановки, поскольку я тоже не собираюсь останавливаться.

И он неловко поклонился, слегка покраснев.

«А наш полковник человек трепетный, – подумал Эркюль Пуаро с

некоторым удивлением. – Для него поездка на поезде может оказаться такой же опасной в известном смысле, как и круиз на пароходе».

Мисс Дебенхэм равнодушно согласилась, что это будет очень мило. Держалась она немного холодно.

Пуаро заметил, что полковник проводил ее до купе. Позже, когда поезд шел через роскошные Таврские горы, они любовались великолепными видами Киликийских ворот, стоя в коридоре бок о бок друг с другом. Стоявший недалеко от них Пуаро неожиданно услышал, как девушка вздохнула.

– Как это прекрасно! Я бы хотела... хотела бы... – чуть слышно пробормотала она.

– Я слушаю вас.

– Я бы хотела иметь возможность насладиться всем этим.

Арбэтнот ничего не ответил. Казалось, что его квадратный подбородок окаменел.

– Я был бы благодарен Богу, если бы все это вас не коснулось, – проговорил он.

– Умоляю вас, тише... Тише.

– Ах да, конечно! – Он бросил раздраженный взгляд в направлении Пуаро и продолжил: – Мне совсем не нравится, что вам приходится работать гувернанткой – прислуживать всем этим тиранам-матерям и их докучливым ублюдкам!

Она рассмеялась, и в звуках ее смеха послышалась неуверенность.

– Нет, нет! Вы не должны так думать. Истории об угнетаемых гувернантках – это просто миф. Более того, уверяю вас, что сейчас матери боятся нас гораздо больше, чем мы их.

Больше они ничего не сказали – возможно, Арбэтноту было стыдно за его эмоциональное высказывание.

«А ведь передо мной разыгрывается любопытная маленькая пьеса», – подумал про себя Пуаро.

Позже он еще неоднократно вернется к этой мысли.

В Конью поезд прибыл вечером, в половине двенадцатого. Англичане вышли из вагона, чтобы размять ноги. Они прогуливались вдоль поезда по заснеженной платформе. Пуаро же решил понаблюдать за тем, что происходит на станции, через стекло. Однако минут через десять он подумал, что глоток свежего воздуха ему тоже не помешает. Бельгиец тщательно подготовился к высадке, закутавшись в пальто и в несколько слоев различных шарфов, и засунул аккуратные ботинки в галоши. В таком одеянии Пуаро осторожно спустился на платформу и стал прогуливаться по

ней. В какой-то момент он подошел к паровозу.

По голосам Пуаро смог определить, кем были две размытые фигуры, стоявшие в тени грузового вагона.

– Мэри... – начал Арбэтнот, но девушка его прервала:

– Не сейчас. Только не сейчас. Когда все закончится. Когда все будет позади, *тогда*...

Никем не замеченный, Пуаро повернулся и пошел обратно. Он был сильно озадачен. Тон голоса, который услышал маленький бельгиец, мало походил на холодный деловой тон мисс Дебенхэм, который он слышал утром.

– Очень странно, – пробормотал про себя Пуаро.

На следующий день он решил, что англичане поссорились. Говорили они очень мало, и ему показалось, что девушка выглядит расстроенной. Под глазами у нее залегли темные круги.

В половине третьего поезд неожиданно остановился. Пассажиры выглянули в окна. Сбоку от колеи стояла небольшая группа людей, которые рассматривали что-то под колесами вагона-ресторана.

Выглянув из окна, Пуаро задал вопрос проводнику спального вагона, который как раз проходил мимо. Услышав ответ, бельгиец втянул голову внутрь и чуть не столкнулся с Мэри Дебенхэм, которая стояла прямо за ним.

– Что случилось? – спросила она по-французски, слегка задыхаясь. – Почему мы остановились?

– Ничего страшного, мадемуазель. Что-то загорелось под вагоном-рестораном, но все обошлось. Пламя уже погасили, и теперь они должны исправить поломку. Уверяю вас, мы в полной безопасности.

Девушка сделала нетерпеливый жест рукой, как будто отбрасывала мысль об опасности, как не стоящую внимания.

– Это я понимаю, но *время*!

– Время?

– Ну да, ведь это нас задержит.

– Не исключено, – согласился Пуаро.

– Но мы не можем себе этого позволить! Поезд должен прибыть в шесть пятьдесят пять вечера, а потом нам надо будет пересечь Босфор и успеть на симплонский «Восточный экспресс», который отправляется с другого берега в девять часов вечера. Если мы задержимся на пару часов, то опоздаем на этот поезд.

– И такое возможно, – согласился Пуаро.

Он с любопытством посмотрел на девушку. Ее рука, сжимавшая ручку

окна, слегка дрожала, так же как и ее губы.

– А это что, так важно для вас, мадемуазель? – поинтересовался он.

– Да. Очень важно. Я... я просто обязана успеть на этот поезд.

Мисс Дебенхэм отвернулась от Пуаро и направилась по коридору к полковнику Арбэтноу.

Однако волновалась она совершенно напрасно. Поезд тронулся через десять минут, и в порт Хайдарпаша они прибыли только с пятиминутным опозданием, нагнав потерянное время в пути.

На Босфоре штормило, и переправа не доставила Пуаро никакого удовольствия. На пароходе он ехал отдельно от своих случайных попутчиков и поэтому больше их не видел.

Прибыв к Галатскому мосту, Пуаро отправился напрямик в отель «Токатлиан».

Глава 2. Отель «Токатлиан»

В отеле Эркюль Пуаро попросил номер с ванной, а затем подошел к стойке консьержа и поинтересовался своей почтой.

На его имя пришло три письма и одна телеграмма. Его брови поползли вверх, когда он увидел телеграмму. Ее бельгиец никак не ожидал.

Как всегда не торопясь и очень аккуратно, Пуаро вскрыл ее. Напечатанные буквы легко сложились в следующую фразу:

«Предсказанные вами события в деле Касснера произошли раньше времени просим немедленно вернуться».

– *Voilà ce qui est embêtant*^[11], — с горечью прошептал Пуаро и поднял глаза на настенные часы. – Мне придется уехать прямо сегодня, — сказал он консьержу. – Во сколько отправляется симплонский «Восточный»?

– В девять часов, месье.

– Вы можете заказать мне купе в спальном вагоне?

– Ну конечно, месье. В это время года никаких проблем не будет. Поезда почти пусты. Первый класс или второй?

– Первый.

– *Très bien, monsieur*^[12]. Куда вы следуете?

– В Лондон.

– *Bien, monsieur*^[13]. Я закажу вам билет до Лондона и зарезервирую спальное купе в вагоне Стамбул – Кале.

Пуаро еще раз взглянул на часы. Было без десяти восемь.

– У меня хватит времени поесть?

– Ну конечно, месье.

Маленький бельгиец кивнул. Отказавшись от своего номера, он прошел в ресторан и как раз делал заказ, когда ему на плечо опустилась чья-то рука.

– А, *mon vieux*^[14], вот неожиданная радость, — произнес голос у него за спиной.

Говоривший был невысоким, коренастым пожилым мужчиной, с волосами, подстриженными *en brosse*^[15]. Он весь светился от радости.

Пуаро вскочил на ноги:

– Месье Бук!

– Месье Пуаро!

Месье Бук был бельгийцем, директором Международной компании

«Вэгонс-Лит»^[16]. Он знал бывшую звезду бельгийской полиции уже много лет.

– А вы забрались далеко от дома, *mon cher*, – заметил месье Бук.

– Небольшое дельце в Сирии.

– Ах, вот как! И когда же вы возвращаетесь?

– Сегодня.

– Превосходно! Я тоже. То есть я хочу сказать, что еду в Лозанну, где у меня дела. Полагаю, вы едете на симплонском «Восточном»?

– Да. Я только что попросил отель заказать мне спальное купе. Собирался остаться в Стамбуле на несколько дней, но получил телеграмму, в которой требуется мое срочное присутствие в Англии.

– Ах, вот как! *Les affaires – les affaires!*^[17] В наши дни вы достигли степеней известных, *mon vieux!*

– Да, мне удалось кое-чего достичь. – Пуаро попытался напустить на себя вид скромника, но это ему не удалось.

Бук рассмеялся.

– Встретимся позже, – сказал он и отошел.

Пуаро занялся супом, который ему в этот момент подали, тщательно следя за тем, чтобы тот не попал на его роскошные усы.

Покончив с этим сложным делом, он огляделся вокруг, ожидая следующего блюда. В зале сидели не более полудюжины посетителей, и из этой полудюжины только двое заинтересовали сыщика.

Эти двое расположились за столиком, который стоял недалеко от Пуаро. Тот, что помоложе, был приятным молодым человеком лет тридцати, в котором все выдавало американца. Однако внимание маленького бельгийца привлек его спутник.

Ему было где-то лет шестьдесят-семьдесят. На его лице филантропа не было видно никаких эмоций. Слегка лысеющая голова, высокий лоб, улыбка, демонстрирующая набор белоснежных искусственных зубов, – все говорило о его благожелательности. И только глаза не позволяли поверить в это. Они были маленькими, глубоко посаженными и коварными. И не только это. Когда мужчина, отвечая на какой-то вопрос молодого человека, на секунду остановил свой взгляд на сыщике, Пуаро почувствовал странную недоброжелательность и непонятную напряженность этого взгляда.

Потом мужчина встал.

– Оплатите счет, Гектор, – распорядился он.

У него был слегка хриловатый голос. В нем слышалась странная,

мягкая угроза.

Когда Пуаро вновь подошел к своему другу в лобби, парочка как раз покидала отель. Их багаж уже снесли вниз. Младший, наблюдая за процессом погрузки и открыв стеклянную дверь, сообщил:

– Теперь все готово, мистер Рэтчетт.

Пожилой мужчина что-то проворчал и вышел из гостиницы.

– *Eh bien*, – сказал Пуаро, – что вы думаете об этой парочке?

– Американцы, – предположил месье Бук.

– Естественно, они американцы. Я имел в виду, что вы можете сказать о них как о людях?

– Молодой человек выглядит вполне прилично.

– А другой?

– Сказать по правде, он меня мало трогает. Он произвел на меня довольно неприятное впечатление. А на вас?

Пуаро на секунду задумался, прежде чем ответить; затем произнес:

– Когда он прошел мимо меня в ресторане, у меня было странное ощущение, как будто я разминулся с хищником, беспощадным хищником! Вы меня понимаете?

– А вид у него очень респектабельный...

– *Précisément!*^[18] Его тело-клетка выглядит абсолютно респектабельно, но сквозь прутья на вас смотрит дикое животное.

– Вы преувеличиваете, *mon vieux*, – успокоил сыщика месье Бук.

– Может быть, но я никак не могу избавиться от ощущения, что мимо меня прошествовало само ЗЛО.

– И вы так говорите об этом приличном американском джентльмене?

– И я говорю так об этом приличном американском джентльмене.

– Ну что ж, – беспечно произнес месье Бук, – может быть, вы и правы.

В мире так много зла.

В этот момент дверь открылась, и к ним направился консьерж. У него был озабоченный и в то же время извиняющийся вид.

– Это совершенно невероятно, месье, – обратился он к Пуаро, – но на поезде не осталось ни одного незанятого купе первого класса.

– *Comment?*^[19] – воскликнул месье Бук. – В это время года? Наверняка какая-нибудь группа журналистов или политиков...

– Не знаю, сэр, – ответил консьерж, с уважением повернувшись к нему, – но это именно так.

– Ну-ну, – сказал месье Бук, поворачиваясь к Пуаро, – не волнуйтесь, мой друг. Мы что-нибудь придумаем. В вагоне всегда есть одно купе, номер

шестнадцать, которое никогда не продают. Проводник обязан за этим следить! – Бельгиец улыбнулся и посмотрел на часы. – Пойдемте, – пригласил он Пуаро, – нам пора отправляться.

На вокзале месье Бука приветствовал представительный проводник спального вагона в коричневой униформе.

– Добрый вечер, месье. Ваше купе – номер один.

Он позвал носильщиков, и те довели багаж до середины вагона, на котором висела табличка:

СТАМБУЛ – ТРИЕСТ – КАЛЕ

– Я слышал, что у вас сегодня полный аншлаг?

– Совершенно невероятно, месье. Как будто весь мир решил сегодня отправиться в путешествие.

– И тем не менее вы должны найти место для этого джентльмена. Он мой друг. Его можно разместить в номере шестнадцатом.

– Оно тоже занято, месье.

– Что? Номер шестнадцать?

Они обменялись понимающими взглядами, и проводник улыбнулся. Он был высоким мужчиной средних лет со слегка желтоватым лицом.

– Именно так, месье. Как я уже доложил вам, у нас абсолютный аншлаг.

– А в чем дело? – раздраженно спросил месье Бук. – Что, где-то проходит какая-то конференция, или это некая организованная поездка?

– Нет, месье. Исключительно стечение обстоятельств. Просто такое количество людей решило ехать именно сегодня.

Месье Бук нервно поцокал языком.

– В Белграде, – сказал он, – к нам подцепят спальный вагон из Афин. Там же появится вагон Бухарест – Париж, но в Белграде мы окажемся не раньше вечера завтрашнего дня. Так что проблема в сегодняшнем вечере. Свободных полок второго класса тоже нет?

– Есть одна, второго класса...

– Ну, тогда...

– Но в этом купе уже едет женщина. Она немка – горничная мадам.

– *Ла-ла*, как неприятно, – сказал мистер Бук.

– Не расстраивайтесь так, друг мой, – произнес Пуаро. – Мне придется ехать в обыкновенном купированном вагоне.

– Нет, ни в коем случае. – Бук опять повернулся к кондуктору: – И все пассажиры уже на своих местах?

– Пока не хватает только одного пассажира, – очень медленно произнес проводник.

– Да говорите же вы, наконец.

– Полка номер семь – второй класс. Джентльмен еще не появился, а времени уже без четырех минут девять.

– А кто этот джентльмен?

– Англичанин, – проводник сверился со списком, – некто мистер А.М. Харрис.

– Это хороший знак, – заметил Пуаро. – Я читал Диккенса – этот мистер Харрис не появится никогда^[20].

– Поставьте багаж месье Пуаро в купе с полкой номер семь, – распорядился месье Бук. – Если этот мистер Харрис все-таки появится, то мы скажем ему, что уже слишком поздно – мы не можем держать полки незанятыми так долго. В любом случае потом что-нибудь придумаем. Какое мне дело до какого-то мистера Харриса?

– Как месье будет угодно, – ответил проводник и показал носильщику Пуаро, куда отнести багаж.

Потом он отошел от ступенек, чтобы дать маленькому бельгийцу возможность войти в вагон.

– *Tout à fait au bout, monsieur*^[21], – крикнул он ему вслед. – Предпоследнее купе.

Пуаро медленно двинулся по проходу, так как большинство пассажиров стояли у окон в коридоре.

Его вежливое «*pardon*» раздавалось с монотонностью метронома. Наконец он добрался до искомого купе. Внутри него молодой американец из «Токатлиана» как раз тянулся за своим чемоданом.

Когда Пуаро вошел, молодой человек нахмурился.

– Простите, – произнес он, – но мне кажется, что вы ошиблись. – А потом повторил на ломаном французском: – *Je crois que vous avez un erreur*^[22].

Пуаро ответил по-английски:

– Вы мистер Харрис?

– Нет, мое имя Маккуин. Я...

В это время из-за плеча Пуаро донесся голос проводника спального вагона. Мужчина слегка запыхался, и в голосе его слышались извинения.

– В вагоне нет больше свободных полок, месье. Этот джентльмен поедет здесь.

Произнеся это, он опустил окно в коридоре вагона и стал втаскивать

багаж Пуаро.

Бельгиец со злорадством услышал эти извиняющиеся нотки – вне всякого сомнения, пассажир пообещал проводнику щедрые чаевые, если тот сможет сделать так, чтобы в купе больше никого не подселили. Но даже самые невероятные чаевые бледнеют перед распоряжением директора Компании.

Уложив чемоданы на багажные полки, проводник вышел из купе.

– *Voilà, monsieur*, – сказал он. – Всё в порядке. Ваша полка номер семь – верхняя. Через минуту мы отправляемся.

И он заторопился по коридору. Пуаро вновь вошел в купе.

– Удивительное дело, – весело сказал он, – проводник спального вагона сам раскладывает багаж по полкам! Неслыханно!

Его попутчик улыбнулся. По-видимому, он уже смирился с ситуацией и решил смотреть на происходящее с философской точки зрения.

– Поезд заполнен под завязку, – заметил он.

Раздался свисток кондуктора, сопровождаемый длинным меланхоличным гудком паровоза. Мужчины вышли в коридор.

– *En voiture*, – донеслось с платформы.

– Тронулись наконец, – сказал Маккуин.

Но это было не совсем так. Свисток прозвучал еще раз.

– Знаете, сэр, – неожиданно предложил молодой человек, – если вы хотите занять нижнюю полку – удобнее и все такое, – то я не возражаю.

– Нет, нет, – запротестовал Пуаро. – Я не хочу утруждать вас...

– Да всё в порядке...

– Вы слишком великодушны...

Они обменивались любезностями еще какое-то время.

– Это всего на одну ночь, – объяснил Пуаро. – В Белграде...

– Ах, так вы сходите в Белграде?

– Не совсем так. Понимаете...

Неожиданно поезд дернулся. Оба мужчины повернулись к окну и посмотрели на длинную, залитую светом платформу, которая медленно проплывала мимо них.

«Восточный экспресс» отправился в свое трехдневное путешествие через всю Европу.

Глава 3. Пуаро отказывается от предложения

На следующий день месье Эркюль Пуаро слегка запоздал на ланч. Он рано встал, позавтракал почти в одиночестве и провел утро за изучением материалов дела, которое требовало его немедленного присутствия в Лондоне. Своего попутчика он почти не видел.

Месье Бук, который уже сидел в ресторане, помахал ему в знак приветствия и предложил место за столиком напротив себя. Пуаро уселся и смог сполна насладиться столиком, который обслуживали в первую очередь и совершенно безукоризненно. Еда тоже была великолепной.

Только приступив к роскошному сливочному сыру, месье Бук позволил себе оторваться от обсуждения гастрономической темы. Он был как раз на том этапе насыщения, когда человек становится философом.

– Ах, – вздохнул месье Бук, – если б я обладал талантом Бальзака! Уж я бы описал эту сцену. – И он обвел вагон-ресторан рукой.

– Да, неплохая идея, – произнес Пуаро.

– Так вы со мной согласны? Мне кажется, что никому еще не пришло в голову описать поезд дальнего следования. А меж тем подобная сцена так и просится на бумагу, мой друг. Все эти люди, разных возрастов, национальностей, из разных слоев общества... И на три дня все они, ранее незнакомые друг с другом, собираются в одном месте. Они едят и спят под одной крышей и не могут избежать общества друг друга. А в конце этих трех дней расстаются для того, чтобы никогда больше не встретиться.

– А с другой стороны, – заметил Пуаро, – какое-то происшествие...

– Нет-нет, только не это, друг мой...

– Я понимаю, что, с вашей точки зрения, это будет ужасно, но давайте все-таки представим себе на минуту, что все эти люди оказываются связанными между собою – например, смертью.

– Еще немного вина? – предложил месье Бук, поспешно наполняя бокал сыщика. – Вы слишком мрачны, *mon cher*. Скорее всего, это из-за проблем с пищеварением.

– Соглашусь, – сказал Пуаро, – что еда в Сирии не слишком подходила для моего желудка.

Он глотнул вина и, откинувшись на спинку стула, задумчиво оглядел вагон-ресторан.

В зале сидели тринадцать человек – как уже заметил месье Бук, из разных слоев общества и разных национальностей. Пуаро стал

внимательно изучать сидевших.

За столом напротив него расположились трое мужчин. Как понял бельгиец, это были путешественники-одиночки, собранные за одним столом лишь непоколебимым решением местных официантов. Большой чернявый итальянец энергично орудовал зубочисткой. Напротив него находился сухощавый, аккуратно одетый англичанин с ничего не выражающим лицом хорошо вышколенного слуги. Рядом со слугой сидел крупный американец в кричащем костюме – скорее всего, коммивояжер.

– Здесь все дело в удаче, – громко произнес он в нос.

Итальянец вынул зубочистку изо рта и стал жестикулировать ею.

– Точно, – сказал он. – И я все время о том же.

Англичанин кашлянул и повернулся к окну.

Взгляд Пуаро двинулся дальше.

За маленьким столиком сидела, с абсолютно прямой спиной, одна из самых уродливых женщин, которых ему доводилось видеть в своей жизни. Это была выдающаяся уродливость – она скорее привлекала, чем отталкивала. Сидела женщина и в самом деле очень прямо. Ее шея была украшена широким «воротником» из очень крупных жемчужин, которые, несмотря на свои размеры, были настоящими. Пальцы унизаны кольцами, плечи прикрывало соболиное манто. Крошечная, но очень дорогая шляпка без полей удивительно не шла к ее желтоватому, похожему на жабую морду, лицу.

Она говорила с официантом четким и вежливым, но совершенно не терпящим возражения голосом.

– Будьте так любезны, поставьте мне в купе бутылку минеральной воды и большой стакан апельсинового сока. Проследите, чтобы сегодня за обедом цыпленок был приготовлен без всяких соусов, и не забудьте подать немного вареной рыбы.

Официант уважительно заверил ее, что все ее просьбы будут выполнены.

Дама чуть заметно наклонила голову и поднялась. Ее взгляд встретился со взглядом Пуаро, и она посмотрела на бельгийца с безразличием равнодушной аристократки.

– Это княгиня Драгомирова, – негромко сказал месье Бук. – Из русских. Ее мужу удалось перевести все свое состояние за границу еще до революции. Сказочно богата. Настоящая космополитка.

Пуаро кивнул – ему уже доводилось слышать о княгине Драгомировой.

– Вот это личность! – продолжил Бук. – Страшна, как смертный грех, но какая леди! Согласны?

Пуаро был согласен.

За следующим большим столиком сидела Мэри Дебенхэм с двумя попутчицами. Одна из них была высокой женщиной средних лет, одетой в юбку из твида и блузку в клеточку. Под копной выцветших волос песочного цвета, уложенных в неаккуратный пучок, виднелись очки, а ее длинное, доброе, благожелательное лицо чем-то напоминало овечью морду. Она слушала то, что говорила третья женщина – пожилая, коренастая, с приятным лицом. Говорила она ясно, медленно и удивительно монотонно, не прерываясь даже на то, чтобы сделать вдох.

– ...И тогда моя дочь сказала: «Вы не можете применять американские методы в этой стране. Народ здесь исключительно ленивый, – сказала она, – и в них начисто отсутствует какое-бы то ни было желание работать». И в то же время вы не поверите в то, что происходит в нашем тамошнем колледже. У них просто великолепный подбор учителей. На мой взгляд, самое главное – это образование. Мы должны научить Восток чтить и понимать наши западные ценности. Моя дочь говорит...

В этот момент поезд нырнул в тоннель, и спокойный, монотонный голос исчез.

За следующим столиком – маленьким – в одиночестве сидел полковник Арбэтнот. Он не отводил взгляда от затылка Мэри Дебенхэм. Сидели они по отдельности, хотя при желании легко могли бы сидеть вместе. Почему?

Может быть, подумал Пуаро, Мэри Дебенхэм была против этого. Гувернанткам приходится быть осторожными. Для них важно то, что о них говорят. Девушкам, которые сами зарабатывают себе на жизнь, приходится вести себя скромно.

Он посмотрел в другой конец вагона. В дальнем конце, у стены, сидела пожилая женщина в черном, с широким и ничего не выражающим лицом. Немка или скандинавка, подумал сыщик. Возможно, немецкая горничная мадам.

За ней сидела пара. Они наклонились друг к другу и говорили без остановки. На мужчине была английская одежда из твида, но было видно, что он не англичанин. Хотя Пуаро мог видеть только часть его затылка, форма головы и наклон плеч выдавали в нем европейца. Крупный, хорошо сложенный мужчина.

Неожиданно он повернулся, и Пуаро увидел его профиль. Очень красивый человек тридцати с небольшим, с большими светлыми усами.

Женщина, сидевшая напротив него, выглядела совершенным ребенком – не более двадцати на первый взгляд. Облегающие маленький жакет и

юбка, белая блузка из сатина и маленькая изысканная шляпка без полей, непонятно каким образом державшаяся у нее на голове. Красивое иноземное лицо, белоснежная кожа, большие карие глаза и черные блестящие волосы; ногти на ухоженных руках ярко-красного цвета. На пальцах одно-единственное кольцо – крупный изумруд, оправленный в платину. Во взгляде и голосе женщины сквозило кокетство.

– *Elle est jolie – et chic*^[23], — пробормотал Пуаро. – Скорее всего, муж и жена...

– Из венгерского посольства, – согласно кивнул месье Бук. – Красивая пара.

Остались последние два человека – попутчик Пуаро Маккуин и его хозяин, мистер Рэтчетт. Последний сидел лицом к Пуаро, и маленькому бельгийцу удалось еще раз рассмотреть его не располагающее к себе лицо и еще раз заметить несоответствие между доброжелательным изгибом бровей и злобой, сверкавшей в маленьких глазах.

Месье Бук сразу же заметил, как изменилось лицо его приятеля.

– Вы смотрите на ваше дикое животное? – спросил он. Пуаро согласно кивнул.

Когда сыщику принесли кофе, месье Бук встал. Он начал еду раньше Пуаро и закончил несколько минут назад.

– Я пойду к себе в купе, – сказал он. – Когда закончите – заходите, поболтаем.

– С удовольствием.

Пуаро заказал ликер и продолжил наслаждаться кофе. Официант с коробкой ходил от столика к столику, принимая плату за ланч. Шум зала перекрывал громкий и заунывный голос американки:

– Моя дочь сказала мне, чтобы я купила пачку столовых купонов, чтобы избежать проблемы с оплатой. Однако проблем стало только больше. Они все требуют десять процентов на чай, а в качестве минеральной воды предлагают что-то непонятное. У них никогда нет ни «Эвиан», ни «Виши»^[24], что мне кажется по меньшей мере странным.

– Они... они должны... как это говорить? Они должны приносить вода страны, в которой вы находитесь, – объяснила леди с овечьим лицом.

– Вот это-то и кажется мне странным. – Женщина с ненавистью взглянула на кучу мелочи, которую официант выложил перед ней на стол. – Вы только посмотрите, что он мне тут надавал... Динары, или что-то в этом роде. Выглядит как куча мусора. Моя дочь говорит...

Мэри Дебенхэм отодвинула стул и вышла из вагона, слегка кивнув

двум другим женщинам. Полковник Арбэтнот вышел вслед за ней. Собрав так ненавидимую ею мелочь, американка вышла из вагона-ресторана в сопровождении дамы с овечьим лицом. Венгры вышли еще раньше. Теперь ресторан был пуст, за исключением Пуаро, Рэтчетта и Маккуина.

Рэтчетт что-то сказал молодому человеку, и тот тоже вышел из вагона. Сам же, встав, не последовал вслед за Маккуином, а неожиданно уселся напротив Пуаро.

– Нет ли у вас спичек? – спросил он. Его голос был мягким, и говорил он слегка в нос. – Меня зовут Рэтчетт.

Пуаро слегка поклонился, засунул руку в карман, вытащил коробок спичек и протянул Рэтчетту, который взял его, но спичку зажигать не стал.

– Мне кажется, – продолжил он, – что я имею честь говорить с месье Пуаро, не так ли?

Бельгиец кивнул еще раз:

– Вы хорошо информированы, месье.

Детектив почувствовал, как маленькие острые глазки оценивающе осмотрели его с ног до головы, прежде чем их владелец заговорил вновь.

– Там, где я живу, – сказал он, – мы не привыкли тратить время на пустую болтовню. Поэтому перейду прямо к делу. Месье Пуаро, я хочу вас нанять.

Брови Эркюля Пуаро слегка приподнялись.

– Моя *clientèle*^[25], месье, в настоящее время очень ограничена. Я берусь далеко не за все дела.

– Это я прекрасно понимаю. Но, месье Пуаро, мы говорим о солидной сумме. – И он еще раз повторил своим мягким, убедительным голосом: – О достаточно солидной сумме.

– А что вы хотите, чтобы я для вас сделал, мистер Рэтчетт? – спросил сыщик, поразмыслив несколько минут.

– Месье Пуаро, я человек богатый, даже очень богатый. У таких людей, как я, бывают враги. Враг есть и у меня.

– Только один враг?

– Что вы хотите этим сказать? – резко спросил Рэтчетт.

– Месье, когда у человека, как вы говорите, есть враги, то одним, как правило, дело не ограничивается.

Казалось, что ответ Пуаро удовлетворил его собеседника.

– Ах, ну да, – быстро произнес он. – Я вас понял. Враг или враги – сейчас это не имеет значения. Сейчас самое главное – моя безопасность.

– Ваша безопасность?

– Да, моя жизнь под угрозой, месье Пуаро. Правда, я могу сам о себе

позаботиться... – С этими словами он продемонстрировал Пуаро небольшой автоматический пистолет, который держал во внутреннем кармане пиджака; потом мрачно продолжил: – Не думаю, что я человек, которого можно застать врасплох. Однако мне хотелось бы быть вдвойне уверенным. Думаю, что вы – как раз тот человек, который мне нужен, месье Пуаро. И, повторяю, речь идет о *больших* деньгах.

Несколько минут маленький бельгиец задумчиво рассматривал говорившего. На его лице не отражалось буквально ничего – собеседник никак не мог узнать, о чем сыщик думает в данный момент.

– К сожалению, месье, – сказал бельгиец после длинной паузы, – я не смогу быть вам полезен.

– Тогда сами назовите вашу цену, – произнес американец, посмотрев на сыщика проницательным взглядом.

Пуаро отрицательно покачал головой:

– Вы меня не поняли, месье. Мне очень повезло в профессии, и у меня достаточно денег, чтобы удовлетворять все мои нужды и даже капризы. Теперь я занимаюсь только тем, что меня действительно интересует.

– Видно, что у вас крепкие нервы, – заметил Рэтчетт. – А как насчет двадцати тысяч долларов?

– Никак.

– Если вы хотите выжать из меня побольше денег, то не на того напали. Я знаю, что сколько стоит.

– Я тоже, месье Рэтчетт.

– А что не так с моим предложением?

Пуаро встал.

– Прошу прощения за эти слова, но мне не нравится ваше лицо, месье Рэтчетт, – ответил он и покинул вагон-ресторан.

Глава 4. Крик в ночи

Симплонский «Восточный экспресс» прибыл в Белград в тот же вечер, без четверти девять. Отойти поезд должен был в 9.15, поэтому Пуаро решил выйти на платформу. Однако долго он на ней не задержался. Холод пронизывал до костей, и хотя сама платформа была защищена со всех сторон, снаружи шел сильный снег. Бельгиец решил вернуться в купе. Проводник, который стоял возле вагона, притоптывая ногами и похлопывая руками, чтобы согреться, заговорил с ним:

– Я перенес ваши чемоданы в купе номер один, месье. В то, в котором ехал месье Бук.

– А где же тогда поедет месье Бук?

– Он перешел в афинский вагон, который только что прицепили.

Пуаро направился на поиски своего друга, но тот отмахнулся от его протестов.

– Не стоит даже обсуждать это. Вам будет так удобнее. Ведь вы едете в Англию, поэтому вам лучше остаться в вагоне, который идет прямо до Кале. А мне и здесь замечательно. Главное – тихо. Вагон совсем пуст, за исключением меня и одного греческого врача... Ну и ночь сегодня, друг мой! Говорят, что такого снегопада не было уже много лет. Будем надеяться, что он нас не задержит. Поверьте, мне все это совсем не нравится.

Точно в 9.15 поезд отошел от станции, а вскоре после этого Пуаро пожелал своему другу спокойной ночи и прошел по коридору в свой вагон, который располагался прямо перед вагоном-рестораном.

В этот, второй по счету, день путешествия барьеры стали потихоньку рушиться. Полковник Арбэтнот стоял в дверях своего купе, беседуя с Маккуином.

Увидев Пуаро, Маккуин остановился на полуслове. Он выглядел искренне удивленным.

– Вот это да! – воскликнул он. – А я был уверен, что вы сошли. Вы же говорили, что сойдете в Белграде.

– Вы меня не так поняли, – улыбнулся Пуаро. – Теперь я припоминаю, что во время нашей беседы поезд как раз отправлялся из Стамбула...

– Но послушайте, ваш багаж – он куда-то исчез.

– Его перенесли в другое купе, вот и всё.

– Тогда понятно.

И он возобновил свою беседу с полковником, а Пуаро проследовал дальше.

За две двери до его собственного купе пожилая американская леди, миссис Хаббард, разговаривала с дамой с овечьим лицом, которая оказалась шведкой. Миссис Хаббард пыталась всучить ей какой-то журнал.

– Прошу вас, возьмите его, милочка, – говорила она. – Я захватила с собой достаточно чтива. Боже, этот холод просто ужасен. – Тут она дружески кивнула проходившему Пуаро.

– Вы очень добры, – проговорила шведская дама.

– Вовсе нет. Надеюсь, что сегодня вы выпитесь, и ваша голова перестанет болеть.

– Это всё от холода, – сказала шведка. – Я сейчас делать себе чашка чая.

– У вас есть аспирин? Вы в этом уверены? У меня его много... Ну, что же, тогда спокойной ночи, моя дорогая.

Когда шведка ушла, американка повернулась к Пуаро и сказала светским тоном:

– Бедняжка, она из Швеции. Насколько я смогла понять, миссионерка – из тех, что обучают туземцев. Милая женщина, но по-английски говорит с трудом. Она так заинтересовалась тем, что я рассказывала ей про свою дочь...

К этому моменту Пуаро уже знал о дочери американки все, до мельчайших подробностей, – как и все остальные пассажиры, которые говорили по-английски! О том, что дочь и ее муж работали в большом американском колледже в Смирне, и о том, что это было первое путешествие миссис Хаббард на Восток, и о том, что миссис Хаббард думает о безответственных турках и о состоянии их дорог.

Дверь рядом с ними открылась, и из нее вышел худой и бледный слуга-англичанин. Внутри купе Пуаро успел заметить мистера Рэтчетта, сидевшего на кровати. Когда тот увидел Пуаро, его лицо потемнело от гнева, а потом дверь захлопнулась.

Миссис Хаббард отвела Пуаро чуть в сторону.

– Знаете, я жутко боюсь этого человека. Нет, не слугу, а другого – его хозяина. Тоже мне хозяин! С этим человеком *что-то не так*. Моя дочь говорит, что у меня очень сильно развита интуиция. «Когда мамуся что-то чувствует, то она всегда права» – так она говорит. А этот человек вызывает у меня подозрение. Он живет в соседнем купе, и мне это совсем не нравится. Вчера я накрепко заперла внутреннюю дверь. Мне кажется, что я слышала, как ночью он пробовал ручку. Знаете, я ничуть не удивлюсь, если

этот человек окажется убийцей – одним из тех поездных грабителей, о которых пишут в газетах. Может быть, я дура, но я в этом уверена. Я жутко его боюсь. Дочь говорила мне, что у меня будет безоблачное путешествие, но мне оно почему-то совсем не нравится. Возможно, это звучит глупо, но мне кажется, что что-то должно произойти. Что-то страшное. И как этот милый молодой человек может служить у него секретарем, я просто не представляю.

Полковник Арбэтнот и Маккуин шли по коридору в их направлении.

– Пойдемте ко мне в купе, – предложил последний. – Постель еще не застелили. Так вот что я хотел вам сказать по поводу британской политики в Индии...

Мужчины прошли мимо них в направлении купе Маккуина.

Миссис Хаббард пожелала Пуаро спокойной ночи.

– Думаю, что я сейчас лягу и немного почитаю, – сказала она. – Спокойной вам ночи.

– Спокойной ночи, мадам.

Пуаро прошел в свое купе, которое находилось по другую сторону от купе Рэтчетта, разделся, лег в постель, почитал около получаса, а потом погасил свет.

Через несколько часов сыщик проснулся как от толчка. Он знал, что его разбудило, – громкий стон, почти крик, который раздался совсем рядом. В тот же момент раздался резкий звонок.

Пуаро сел в кровати и зажег свет. Он заметил, что поезд стоит неподвижно – скорее всего, на станции.

Этот крик сильно встревожил сыщика. Он вспомнил, что Рэтчетт находится в соседнем с ним купе. Пуаро вылез из кровати и приоткрыл дверь своего купе как раз в тот момент, когда к купе Рэтчетта торопливо подошел проводник и постучал в нее. Пуаро наблюдал за ним в щелку. Проводник постучал во второй раз. Раздался еще один звонок, и одна из дверей дальше по коридору открылась, отбросив яркое пятно света в коридор. Проводник взглянул через плечо в направлении открывшейся двери.

Как раз в этот момент из-за двери купе Рэтчетта раздался мужской голос:

– *Ce n'est rien. Je me suis trompé*^[26].

– *Bien, monsieur*, – сказал проводник и заторопился к двери, из которой падал свет.

Пуаро с облегчением вернулся в кровать и выключил свет. Он взглянул на часы – без двадцати трех минут час.

Глава 5. Преступление

Эркюль Пуаро долго не мог заснуть. С одной стороны, ему не хватало размеренного движения поезда. Если это станция, то почему на ней так тихо? В то же время звуки в самом вагоне казались необычно громкими. Он слышал, как в соседнем купе двигается Рэтчетт. Щелчок опущенного умывальника, звук текущей в раковину воды, плещущаяся вода, а потом еще один щелчок, когда умывальник опять подняли. По коридору прошел некто в ночных тапочках.

Эркюль Пуаро лежал, уставившись в потолок. Почему на станции царит такая тишина? В горле у него пересохло, а он совсем забыл заказать свою обычную бутылку минеральной воды. Сыщик еще раз взглянул на часы. Всего лишь четверть второго. Надо позвонить проводнику и попросить у него минеральную воду. Он уже было протянул руку к звонку, но внезапно в тишине раздался еще один звонок. Проводник не может одновременно ответить на все.

Дзинь... дзинь... дзинь...

Трели звонка не смолкали. Куда подевался этот проводник? Кто-то явно терял терпение.

Еще одна трель. Кто бы это ни был, он явно не снимал палец с кнопки.

Неожиданно появился проводник – он бежал, и эхо его шагов раздавалось в коридоре. Проводник постучал в дверь купе, расположенного недалеко от Пуаро. Затем раздался голос: проводника – почтительный и извиняющийся, и женщины – громкий и настойчивый.

Миссис Хаббард.

Пуаро улыбнулся.

Препирательство – если это можно было так назвать – продолжалось какое-то время, при этом девяносто процентов времени говорила миссис Хаббард и только десять – проводник. Наконец они пришли к какому-то согласию, Пуаро четко услышал: «*Bonne nuit, madame*»^[27], – и дверь закрылась.

Тогда сыщик нажал кнопку своего звонка. Проводник появился почти мгновенно. Выглядел он взмыленным и взволнованным.

– *De l'eau minerale, s'il vous plait*^[28].

– *Bien, monsieur.* – Что-то в глазах Пуаро сказало проводнику, что он может облегчить душу.

– *La Dame Americaine...*^[29]

– И что она?

Проводник утер пот со лба.

– Вы только представьте себе, что мне пришлось пережить. Она настаивала, именно настаивала, что в ее купе прячется мужчина. Вы только представьте себе, месье. В таком крошечном пространстве... – Он обвел рукой купе. – Ну где он может здесь спрятаться? Я ее уговаривал и объяснял, что это просто невозможно. Но она продолжала настаивать – якобы она проснулась, и в купе был мужчина. Тогда я спросил ее, как же ему удалось уйти, оставив дверь запертой изнутри? Но она ничего не хотела слышать. Как будто у нас больше нет причин для беспокойства. Этот снегопад...

– Снегопад?

– Ну конечно, месье. Разве месье ничего не заметил? Поезд стоит – мы попали в снежный занос. И одному богу известно, сколько мы здесь простои́м. Помню, один раз снег шел целых семь дней.

– И где же мы встали?

– Между Винковцами и Бродом.

– Ла-ла, – печально произнес Пуаро.

Проводник отошел и вернулся с бутылкой минеральной воды.

– *Bon soir, monsieur*^[30].

Пуаро попил воды и приготовился ко сну.

Он уже засыпал, когда что-то опять разбудило его. На этот раз ему показалось, как что-то тяжелое упало, ударившись о дверь его купе.

Сыщик вскочил, открыл дверь и выглянул в коридор. Ничего. Но он увидел, как вдоль по коридору удаляется женщина, закутанная в красное кимоно. В другом конце коридора на откидном стуле сидел проводник, который заносил какие-то цифры в ведомости. Все выглядело тихо и мирно.

– Мне явно надо подлечить нервы, – сказал вслух Пуаро и опять улегся в постель. На это раз он проспал, не пробуждаясь, до самого утра.

Когда сыщик проснулся, поезд все еще продолжал стоять. Подняв штору, маленький бельгиец выглянул на улицу. Их окружали громадные сугробы снега.

Его часы показывали, что время уже больше девяти часов утра.

Без четверти десять Пуаро, как всегда отутюженный и принаряженный – настоящий щеголь, – вошел в вагон-ресторан, в котором не замолкал хор печальных голосов.

Все барьеры, которые еще оставались между пассажирами, теперь были сломаны. Все они оказались объединены одним общим несчастьем.

Громче всех звучали жалобы миссис Хаббард.

– Моя дочь говорила мне, что это будет самым приятным путешествием в моей жизни. Надо, мол, просто сесть в поезд и ждать, пока не доедешь до Паррыжа. А теперь мы застряли здесь бог знает на сколько... А у меня послезавтра отплывает пароход, – не переставая ныла она. – Как я теперь на него попаду? Я даже не могу послать телеграмму, чтобы отменить резервацию. У меня просто голова лопается, когда я обо всем этом думаю.

Итальянец тут же сказал ей, что у него самого срочное дело в Милане, а американец согласился: «Скверное дело, мэм» – и выразил робкую надежду, что, может быть, поезд еще нагонит упущенное время.

– Мой сестра – ее дети ждать меня, – сказала шведка и расплакалась. – Как им сообщать? Что они думать? Они решить со мной случаться совсем плохо.

– И сколько мы здесь проторчим? – требовательно спросила Мэри Дебенхэм. – Хоть кто-нибудь может ответить на этот вопрос?

В ее голосе слышалось нетерпение, но Пуаро заметил, что оно ни в какое сравнение не шло с тем лихорадочным нетерпением, которое она продемонстрировала во время пожара на «Таврском экспрессе».

И опять раздался голос миссис Хаббард:

– На этом поезде никто ничего не знает. И никто ничего не хочет делать. Просто какая-то банда совершенно бесполезных иностранцев. Если б это произошло дома, то кто-то наверняка попытался бы сделать хоть что-нибудь.

Арбэтнот повернулся к Пуаро и осторожно обратился к нему на языке, который все британцы почему-то считают французским:

– *Vous êtes un directeur de la ligne, je crois, monsieur. Vous pouvez nous dire...* [31]

Улыбнувшись, Пуаро поправил его.

– Нет, нет, – ответил он по-английски. – Это не я. Вы перепутали меня с моим другом, месье Буком.

– Ох, тогда прошу прощения!

– Ничего страшного. Это совершенно естественно. Просто я сейчас занял его купе.

В ресторане месье Бука не было. Пуаро осмотрелся, чтобы понять, кто еще отсутствует. Не было княгини Драгомировой и венгерской четы. Кроме того, отсутствовали Рэтчетт, его слуга и немецкая горничная мадам.

Шведская дама вытерла глаза.

– Я есть глупый, – сказала она. – Плакать как бэби. Все к лучший, что

ни происходить.

Однако мало кто из присутствовавших разделял этот христианский подход к случившемуся.

– Все это очень здорово, – беспокойно произнес Маккуин, – но мы можем застрять здесь надолго.

– А что это хотя бы за страна? – плаксивым голосом спросила миссис Хаббард.

Узнав, что это Югославия, она сказала:

– Так это одна из балканских стран? Тогда чего еще мы могли ожидать?

– Вы здесь единственный спокойный человек, мадемуазель, – произнес Пуаро, обращаясь к мисс Дебенхэм.

Девушка слегка пожала плечами.

– А что мы можем сделать?

– А вы, оказывается, философ, мадемуазель.

– Философия подразумевает отстраненное отношение к жизни, а у меня все гораздо проще – я научилась не тратить нервы и силы на бесполезные эмоции.

Разговаривая, мисс Дебенхэм даже не взглянула на сыщика. Она смотрела сквозь него, куда-то далеко, туда, где возвышались горы нанесенного снега.

– У вас сильный характер, мадемуазель, – мягко произнес Пуаро, – пожалуй, самый сильный среди всех присутствующих.

– Ну что вы, совсем нет. Я знаю человека, у которого характер гораздо сильнее.

– И это?..

Казалось, что она неожиданно пришла в себя и поняла, что говорит с незнакомцем, с которым до сегодняшнего утра обмолвилась едва ли полудюжиной фраз.

Девушка рассмеялась вежливым, но отчужденным смехом.

– Возьмите, например, эту старую леди. Вы наверняка обратили на нее внимание. Очень уродливая старая леди, и тем не менее она притягивает к себе взор. Ей достаточно пошевелить мизинцем и о чем-то вежливо попросить, как весь поезд бросается выполнять ее желания.

– Люди точно так же бросаются выполнять желания моего друга, меье Бука, – заметил Пуаро, – но это только потому, что он директор Компании, а не потому, что у него сильный характер.

Мэри Дебенхэм улыбнулась.

Утро заканчивалось. Несколько человек – и Пуаро среди них –

остались в вагоне-ресторане. Они подсознательно чувствовали, что общество других пассажиров поможет им легче убить время. Сыщик узнал новые подробности о дочери миссис Хаббард и о дневных привычках рано покинувшего сей мир мистера Хаббарда, начиная с того момента, как тот просыпался утром и приступал к своему завтраку, который состоял из овсяной каши, и кончая его отходом ко сну в ночных носках, которые ему вязала обязательно сама миссис Хаббард.

Как раз когда сыщик выслушивал запутанный рассказ о целях миссионерской организации дамы из Швеции, в вагон вошел один из проводников и встал сбоку от него.

– *Pardon, monsieur.*

– Я слушаю.

– Месье Бук предает вам привет и говорит, что был бы рад, если б вы сообразовали присоединиться к нему на несколько минут.

Пуаро встал, пробормотал свои извинения даме из Швеции и вслед за проводником вышел из вагона.

Этот проводник – крупный светловолосый мужчина – был не из их вагона.

Бельгиец проследовал за ним по коридору своего вагона и перешел в следующий. Мужчина постучал в дверь, а затем сделал шаг в сторону, давая Пуаро возможность войти.

Это было не личное купе месье Бука. Оно было второго класса, и, скорее всего, его выбрали из-за чуть большего размера. Создавалось впечатление, что оно набито людьми.

Сам месье Бук поместился на небольшом стуле в противоположном от двери углу. В углу рядом с окном сидел, повернувшись к нему лицом, небольшой темноволосый мужчина, который смотрел на снег за окном. Около двери стояли крупный мужчина в синей униформе (*chef de train*^[32]) и проводник вагона, в котором ехал Пуаро. Оба они практически блокировали вход в купе.

– А, мой дорогой друг! – воскликнул месье Бук. – Прощу вас, заходите. Вы нам крайне нужны.

Мужчина около окна подвинулся на своем сиденье, Пуаро протиснулся между *chef de train* и проводником и уселся напротив своего друга. По его лицу он сразу понял, что произошло что-то, как он потом это описывал, «из ряда вон выходящее».

– Что случилось? – спросил сыщик.

– Хороший вопрос. Ну, во-первых, снег и эта неожиданная остановка. А теперь еще и...

Он замолчал. Было видно, как проводник с трудом хватает воздух ртом.

– И что же теперь?

– *А теперь на полке в купе лежит мертвый пассажир, заколотый ножом*, – месье Бук произнес это со спокойствием отчаяния.

– Пассажир? Какой пассажир?

– Американец. Его зовут... зовут... – месье Бук сверился со списком, который лежал перед ним, – Рэтчетт. Да, совершенно точно – Рэтчетт.

– Именно так, месье, – сглотнул проводник.

Пуаро взглянул на него и увидел, что он был белым как мел.

– Пусть этот человек сядет, – предложил бельгиец, – иначе он сейчас потеряет сознание.

Chef de train слегка отодвинулся, и проводник сполз по стене и закрыл лицо руками.

– Б-р-р-р, – произнес Пуаро, – дело действительно серьезное!

– Ну конечно, серьезное. Начнем с того, что любое убийство само по себе уже катастрофа чистой воды. А здесь еще и обстоятельства совершенно необычные. Мы попали в снежную западню и можем остаться в ней не на часы, а на дни! И вот еще какое несчастье – обычно на поезде присутствует полиция той страны, по территории которой мы проезжаем, но только не в Югославии. Вы меня понимаете?

– Невероятно сложная ситуация, – согласился Пуаро.

– Однако и это еще не всё. Доктор Константин... простите, я вас не представил – доктор Константин, месье Пуаро.

Небольшой человек встал и поклонился – сыщик поклонился в ответ.

– Доктор Константин считает, что смерть наступила около часа ночи.

– В таких случаях сложно что-либо утверждать совершенно определенно, – сказал врач, – но мне кажется, что я могу с уверенностью сказать, что смерть наступила между полуночью и двумя часами утра.

– А когда этого мистера Рэтчетта видели живым в последний раз? – спросил Пуаро.

– Известно только, что он был жив без двадцати час, когда общался с проводником, – ответил месье Бук.

– Это правильно, – заметил Пуаро. – Я сам слышал этот разговор. И с тех пор – ничего?

– Ничего.

Маленький бельгиец повернулся к врачу, который продолжил:

– Окно купе мистера Рэтчетта было широко открыто – видимо, преступник хотел, чтобы мы подумали, что он скрылся через окно. На мой

взгляд, он просто замечает следы. Любой, кто ушел таким образом, оставил бы на снегу глубокие отпечатки, а их нет.

– А когда обнаружили преступление? – задал следующий вопрос сыщик.

– Мишель!

Проводник спального вагона выпрямился. Его лицо все еще было бледным, на нем был написан неприкрытый испуг.

– Подробно расскажите этому джентльмену, что же произошло, – велел месье Бук.

– Сегодня утром камердинер мистера Рэтчетта несколько раз стучал к нему в купе, – проводник запинаясь, – но никто не отвечал. Полчаса назад к купе подошел официант из ресторана – он хотел узнать, будет ли мистер Рэтчетт завтракать, ведь было уже почти одиннадцать, вы понимаете? Я попытался открыть ему дверь собственным ключом. Но она была закрыта изнутри на цепочку. В купе было очень тихо и холодно, по-настоящему холодно. Окно было открыто и в него задувал снег. Я подумал, что у джентльмена, скорее всего, случился удар, и позвал *chef de train*. Мы сломали цепочку и вошли. Пассажир был... Ah! *C'était terrible!*^[33]

Он опять закрыл лицо руками.

– Дверь была заперта и закрыта на цепочку изнутри, – размышлял вслух Пуаро. – А это не самоубийство, как вы думаете?..

Греческий доктор язвительно рассмеялся.

– Как вы думаете, самоубийца способен ударить себя ножом раз этак десять-пятнадцать? – спросил он.

Глаза Пуаро широко раскрылись.

– Смахивает на жуткую жестокость.

– Это женщина, – впервые открыл рот *chef de train*. – Можете быть уверены – это все женщина. Только женщина может совершить подобное.

Доктор Константин задумчиво почесал подбородок.

– Тогда это должна быть очень сильная женщина, – заметил он. – Не буду ударяться в технические подробности, вас это только запутает, но скажу, что несколько ударов были нанесены с такой силой, что пробили мышцы и сухожилия насквозь.

– Как я понимаю, преступление было совершено не профессионалом, – предположил сыщик.

– Не профессионалом, – согласился врач. – Удары наносились беспорядочно и без всякой системы. Некоторые из них прошли вскользь, не причинив никакого вреда. Похоже на то, что кто-то в состоянии аффекта закрыл глаза и бил ножом снова и снова.

– *C'est une femme*^[34], — вновь повторил *chef de train*. – Женщины – они все такие. Когда они выходят из себя – откуда только силы у них берутся... – И он кивнул так глубокомысленно, что все присутствовавшие заподозрили, что он основывается на своем собственном опыте.

– Я, наверное, могу кое-что добавить к этой информации, – сказал Пуаро. – Вчера месье Рэтчетт говорил со мной. Насколько я его понял, он волновался за свою жизнь.

– Боялся, что его «укокошат», так, кажется, говорят эти американцы? – вмешался месье Бук. – Тогда дело здесь не в женщине, а скорее в гангстере или наемном убийце.

Было видно, что *chef de train* сильно расстроился, увидев, что его теория не подтверждается.

– Но если это так, – сказал Пуаро, – то все выглядит как-то уж очень по-любительски.

В его тоне явно слышалось профессиональное осуждение.

– На поезде едет один здоровый янки, – стал развивать свою идею месье Бук. – Ничем не примечательный человек в кричащих костюмах. Он постоянно жует жвачку, что, как я понимаю, в приличном обществе не приветствуется. Вы понимаете, о ком я?

Проводник, к которому он обратился, согласно кивнул:

– *Oui*^[35], месье. Номер шестнадцать. Но это не может быть он. Я не видел, чтобы он выходил из своего купе.

– Вполне возможно, вполне возможно... Позже мы к этому еще вернемся. Сейчас главный вопрос – что делать дальше? – И месье Бук посмотрел на Пуаро.

Сыщик возвратил ему взгляд.

– Послушайте, друг мой, – начал месье Бук. – Ведь вы же понимаете, о чем я хочу вас попросить. Возглавьте расследование! Нет, нет, только не отказывайтесь, прошу вас. Понимаете, для нас – а я сейчас говорю о компании «Вэгонс-Лит» – все это очень серьезно. Как будет здорово, если к моменту прибытия югославской полиции у нас уже будет готовое решение! А иначе последуют задержки, возмущение пассажиров, да и вообще вагон и маленькая тележка всяких проблем. И кто знает, может быть, под подозрение попадут совершенно невиновные люди. А вместо всего этого – вы раскрываете преступление! И мы сможем сказать – да, произошло убийство, и вот перед вами преступник!

– А если я его не раскрою?

– *Ah, mon cher!* – Голос месье Бука был полон лести. – Я ведь знаю

вашу репутацию. И слышал кое-что о ваших методах. Для вас это просто идеальный случай. Изучение прошлой жизни людей и проверка их добропорядочности обычно занимает уйму времени, а иногда приводит к большим неприятностям. А вы сами не раз говорили мне, что для того, чтобы раскрыть преступление, вам надо просто поудобнее устроиться в кресле и хорошенько поразмыслить. Так сделайте же это. Опросите пассажиров, осмотрите тело, проанализируйте все улики, а потом... Я верю в вас! Я уверен, что ваши слова не были пустым хвастовством. Садитесь и думайте – используйте (я много раз слышал, как вы говорили об этом) маленькие серые клеточки в вашей голове – и у вас все *получится!* – Он подался вперед и посмотрел на своего друга умоляющими глазами.

– Я тронут вашей верой в мои скромные способности, друг мой, – голос Пуаро звучал очень эмоционально. – Как вы и сказали, дело, скорее всего, не очень сложное. Я и сам прошлой ночью... хотя об этом мы поговорим позже. По правде говоря, я заинтригован. Не прошло и получаса с того момента, как я раздумывал о том, сколько изматывающе скучных часов нам предстоит здесь провести, – и вот теперь мне есть чем заняться.

– Так вы согласны? – с надеждой спросил месье Бук.

– *C'est entendu*^[36], оставьте это дело мне.

– Отлично. Мы все в вашем распоряжении.

– Начнем с того, что мне нужен план вагона Стамбул – Кале, с точным указанием, кто какое купе занимает, а также паспорта и билеты всех пассажиров.

– Мишель немедленно все это вам предоставит.

Проводник вышел из купе.

– Кто еще едет на поезде?

– В этом вагоне только доктор Константин и я. В вагоне из Бухареста – старый джентльмен с хромой ногой; проводники его хорошо знают. Кроме того, есть еще простые вагоны, но они вас волновать не должны – после обеда наша часть состава запирается на ночь. Перед вагоном Стамбул – Кале находится только вагон-ресторан.

– Тогда, – задумчиво сказал Пуаро, – мы должны искать убийцу среди пассажиров этого вагона. – Он повернулся к врачу: – По-моему, вы именно на это намекали, не так ли?

Грек утвердительно кивнул.

– В половине первого ночи мы попали в снежный занос. После этого никто не мог покинуть поезд. – Месье Бук был мрачен. – *И убийца сейчас среди нас, на этом поезде...*

Глава 6. Убийца – женщина?

– Прежде всего, – сказал Пуаро, – я хотел бы перекинуться парой слов с молодым мистером Маккуином. Он может сообщить нам важную информацию.

– Конечно, – сказал месье Бук и повернулся к *chef de train*: – Попросите месье Маккуина присоединиться к нам.

Chef de train вышел из купе.

Проводник вернулся с кипой паспортов и билетов. Месье Бук взял их у него.

– Благодарю вас, Мишель. А теперь, полагаю, вам лучше вернуться на свой пост. Позже мы запишем ваши показания.

– Очень хорошо, месье. – И проводник вышел из купе.

– После того как мы поговорим с молодым Маккуином, – сказал Пуаро, – может быть, месье доктор проводит меня в купе убитого?

– Конечно.

– А после того как мы закончим там...

В этот момент вернулся *chef de train* в сопровождении Гектора Маккуина. Месье Бук встал.

– Здесь немного тесновато, – сказал он приятным голосом. – Присаживайтесь, месье Маккуин. А месье Пуаро сядет напротив – вот так. – Директор повернулся к *chef de train*: – Уберите всех людей из вагона-ресторана и освободите его для месье Пуаро. Вам будет удобно там беседовать, *mon cher*?

– Очень удобно, – согласился сыщик.

Маккуин стоял и переводил взгляд с одного на другого, не совсем понимая быстрый поток французских слов.

– *Qu'est ce qu'il y a?* – с трудом начал он. – *Pourquoi?*.. [\[37\]](#)

Повелительным жестом Пуаро указал ему на место в углу. Молодой человек сел и начал опять:

– *Pourquoi?*.. – Потом запнулся и перешел на родной язык: – Что происходит в этом поезде? Что-то случилось?

Он внимательно смотрел на двух бельгийцев.

– Вот именно, – кивнул Пуаро. – Именно случилось. Приготовьтесь услышать неприятное известие. *Ваш работодатель, месье Рэтчетт, мертв.*

Маккуин присвистнул. О его шоке или возможном расстройстве

говорили только слегка посветлевшие глаза.

– Значит, они все-таки до него добрались, – произнес он.

– Что вы хотите этим сказать, месье Маккуин?

Тот заколебался.

– Вы полагаете, – сказал Пуаро, – что месье Рэтчетта убили?

– А разве нет? – На этот раз было видно, что молодой человек удивлен. – Но вы правы. Именно об этом я подумал. А вы что, хотите сказать, что он умер во сне? – Американец говорил очень медленно. – Старик был крепок, как... крепок, как...

Он замолчал, так и не подобрав достойного сравнения.

– Нет, нет, – возразил Пуаро. – Ваше предположение совершенно верно. Мистера Рэтчетта убили. Точнее, закололи ножом. Мне бы хотелось знать, почему вы так уверены, что это было убийство, а не просто... смерть?

Маккуин заколебался.

– Мне бы хотелось понять, – произнес он, – кто вы такой и почему занимаетесь этим?

– В настоящий момент я представляю компанию «Вэгонс-Лит». – Пуаро помолчал и добавил: – А сам я частный детектив. Меня зовут Эркюль Пуаро.

Если он ожидал какой-то реакции, то ее не последовало.

– Ах вот как? – только и произнес Маккуин и стал ждать продолжения.

– Возможно, вы уже слышали это имя.

– Вы знаете, звучит очень знакомо, но я думал, что это имя дамского портного.

Взгляд Пуаро был полон неприязни.

– Совершенно невероятно! – воскликнул он.

– Что невероятно?

– Да так, ничего... Давайте продолжим. Я хотел бы, месье Маккуин, чтобы вы рассказали мне все, что знаете об убитом. Он вам не родственник?

– Нет. Я его... то есть был его секретарем.

– И как долго вы у него работали?

– Чуть больше года.

– Прошу вас сообщить мне всю информацию, которой вы располагаете.

– С мистером Рэтчеттом я встретился чуть больше года назад в Персии...

– А что вы там делали? – прервал его сыщик.

– Я приехал из Нью-Йорка по поводу одной нефтяной концессии. Думаю, что подробности вам не очень интересны. Нас с моим другом здорово кинули. Мистер Рэтчетт жил со мной в одной гостинице. Он только что разругался со своим секретарем и предложил мне занять его место. Я согласился. Я был на мели и обрадовался, когда мне предложили готовую и хорошо оплачиваемую работу.

– И с тех пор...

– Мы путешествовали. Мистер Рэтчетт хотел увидеть мир. Проблема была в том, что он не владел иностранными языками. Я был скорее его связным, чем секретарем, но жизнь была очень приятная.

– А теперь расскажите мне все, что знаете о вашем работодателе.

Молодой человек пожал плечами, и на его лице появилось растерянное выражение.

– Знаете, это не так просто...

– Его полное имя?

– Сэмюэль Эдвард Рэтчетт.

– Американский гражданин?

– Да.

– Где именно в Америке он родился?

– Не знаю.

– Тогда расскажите мне то, что знаете.

– Все дело в том, мистер Пуаро, что я вообще ничего не знаю! Мистер Рэтчетт никогда ничего не рассказывал ни о себе, ни о своей жизни в Америке.

– А как вы думаете, почему?

– Не знаю. Может быть, он стыдился того, с чего начинал... Некоторые стыдятся.

– И вам это кажется правдоподобным?

– Если честно, то нет.

– У него были родственники?

– Он никогда о них не упоминал.

– Но у вас же должна быть хоть *какая-то* теория, месье Маккуин, – продолжал настаивать сыщик.

– Да, вы правы. Прежде всего я не верю, что Рэтчетт – это его настоящее имя. Мне кажется, что он намеренно уехал из Америки, чтобы избежать чего-то или кого-то. И мне кажется, что до недавнего времени это ему удавалось.

– А потом?

– А потом он стал получать письма – угрожающие письма.

- Вы их видели?
- Да. В мои обязанности входило следить за его перепиской. Первое письмо пришло две недели назад.
- И все эти письма уничтожены?
- Нет, у меня в архиве должна сохраниться парочка. Одно, я точно помню, он разорвал в ярости... Хотите, принесу?
- Да, будьте так любезны.

Маккуин вышел из купе. Вернувшись через несколько минут, он выложил перед Пуаро два довольно грязных листка писчей бумаги.

Первое письмо было следующего содержания:

Думал, что всех обманул и скрылся, да? Ни за что на свете.
Мы ХОТИМ до тебя добраться, Рэтчетт, и мы до тебя
ДОБЕРЕМСЯ!

Подписи не было.

Пуаро только приподнял брови и взял второе письмо.

Скоро мы с тобой отправимся на прогулку, Рэтчетт. Очень скоро, ты понял?

И мы тебя ДОСТАНЕМ, не сомневайся.

Пуаро положил письма на стол.

– Содержание довольно однообразно, – заметил он. – Гораздо однообразнее, чем почерк.

Маккуин уставился на него.

– Вы просто этого не заметили, – пояснил Пуаро любезным голосом. – Для этого нужен глаз профессионала. Эти письма написаны не одним человеком, месье Маккуин. Их писали два или три человека – по одной букве зараз. Кроме того, письма написаны печатными буквами, а это значительно усложняет идентификацию почерка.

Он помолчал, потом спросил:

– Вы знаете о том, что месье Рэтчетт обращался ко мне за помощью?

– К вам?

В голосе Маккуина звучало такое искреннее удивление, что Пуаро сразу понял, что он ничего не знает. Сыщик кивнул:

– Да. И был при этом сильно обеспокоен. Скажите, как он среагировал на первое письмо?

– Сложно сказать, – поколебавшись, ответил Маккуин. – Он... он

отбросил его со своим всегдашним тихим смешком. Но мне показалось, – молодой человек слегка поежился, – что за этим смешком скрывалась буря эмоций.

Пуаро снова кивнул. Его следующий вопрос оказался совершенно неожиданным для опрашиваемого.

– Мистер Маккуин, скажите – только честно, – как вы относились к вашему работодателю? Он вам нравился?

Гектор Маккуин задумался.

– Нет, – ответил он наконец. – Он мне не нравился.

– Почему?

– Сложно сказать. Манеры у него всегда были очень приятные... – Мужчина помолчал, затем продолжил: – Скажу вам как на духу, мистер Пуаро, – он мне не нравился, и я ему не верил. Я уверен, что он был жестоким и опасным человеком. Хотя должен признаться, что у меня нет никаких доказательств этого.

– Благодарю вас, месье Маккуин. Еще один вопрос – когда вы в последний раз видели месье Рэтчетта живым?

– Прошлым вечером... – Маккуин задумался, вспоминая, – около десяти часов. Я зашел к нему в купе, чтобы сделать кое-какие записи.

– Записи о чем?

– В Париже он купил какие-то древние черепки и античную посуду. Когда их доставили, то оказалось, что это не то, за что он заплатил. Переписка по этому поводу была очень долгой и достаточно ядовитой.

– И это был последний раз, когда вы видели его живым?

– Да, мне так кажется.

– А когда месье Рэтчетт получил последнее угрожающее письмо?

– Утром того дня, когда мы уезжали из Константинополя.

– И еще один вопрос, который мне хотелось бы задать вам, месье Маккуин, – в каких отношениях вы были с месье Рэтчеттом?

Неожиданно в глазах молодого человека промелькнул огонек.

– По-видимому, именно сейчас я должен покрыться мурашками и произнести сакраментальную фразу любого бестселлера: «У вас на меня ничего нет». У нас с Рэтчеттом действительно были абсолютно нормальные отношения.

– Будьте любезны, месье Маккуин, сообщите мне ваше полное имя и адрес в Америке.

Молодой человек продиктовал свое имя – Гектор Уиллард Маккуин и адрес в Нью-Йорке.

Пуаро откинулся на подушки.

– На сегодня это все, месье Маккуин, – сказал он. – Буду благодарен вам, если вы какое-то время не будете распространяться о смерти месье Рэтчетта.

– Я должен рассказать об этом его камердинеру – Мастермэну.

– Возможно, он уже знает об этом, – сухо заметил Пуаро. – Если так, то посоветуйте ему держать язык за зубами.

– Это будет совсем нетрудно. Он британец и, как он сам говорит, «не любит лезть в чужие дела». Он очень низкого мнения об американцах, а других национальностей для него просто не существует.

– Благодарю вас, месье Маккуин.

Американец вышел из купе.

– Ну и?.. – поинтересовался месье Бук. – Вы верите тому, что наговорил этот молодой человек?

– Он выглядит человеком честным и прямолинейным. Не стал притворяться в любви к убитому, что, скорее всего, сделал бы, если б был замешан в преступлении. То, что месье Рэтчетт не сказал ему, что обращался ко мне за помощью, тоже правда, и ничего подозрительного я в этом не нахожу. Мне кажется, что месье Рэтчетт не любил распахивать душу перед кем-либо.

– Что же, будем считать, что хоть один из пассажиров невиновен, – радостно заключил месье Бук.

Пуаро бросил на него осуждающий взгляд.

– Что касается меня, то я буду подозревать всех до самой последней минуты, – признался он. – И тем не менее должен сказать, что не могу представить себе, как этот уравновешенный Маккуин теряет голову и тыкает свою жертву ножом двенадцать или четырнадцать раз. На него это не похоже, совсем не похоже.

– Согласен, – задумчиво произнес месье Бук. – Это больше похоже на поступок мужчины, полностью потерявшего рассудок от ярости. Я бы сказал, что это мог сделать мужчина с южным темпераментом. Или, как настаивает наш друг *chef de train*, это дело рук женщины.

Глава 7. Труп

В сопровождении доктора Константина Пуаро прошел в соседний вагон, в купе, которое принадлежало убитому. Проводник открыл им дверь своим ключом.

Мужчины вошли, и сыщик вопросительно посмотрел на своего спутника:

– Что делали в этом купе?

– Здесь ни до чего не дотрагивались. Я старался не двигать тело во время осмотра.

Пуаро удовлетворенно кивнул и осмотрелся.

Первое, на что он обратил внимание, был жуткий холод. Окно было опущено до предела, а жалюзи полностью подняты.

– Б-р-р-р, – невольно произнес сыщик.

Врач понимающе улыбнулся.

– Я решил не закрывать его, – пояснил он.

Пуаро внимательно осмотрел окно.

– Вы абсолютно правы, – объявил он. – Никто не покидал вагон этим путем. Вполне возможно, опущенное окно предназначалось для того, чтобы направить нас по ложному следу, но если это так, то снегопад нарушил планы преступника.

Теперь он внимательно осмотрел раму. Достав из кармана маленькую коробочку, нанес на нее немного пудры и заметил:

– Абсолютно никаких отпечатков пальцев. Это значит, что раму тщательно протерли. Хотя, если б отпечатки и были, нам от них было бы мало толку. Они принадлежали бы месье Рэтчетту, или его слуге, или проводнику. Сейчас преступники уже не оставляют свои отпечатки где попало. А поэтому, – весело добавил он, – мы вполне можем закрыть окно, а то купе стало похоже на холодный склеп!

Он немедленно претворил свою идею в жизнь и только после этого впервые посмотрел на неподвижную фигуру, лежавшую на полке.

Убитый лежал на спине. Полы его пижамы, покрытые ржавыми пятнами, были растегнуты и откинуты в стороны.

– Понимаете, мне надо было определить характер повреждений, – объяснил врач.

Пуаро кивнул и наклонился над телом. Наконец он выпрямился с легкой гримасой, заметив:

– Видок не из самых приятных. Кто-то стоял над телом и втыкал в него нож снова и снова. Сколько ран, если точно?

– Я насчитал двенадцать. Некоторые настолько неглубоки, что больше похожи на царапины. С другой стороны, по крайней мере три из них вполне могли быть смертельными.

Что-то в голосе врача привлекло внимание Пуаро. Он внимательно посмотрел на медика. Маленький грек смотрел на труп с хмурым недоумением.

– Что-то кажется вам странным, не так ли? – мягко спросил Пуаро. – Говорите, мой друг. Ведь что-то здесь кажется вам странным?

– Вы правы, – признался врач.

– И что же именно?

– Видите эти две раны – здесь и здесь? – Врач указал на них пальцем. – Они довольно глубокие – было перерезано много сосудов; и тем не менее их края не разошлись. Из них вылилось не так много крови, как можно было бы ожидать.

– А это означает...

– Что мужчина был уже мертв, причем какое-то время, когда их нанесли. Хотя это абсурдно по своей сути.

– Это действительно абсурдно, – задумчиво сказал Пуаро, – если только наш убийца вдруг не решил, что не выполнил свою работу до конца и не вернулся, чтобы проверить себя еще раз, – но это еще более абсурдно. Что-нибудь еще?

– Еще одна вещь.

– Какая именно?

– Видите эту рану – под правой рукой, рядом с плечом? Возьмите мой карандаш и попытайтесь нанести подобный удар.

Пуаро поднял руку.

– *Précisément*, – сказал он. – Я вас понял. *Правой* рукой это сделать очень трудно, почти невозможно. Пришлось бы бить сзади. А вот если удар наносился *левой* рукой...

– Вот именно, месье Пуаро. Этот удар был, несомненно, нанесен *левой* рукой.

– Так что, наш убийца еще и левша? Нет, всё не так просто, правильно?

– Всё, как вы говорите, месье Пуаро. Большинство ударов наносились правой – это очевидно.

– Тогда их было двое. Мы опять возвращаемся к тому же самому, – пробормотал детектив. – А свет горел? – неожиданно спросил он.

– Сложно сказать. Дело в том, что по утрам, в районе десяти часов, проводник сам отключает электричество.

– Тогда давайте посмотрим выключатели, – предложил сыщик. Он внимательно осмотрел выключатель верхнего света и лампу для чтения у изголовья, которая закрывалась сферической крышкой. Верхний свет был выключен, а крышка на лампе для чтения была закрыта.

– *Eh bien*, – задумчиво сказал бельгиец. – Теперь у нас появилась гипотеза о Первом и Втором убийце, прямо как у великого Шекспира^[38]. Первый убийца несколько раз ударил жертву ножом и покинул купе, погасив свет. Вторым убийца появился в темноте, не понял, что его – или ее – работа уже выполнена, и воткнул нож, по крайней мере дважды, в мертвое тело. *Que pensez vous de ça?*^[39]

– Великолепно! – с энтузиазмом воскликнул маленький доктор.

Глаза сыщика блеснули.

– Вы так думаете? Что ж, я рад. Хотя мне все это кажется глупостью.

– А как еще можно все это объяснить?

– Именно этот вопрос я и задаю сам себе. Это что, простое совпадение или нечто другое? И существуют ли какие-нибудь другие несостыковки, которые указывали бы на участие двоих людей?

– Думаю, что могу ответить утвердительно. Как я уже говорил, некоторые из этих ударов указывают на слабость – или это отсутствие физической силы, или отсутствие моральной решительности. Слабые скользящие удары. Но вот этот удар или вот этот... – Врач опять указал на разрезы. – Для того чтобы их нанести, нужна недюжинная сила. Они пробили мышечный каркас.

– И вы считаете, что их нанес мужчина? – уточнил Пуаро.

– Почти наверняка – да.

– Женщина этого сделать никак не могла?

– Молодая, здоровая, атлетическая женщина, особенно находящаяся в состоянии аффекта, могла бы – но, на мой взгляд, это невероятно.

Несколько минут Пуаро молчал.

– Вы меня понимаете? – взволнованно переспросил врач.

– Абсолютно, – ответил детектив. – Дело на глазах становится все проще и проще! Убийца – очень сильный мужчина, и в то же время совсем чахлый, и вообще он женщина, да к тому же левша, которая почему-то пользовалась правой рукой... *Ah! c'est rigolo, tout ça!*^[40] А что же в это время делает убитый? – В голосе Пуаро неожиданно послышался гнев. – Он что, кричит? Сопrotивляется? Пытается себя защитить?

Засунув руку под подушку, маленький бельгиец достал автоматический пистолет, который Рэтчетт показывал ему накануне.

– Видите, полностью заряжен, – обратился он к врачу.

Они еще раз осмотрелись. Одежда Рэтчетта была развешена по крючкам на стене. На небольшом столике, который был образован крышкой раковины, находилось несколько предметов: стакан со вставными челюстями, еще один стакан – на этот раз пустой, бутылка минеральной воды, большая фляжка, пепельница с окурком сигары, обуглившимися бумажками и двумя сгоревшими спичками.

Доктор понюхал пустой стакан.

– Вот в чем причина пассивности жертвы, – сказал он.

– Наркотик?

– Да.

Пуаро кивнул. Затем взял две обожженные спички и внимательно их изучил.

– Что-нибудь нашли? – с нетерпением спросил врач.

– Это две разные спички, – сказал Пуаро. – Одна из них более плоская, чем другая. Видите?

– Такие спички обычно раздают в поезде – в бумажной упаковке, – сказал врач.

Пуаро стал обыскивать карманы Рэтчетта. Наконец он нашел коробок со спичками. Внимательно изучив их, сказал:

– Ту, что потолще, зажег Рэтчетт. Давайте посмотрим, есть ли у него более плоские.

Но дальнейшие поиски ничего не дали. Глаза Пуаро шарили по купе. Сейчас они походили на глаза птицы – такие же светлые и острые. Было видно, что от них ничего не укроется.

Наконец, негромко вскрикнув, он наклонился и поднял что-то с пола. Это оказался очень изящный квадратный лоскут батиста.

– Наш друг *chef de train*, кажется, прав. – Доктор был в полном восторге. – В деле определенно замешана женщина.

– И она очень удачно оставила свой платок! – заметил Пуаро. – Прямо как в романах или в кино – а чтобы еще больше облегчить нам жизнь, на платке вышиты инициалы.

– Нам действительно здорово повезло! – воскликнул грек.

– Действительно, – произнес Пуаро, и что-то в его голосе удивило врача.

Но прежде чем он смог попросить сыщика объясниться, тот еще раз нырнул ему под ноги.

На этот раз у него на ладони лежал ершик для чистки трубок.

– Скорее всего, он принадлежал Рэтчетту, – предположил доктор.

– Но у него в карманах нет никаких следов ни трубки, ни табака, ни кисета.

– Тогда это улика.

– Ну конечно. И опять она появилась весьма кстати. И заметьте, на этот раз указывает на мужчину... Да, на отсутствие улик в этом деле трудно жаловаться. Их больше чем достаточно. Кстати, а что вы сделали с оружием убийства?

– Его нигде не нашли. Скорее всего, убийца забрал его с собой.

– Хотел бы я знать зачем? – промурлыкал бельгиец.

– Посмотрите. – Врач аккуратно осматривал карманы пижамы убитого. – В первый раз я это пропустил. Тогда я расстегнул пижаму и сразу же отбросил полы в сторону.

Из нагрудного кармана пижамы он извлек золотые часы. Их корпус был сильно поврежден, а стрелки остановились на четверти второго.

– Вот видите, – радостно воскликнул маленький грек. – Теперь мы знаем время убийства – и я был совершенно прав в своих расчетах. Я называл промежуток между полуночью и двумя часами утра, и, скорее всего, ближе к часу, хотя в таких делах очень трудно быть точным... И вот вам подтверждение. Четверть второго. Именно в это время он был убит.

– Возможно. Вполне возможно.

Врач с любопытством взглянул на детектива:

– Прошу прощения, месье Пуаро, но я не совсем вас понимаю.

– Я сам себя не понимаю, – ответил сыщик. – Я, понимаете ли, вообще перестал что-либо понимать, и это меня беспокоит.

Он вздохнул, нагнулся над столиком, изучая обгорелый обрывок бумаги в пепельнице, и пробормотал себе под нос:

– А вот сейчас мне нужна старомодная шляпная картонка...

Доктор Константин так и не понял, что Пуаро хотел сказать этой фразой. В любом случае сыщик не оставил ему времени на вопросы. Открыв дверь, он позвал проводника. Тот мгновенно появился.

– Сколько в вагоне едет женщин?

Проводник стал считать, загибая пальцы:

– Одна, две, три... шесть, месье. Старая американка, шведка, молодая англичанка, графиня Андени и мадам княгиня Драгомирова с горничной.

Пуаро задумался.

– У всех них есть картонки для шляп?

– Да, месье.

– Тогда принесите мне... дайте подумать... картонки шведки и горничной. Только на них вся надежда. Скажите им, что это требование таможни... да все, что угодно; что придет в голову.

– Всё будет в порядке, месье. Ни одной из дам сейчас нет в купе.

– Тогда поторопитесь.

Проводник исчез и вернулся с двумя картонками. Пуаро открыл картонку горничной и отбросил ее в сторону. Настал черед картонки шведки. Он открыл ее и удовлетворенно хмыкнул. Затем, осторожно вытащив шляпки, обнажил основу, сделанную из металлических спиц.

– Вот то, что нам надо. Лет пятнадцать назад все шляпные картонки делались именно так. Шляпа крепилась шляпной булавкой прямо к проволочному каркасу.

Продолжая говорить, он аккуратно извлек две спицы. Потом, уложив шляпы на место, велел проводнику вернуть картонки по месту назначения.

Когда дверь в купе закрылась, Пуаро повернулся к своему спутнику:

– Видите ли, мой дорогой доктор, сам я не сторонник всяких технических экспертиз. Меня больше интересует психология преступника, а не отпечатки пальцев или сигаретный пепел. Но в данном случае мне придется обратиться к науке. Дело в том, что это купе полно улик, но где гарантия, что все они действительно указывают на то, на что указывают?

– Я не совсем понимаю вас, месье Пуаро.

– Вот, например, – мы нашли женский носовой платок. Его что, уронила женщина? Или же мужчина, совершивший преступление, сказал сам себе: «Я сделаю, чтобы все выглядело так, будто преступник – женщина. Я ударю жертву ножом несчетное количество раз, нанесу несколько слабых и неэффективных ударов, а потом уроню платок так, чтобы его не смогли не заметить». Это одна вероятность. Но есть и другая – может быть, убийца все-таки женщина, которая нарочно подбросила в купе ершик для чистки трубок, чтобы перевести стрелки на мужчину? Или мы должны предположить, что двое преступников – предположительно мужчина и женщина – принимали участие в этом преступлении и были при этом столь невнимательны, что каждый из них обронил улику? Правда, такое совпадение кажется мне совершенно невероятным.

– Но при чем здесь картонка для шляп? – спросил все еще озадаченный врач.

– Я как раз к этому и подхожу. Как я уже сказал, все эти улики – часы, остановившиеся в четверть второго, женский носовой платок и ершик для трубок – могут быть как настоящими, так и поддельными. В этом я пока не разобрался. Но здесь есть одна улика, в которую я верю – хотя и здесь я

могу ошибаться, – и мне кажется, что она настоящая. Я имею в виду вот эту плоскую спичку, месье доктор. *Я уверен, что этой спичкой пользовался убийца, а не месье Рэтчетт.* И использовали ее для уничтожения какой-то компрометирующей бумаги. Возможно, записки. А если это так, то в этой записке было нечто – слово или фраза, – что могло бы привести нас к настоящему убийце. И сейчас я попытаюсь выяснить, что же это было.

Сыщик вышел из купе и через несколько минут вернулся с небольшой спиртовкой и парой щипцов для завивки волос.

– Я использую это для усов, – пояснил он, кивнув на щипцы.

Доктор следил за маленьким бельгийцем со все возрастающим интересом. Пуаро распрямил спицу и с величайшей осторожностью расправил на ней обуглившуюся бумагу. Второй спицей он прижал бумагу сверху, а затем, взяв все это щипцами, поднес конструкцию к пламени спиртовки.

– Все это требует значительных усилий, – сказал он через плечо, – так что будем надеяться, что оно нам действительно поможет.

Доктор внимательно следил за происходящим. Металл уже раскалился добела. Неожиданно он увидел, как на полусгоревшей бумаге медленно проступают бледные буквы – казалось, что их пишет само пламя.

Клочок бумаги был совсем крохотным, и на нем проступили только три полных слова и обрывок еще одного:

...мни маленькую Дейзи Армстронг.

– Не может быть! – резко воскликнул Пуаро.

– Вам это о чем-то говорит? – спросил доктор.

Глаза сыщика блеснули. Он осторожно положил щипцы.

– Да, – ответил он. – *Теперь я знаю настоящее имя убитого и знаю, почему ему пришлось покинуть Америку.*

– И как же его звали?

– Кассетти.

– Кассетти... – Константин сдвинул брови. – Мне это о чем-то напоминает. Что-то, что произошло довольно давно. Не могу вспомнить... Какое-то преступление в Америке, правильно?

– Да, – сказал Пуаро. – Преступление в Америке.

Больше по этому поводу сыщик ничего не сказал. Еще раз оглядевшись вокруг, он произнес:

– Ко всему этому мы с вами еще вернемся, а сначала давайте убедимся, что ничего не упустили.

Быстро и тщательно Пуаро еще раз обыскал карманы убитого, но ничего интересного больше не обнаружил. Он попробовал смежную дверь, которая вела в соседнее купе, но она оказалась заперта с другой стороны.

– И все-таки я никак не могу понять одну вещь, – заметил доктор Константин. – Если убийца не сбежал через окно, и если эта смежная дверь заперта с другой стороны, и если дверь в коридор была не только заперта изнутри, но и закрыта на цепочку, то каким образом убийца покинул купе?

– Именно этот вопрос задает себе аудитория, когда связанного по рукам и ногам человека засовывают в шкаф, а он оттуда исчезает.

– Вы хотите сказать...

– Я хочу сказать вот что, – объяснил Пуаро, – если убийца хотел, чтобы мы поверили, что он ушел через окно, то он должен был запереть два других выхода. Но, как и с «человеком, исчезающим из шкафа», все это не более чем фокус. И наша задача понять, в чем суть этого фокуса.

И Пуаро запер смежную дверь со стороны купе убитого.

– Это на тот случай, – пояснил он, – если нашей великолепной миссис Хаббард захочется узнать о преступлении что-то новенькое, чтобы написать своей дочери.

Он еще раз осмотрел купе.

– Здесь нам больше нечего делать. Я, пожалуй, вернусь к месье Буку.

Глава 8. Дело о похищении ребенка Армстронгов

Когда они нашли месье Бука, тот как раз доедал свой омлет.

– Я решил, что лучше будет немедленно подать ланч в вагон-ресторан, – сказал он. – После этого мы его освободим, и месье Пуаро сможет беседовать в нем с пассажирами. Я также взял на себя смелость заказать ланч для нас троих.

– Отличная идея, – согласился сыщик.

Ни Пуаро, ни Константин не были голодны, поэтому ланч быстро закончился, но месье Бук заговорил о деле, которое занимало все их мысли, только когда подали кофе.

– *Eh bien?* – спросил он.

– *Eh bien*, я выяснил настоящее имя жертвы. Кроме того, я знаю, что заставило его покинуть Америку.

– И кто же он?

– Помните историю похищения ребенка Армстронгов? Этот человек – убийца маленькой Дейзи Армстронг. Кассетти.

– Теперь я что-то припоминаю. Помню, что это было жуткое дело, но вот детали успел забыть.

– Полковник Армстронг был англичанином, кавалером креста Виктории^[41]. Он был наполовину американцем – его мать была дочерью У.К. ван дер Хальта – миллионера с Уолл-стрит. Женился он на дочери Линды Арден, самой известной драматической актрисы своего времени. Жили они в Америке, и у них был единственный ребенок – дочь, которую они обожали. Когда ей исполнилось три года, ее похитили и потребовали за нее несуразно большой выкуп. Не буду утомлять вас подробностями того, что произошло после похищения. Хочу только сказать, что после того, как выкуп в размере невероятных двухсот тысяч долларов был уплачен, девочку нашли мертвой. Причем мертва она была уже не менее двух недель. Общественное мнение раскалилось добела. Но самое ужасное было еще впереди. Дело в том, что миссис Армстронг ждала второго ребенка. Из-за шока она преждевременно родила мертвого ребенка и умерла сама. Ее безутешный муж застрелился.

– Боже мой, какая трагедия... Теперь я все вспомнил, – произнес месье Бук. – Если я правильно помню, это была не последняя смерть.

– Вы правы. Умерла еще и несчастная няня – то ли француженка, то ли швейцарка. Полиция была уверена, что она замешана в преступлении, и

отказывалась верить ее истеричным попыткам оправдаться. Наконец в приступе полного отчаяния несчастная девочка выбросилась из окна и умерла. Позже было доказано, что она не имела никакого отношения к этому преступлению.

– Страшно даже подумать о таком, – заметил месье Бук.

– Спустя шесть месяцев этого человека, Кассетти, арестовали как главаря банды, похитившей ребенка. Это было не первое их преступление, и действовали они всегда по одной схеме – если возникала опасность, что полиция нападет на их след, они убивали жертву, прятали тело и продолжали шантажировать родственников, стараясь выжать из них как можно больше денег.

А теперь послушайте внимательно, мой друг. Кассетти был преступником! Но благодаря колоссальному богатству, которое ему удалось скопить, и поддержке некоторых личностей, на которых он имел влияние, он был освобожден из-за какой-то технической ошибки, допущенной во время следствия. Несмотря на это, публика готова была прилюдно линчевать его, однако ему хватило ума исчезнуть. Теперь мне совершенно ясно, что же произошло. Кассетти изменил имя и уехал из Америки. С тех пор он вел жизнь богатого джентльмена, разъезжающего по заграницам и живущего на *ренту*^[42].

– *Ah! quel animal!*^[43] – Месье Бук был весь во власти благородного негодования. – Мне совсем не жалко, что он умер! Совсем не жалко!

– Согласен с вами.

– *Tout de même*^[44] убивать его в «Восточном экспрессе» было совершенно необязательно. Ведь существует масса других мест.

Пуаро улыбнулся – он понял, что в этом случае месье Бук был лицо заинтересованное.

– Теперь мы должны задать себе следующий вопрос, – продолжил сыщик. – Является ли это убийство результатом действий конкурирующей банды, дорожку которой в прошлом перешел Кассетти, или же это акт возмездия со стороны частного лица?

И Пуаро рассказал о нескольких словах, которые он смог прочитать на обгоревшем клочке бумаги.

– Если мои выводы правильны, то бумагу сжег убийца. Почему? Да потому, что в ней упоминалось имя «Армстронг», которое является ключом к этой загадке.

– А есть ли какие-нибудь живые родственники Армстронгов?

– К сожалению, это мне неизвестно. Помнится, я что-то читал о

младшей сестре миссис Армстронг...

Пуаро рассказал месье Буку о том, что им с доктором Константином удалось обнаружить в купе убитого. При упоминании часов директор оживился.

– Значит, теперь мы знаем точное время преступления.

– Да, – согласился Пуаро. – Удивительно удобно.

В его голосе прозвучало нечто, что заставило его собеседников с любопытством взглянуть на него.

– Вы говорили, что сами слышали, как Рэтчетт говорил с проводником без двадцати час?

Пуаро рассказал, что именно произошло в тот момент.

– Ну что же, – заметил месье Бук. – Это доказывает, что Кассетти, или Рэтчетт – я буду продолжать называть его именно так, – наверняка был жив без двадцати час.

– Без двадцати трех минут час, если быть точным.

– Тогда уж в двенадцать тридцать семь, если быть абсолютно точным, месье Рэтчетт был еще жив.

Пуаро, который сидел, задумчиво глядя прямо перед собой, ничего не сказал.

Раздался стук в дверь, и появился официант.

– Вагон-ресторан свободен, месье, – объявил он.

– Сейчас мы туда перейдем, – сказал месье Бук, вставая.

– Можно мне с вами? – поинтересовался доктор Константин.

– Ну конечно, мой дорогой доктор. Или у месье Пуаро есть какие-то возражения?

– Абсолютно никаких, – ответил сыщик.

В дверях они несколько задержались, соревнуясь в вежливости – «*Après vous, monsieur*», «*Mais non, après vous*»^[45], – и наконец покинули купе.

Часть вторая. Свидетельские показания

Глава 1. Показания проводника спального вагона

В вагоне-ресторане все было готово.

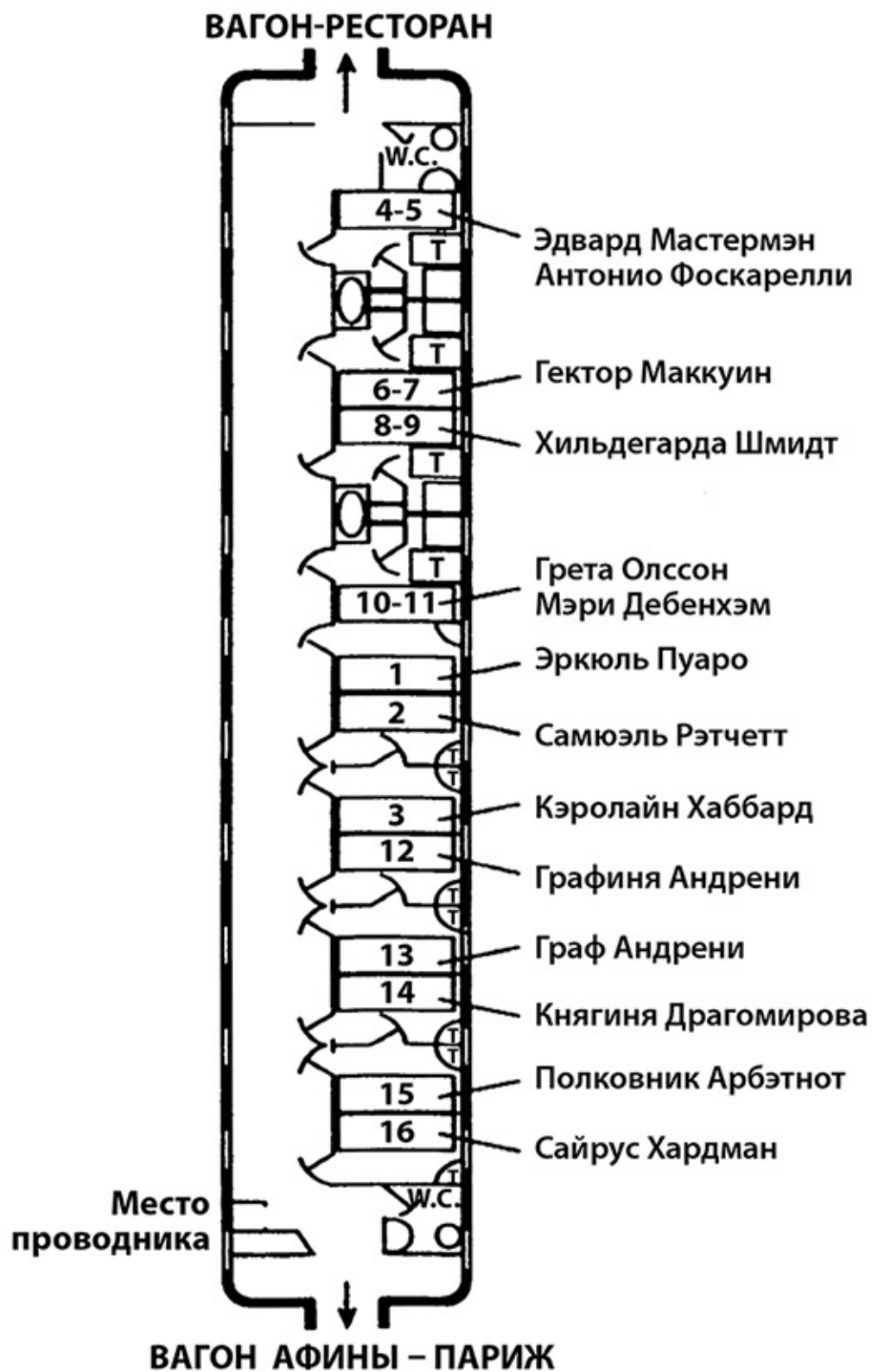
Для Пуаро и Бука были приготовлены места по одну сторону стола. Доктор разместился через проход от них.

На столе перед сыщиком лежал план вагона Стамбул – Кале, с именами пассажиров, отмеченными красными чернилами.

По одну сторону от плана лежала пачка паспортов и билетов, по другую – писчая бумага, ручка, чернила и карандаши.

– Прекрасно, – удовлетворенно заметил Пуаро. – Теперь мы можем без лишнего шума начать заседание нашей следственной комиссии. Думаю, что сначала мы должны записать показания проводника спального вагона. Месье Бук, вы, может быть, знаете что-то про этого человека? Как вы можете его охарактеризовать? Вы полностью доверяете его словам?

– Могу сказать вам следующее: Пьер Мишель работает в компании больше пятнадцати лет. Он француз и живет недалеко от Кале. Честный, всеми уважаемый работник. Правда, звезд с неба не хватает.

Пуаро понимающе кивнул.

– Отлично, – сказал он, – давайте с него и начнем.

К Пьеру Мишелю вернулась часть его уверенности в себе, но он все еще очень нервничал.

– Надеюсь, месье не думает, что я допустил какой-то промах со своей стороны, – сказал проводник взволнованным голосом, переводя глаза с Пуаро на Бука и обратно. – То, что случилось, – совершенно ужасно. Скажите, месье, это никак не повлияет на мою работу?

Успокоив его, Пуаро начал допрос. Сначала он выяснил полное имя Мишеля, его адрес, срок, который тот проработал в компании, а также сколько лет он ездит по этому самому маршруту. Все эти подробности маленький бельгиец уже знал, но рутинные вопросы успокаивали собеседника.

– А теперь, – продолжил сыщик, – давайте вернемся к событиям прошлой ночи. Мистер Рэтчетт лег спать – в котором часу?

– Почти сразу же после обеда, месье. Еще до того, как мы покинули Белград. Так же как и в предыдущую ночь. Он приказал мне приготовить постель, пока будет обедать, и я так и сделал.

– После этого кто-нибудь заходил к нему в купе?

– Его камердинер, месье, и молодой американец – его секретарь.

– Еще кто-нибудь?

– Нет, месье, больше я никого не видел.

– Хорошо. Именно тогда вы видели и слышали его в последний раз?

– Нет, месье. Вы изволили забыть, что он позвонил в звонок где-то без двадцати час – вскоре после того, как мы остановились.

– Расскажите подробно, что произошло.

– Я постучал в дверь, а он через дверь сказал мне, что ошибся.

– Он говорил по-английски или по-французски?

– По-французски.

– И что именно он сказал?

– *Ce n'est rien. Je me suis trompé.*

– Точно, – подтвердил сыщик. – Именно это я и слышал. И вы ушли?

– Да, месье.

– Вы вернулись на свое место?

– Нет, месье. Сначала я пошел ответить на только что зазвонивший звонок.

– А теперь, Мишель, я задам вам очень важный вопрос: где вы находились в четверть второго?

– Я, месье? Я сидел на своем месте в конце вагона, лицом к коридору.

– Вы в этом уверены?

– *Mais oui* – вот только...

– Что?

– Я выходил в соседний вагон, афинский, чтобы поболтать с коллегой. Мы говорили о снегопаде. Это было после часа, но точнее я сказать не смогу.

– И когда вы вернулись?

– Зазвонил звонок в одном из купе, месье, – помню, я уже докладывал месье. Это была американка. Звонила она несколько раз.

– Я это тоже помню, – подтвердил сыщик. – А что было потом?

– Потом, месье? Я ответил на ваш звонок и принес вам минеральную воду. А потом, где-то через полчаса, приготовил кровать в одном из купе – у молодого американского джентльмена, секретаря месье Рэтчетта.

– Месье Маккуин был один в купе, когда вы пришли расстелить ему постель?

– У него был английский полковник из номера пятнадцать. Они сидели и разговаривали.

– А что сделал полковник после того, как вышел от месье Маккуина?

– Он вернулся в свое купе.

– В пятнадцатый номер. Это же совсем недалеко от вашего места, правда?

– Месье совершенно прав. Это второе купе с того конца вагона.

– А его постель была уже готова?

– Да, месье. Я расстелил ее, пока полковник обедал.

– И во сколько все это произошло?

– Точно я сказать не могу, месье, но уверен, что не позже двух часов утра.

– А после этого?

– После этого, месье, я до утра просидел на своем месте.

– И вы больше не ходили в афинский вагон?

– Нет, месье.

– А вы не спали?

– Не думаю, месье. Поезд стоял, и тишина не давала мне задремать, как я обычно делаю это под стук колес.

– Вы не видели, не ходил ли кто-нибудь из пассажиров по коридору?

Мужчина задумался.

– Мне кажется, что одна из дам выходила в дальний туалет.

– Которая из них?

– Не могу знать, месье. Это было в дальнем конце коридора, и она шла спиной ко мне. На ней было алое кимоно, расшитое драконами.

Пуаро кивнул.

– А что было потом?

– Ничего, месье, до самого утра.

– Вы в этом уверены?

– Простите, месье, еще вы сами изволили приоткрыть дверь и выглянуть в коридор.

– Отлично, мой друг, – сказал Пуаро. – Мне было интересно, вспомните ли вы об этом. Кстати, меня разбудил звук чего-то тяжелого, ударившегося в мою дверь. Вы не знаете, что бы это могло быть?

Проводник устался на бельгийца.

– Ничего такого не было. Я абсолютно уверен, месье.

– Значит, мне просто приснился *cauchemar*^[46], – философски заметил Пуаро.

– Или, – вмешался месье Бук, – это могло произойти в соседнем купе за стеной.

Казалось, сыщик не обратил внимания на это предположение или, может быть, не захотел обсуждать его в присутствии проводника.

– Давайте поговорим вот о чем, – сказал он. – Предположим, что убийца проник в вагон прошлой ночью. Уверены ли вы, что он не мог исчезнуть после того, как совершил преступление?

Пьер Мишель покачал головой.

– И спрятаться он тоже нигде не мог?

– Мы всё обыскали, – заметил месье Бук, – так что от этой идеи можно отказаться.

– А кроме того, никто не может войти в спальный вагон так, чтобы я его не увидел, – подал голос проводник.

– Когда была последняя остановка?

– В Винковцах.

– В котором часу?

– Мы должны были тронуться в одиннадцать пятьдесят восемь, но из-за снега задержались на двадцать минут.

– А из обычных вагонов никто не мог войти?

– Нет, месье. После того как начинается обед, дверь между обычными и спальными вагонами закрывается.

– Вы сами выходили из поезда в Винковцах?

– Да, месье. Я, как всегда, спустился на платформу и стоял возле ступенек, ведущих в вагон. Остальные проводники сделали то же самое.

– А как насчет передней двери? Той, что у вагона-ресторана?

– Она всегда закрыта изнутри.

– Но сейчас она не закрыта.

На лице мужчины появилось удивление, но оно быстро исчезло.

– Вероятно, кто-то из пассажиров открывал дверь, чтобы взглянуть на снег.

– Вероятно, – согласился Пуаро.

В задумчивости он несколько минут барабанил пальцами по столу.

– Надеюсь, что месье ни в чем меня не обвиняет? – неуверенно спросил проводник.

Сыщик улыбнулся.

– Вам просто не повезло, друг мой, – сказал он. – Да, вот еще что, пока не забыл. Вы сказали, что в тот момент, когда вы стучали в дверь месье Рэтчетта, прозвучал еще один звонок... Я его тоже слышал. А кто это был?

– Это звонила мадам княгиня Драгомирова. Она хотела, чтобы я позвал ее горничную.

– И вы ее позвали?

– Конечно, месье.

Пуаро задумчиво посмотрел на лежавший перед ним план вагона.

– На сегодня, – сказал он, наклонив голову, – достаточно.

Мужчина встал и взглянул на месье Бука.

– Не мучайте себя, – мягко сказал последний, – я не вижу здесь никакой вашей вины.

И Пьер Мишель с благодарностью покинул вагон.

Глава 2. Показания секретаря

Несколько минут Пуаро сидел, глубоко задумавшись.

– Думаю, – сказал он наконец, – что нелишне будет пообщаться с месье Маккуином в свете новых данных, которые у нас появились.

Молодой американец не заставил себя ждать.

– Ну, – сказал он, – и как все складывается?

– Не так плохо. С момента нашей последней встречи я кое-что узнал – настоящее имя месье Рэтчетта.

Гектор Маккуин с интересом подался вперед.

– Правда?

– Как вы и подозревали, имя Рэтчетт было только псевдонимом. Настоящее его имя – Кассетти. Он был организатором нескольких похищений, включая известное дело маленькой Дейзи Армстронг.

На лице американца появилось выражение глубокого потрясения, а потом оно потемнело.

– Этот проклятый ублюдок! – воскликнул он.

– Вам что-нибудь было об этом известно, месье Маккуин?

– Нет, сэр, – твердо заявил молодой американец. – Если б я знал об этом, то отрезал бы себе правую руку, только б не идти к нему в секретари.

– Вы принимаете это дело слишком близко к сердцу, месье.

– У меня на то есть причины. Мой отец был окружным прокурором, который вел это дело, месье Пуаро. Несколько раз мне довелось видеть миссис Армстронг – она была очаровательной женщиной. Такой мягкой и такой несчастной. – Лицо американца стало совсем темным. – Если только на свете есть человек, про которого можно сказать, что он получил по заслугам, то это Рэтчетт... или Кассетти. Я счастлив, что он умер именно так. Такие люди не имеют права жить!

– Вы говорите так, как будто сами готовы были выполнить это благое дело?

– Да, готов. Я... – Он замолчал, а потом покраснел, как будто сделал какую-то ошибку. – Я, кажется, сам ставлю себя под подозрение.

– Я бы скорее стал подозревать вас, месье Маккуин, если б вы демонстрировали безутешное горе по поводу смерти вашего работодателя.

– Боюсь, что не смог бы сделать этого даже под угрозой электрического стула, – мрачно произнес Маккуин и добавил: – Не считите это наглостью с моей стороны, но как вы узнали? Я имею в виду про имя

Кассетти?

– Из обрывка письма, которое мы нашли в его купе.

– Но как же так... то есть я хочу сказать, что держать при себе такое письмо – это было довольно неосторожно со стороны старика.

– Это как посмотреть, – заметил сыщик.

Последняя фраза показалась молодому человеку слегка загадочной. Он уставился на Пуаро, стараясь понять, что тот имеет в виду.

– Передо мной стоит задача, – пояснил маленький бельгиец, – точно установить, где находился и что делал каждый из пассажиров вагона во время убийства. И в этом нет ничего оскорбительного – простая рутина.

– Ну, конечно. Приступайте – и позвольте мне поскорее облегчить душу.

– Мне не нужно спрашивать у вас номер вашего купе, – улыбнувшись, сказал Пуаро, – так как я имел честь провести с вами одну ночь. Это купе второго класса с полками номер шесть и номер семь. Как я понимаю, после моего переезда вы ехали в нем один.

– Именно так.

– А теперь, месье Маккуин, я хочу, чтобы вы рассказали нам обо всех своих перемещениях после того, как вышли с обеда.

– Это несложно. Я вернулся в купе, немного почитал, вышел на платформу в Белграде, решил, что на улице слишком холодно, и быстренько убрался восвояси. Какое-то время я пообщался с молодой английской леди из соседнего купе, а потом разговаривал с англичанином, полковником Арбэтнотом. Мне даже кажется, что вы в этот момент проходили мимо. Затем я зашел к мистеру Рэтчетту и, как уже вам говорил, сделал некоторые заметки для писем, которые он поручил мне написать. Потом я пожелал ему доброй ночи и ушел. Полковник Арбэтнот все еще стоял в коридоре. Его постель была уже расстелена, и я пригласил его к себе в купе, потом заказал выпивку, и мы погрузились в обсуждение мировой политики, действий индийского правительства и наших, американских, проблем, связанных с кризисом и ситуацией на Уолл-стрит. Обычно я не люблю общаться с британцами – слишком уж они снобы, – но этот парень мне понравился.

– Вы не помните, во сколько он от вас ушел?

– Довольно поздно. Было, наверное, около двух часов.

– А вы заметили, что поезд остановился?

– Ну конечно. Нас это слегка удивило. А потом мы выглянули в окно и увидели горы снега – правда, тогда нам не подумалось, что все это настолько серьезно.

– А что произошло после того, как полковник пожелал вам доброй ночи?

– Он прошел к себе в купе, а я позвал кондуктора и попросил расстелить мне постель.

– Что вы делали, пока постель готовили?

– Стоял в коридоре рядом с дверью и курил.

– А потом?

– А потом я лег в кровать и проспал до утра.

– А вечером вы выходили из вагона?

– Мы с Арбэтнотом решили выйти на остановке в... как там называется это местечко... в Винковцах, чтобы слегка размять ноги. Но было жутко холодно – настоящая пурга, – и мы почти сразу же вернулись.

– Через какую дверь вы выходили?

– Через ту, которая ближе к моему купе.

– То есть через ту, что рядом с вагоном-рестораном?

– Да.

– А вы не помните, она была заперта?

Маккуин задумался.

– Знаете, мне помнится, что да. По крайней мере, на ручку была надета какая-то скоба. Вы это имеете в виду?

– Да. А когда вернулись в вагон, вы вернули скобу в то же положение?

– Нет. Вы знаете, я не помню, как делал это. Я входил последним, но не помню, как запер дверь. А что, это так важно? – внезапно спросил американец.

– Вполне может быть. Полагаю, месье, что пока вы с полковником беседовали у вас в купе, дверь в коридор была открыта?

Гектор Маккуин кивнул в знак согласия.

– А вы не могли бы вспомнить, проходил ли кто-нибудь по коридору после того, как поезд отошел от Винковцев, и до того момента, как вы попрощались с полковником?

Маккуин сдвинул брови.

– По-моему, один раз прошел проводник, – сказал он. – Он шел от вагона-ресторана. А потом в обратном направлении прошла женщина.

– Какая женщина?

– Не могу вам сказать. Я ее едва заметил. Понимаете, я как раз в этот момент пытался доказать свою точку зрения Арбэтноту. Просто помню, что мимо двери промелькнуло что-то алое. Я не обратил на это внимания, да и в любом случае не мог увидеть ее лица. Как вы знаете, дверь моего купе смотрит в сторону вагона-ресторана, поэтому женщина, которая шла в том

же направлении, оказалась ко мне спиной, как только прошла мимо двери.

Пуаро кивнул.

– Она, я полагаю, шла в туалет?

– Возможно.

– А вы видели, как она возвращалась?

– Вы знаете, нет... теперь, когда вы об этом заговорили, я понял, что не видел этого; но, думаю, она должна была вернуться.

– Еще один вопрос. Вы курите трубку, месье Маккуин?

– Нет, сэр, не курю.

Несколько мгновений Пуаро молчал.

– Думаю, что на сегодня достаточно. Теперь я хотел бы поговорить с камердинером месье Рэтчетта. Кстати, вы с ним всегда путешествуете вторым классом?

– Он – да. Я же обычно езжу в первом и, если это возможно, в соседнем купе с мистером Рэтчеттом. Тогда бо́льшая часть его багажа загружается ко мне, и мы, то есть я и багаж, всегда оказываемся у него под рукой. Но в этот раз мы смогли купить только один билет первого класса.

– Понятно. Благодарю вас, месье Маккуин.

Глава 3. Показания камердинера

После американца в вагоне появился бледный англичанин с малоподвижным лицом, которого Пуаро уже видел накануне. Он вежливо остановился возле стола. Сыщик предложил ему присесть.

– Насколько я понимаю, вы камердинер месье Рэтчетта?

– Да, сэр.

– И вас зовут?

– Эдвард Генри Мастермэн.

– Сколько вам лет?

– Тридцать девять.

– Ваш домашний адрес?

– Фрейр-стрит, дом двадцать один, Клеркенуэлл.

– Вы уже слышали, что вашего хозяина убили?

– Да, сэр. Шокирующее событие.

– Расскажите нам, пожалуйста, когда вы видели месье Рэтчетта живым в последний раз?

Камердинер задумался.

– Думаю, сэр, около девяти часов вчерашнего вечера. Или чуть позже.

– Расскажите своими словами, как это произошло.

– Я, как обычно, пришел в купе мистера Рэтчетта, сэр, и прислуживал ему.

– В чем конкретно заключались ваши обязанности?

– Сложить или развесить его одежду, сэр. Положить его зубные протезы в стакан с водой и убедиться, что у него есть все, что может понадобиться ему ночью.

– Он вел себя как обычно?

Камердинер на мгновение задумался.

– Знаете, сэр, мне показалось, что он был чем-то расстроен.

– Что вы понимаете под словом «расстроен»?

– Он был расстроен по поводу письма, которое читал. Он спросил, не я ли положил его в купе. Разумеется, я сказал ему, что ничего подобного не делал, но он стал ругаться, и после этого все, что я ни делал, его раздражало.

– В этом было что-то необычное?

– Совсем нет, сэр. Хозяин легко раздражался – вопрос состоял лишь в том, что именно ему не понравится в данный конкретный момент.

– Ваш хозяин когда-нибудь принимал лекарство от бессонницы?
Доктор Константин слегка подался вперед.

– Всегда, когда путешествовал поездом, сэр. Он говорил, что иначе не может уснуть.

– А вы знаете, что это был за препарат?

– Точно не знаю, сэр. На пузырьке было просто написано: *Микстура от бессонницы. Принимать перед сном.*

– Вчера вечером он ее тоже принял?

– Да, сэр. Я накапал ее в стакан и поставил на столик у его изголовья.

– Но вы сами не видели, как он ее выпил?

– Нет, сэр.

– А что произошло потом?

– А потом я спросил, нет ли каких-нибудь распоряжений и во сколько мистер Рэтчетт хочет, чтобы его разбудили. Он ответил, что не хочет, чтобы его беспокоили, и что сам позвонит проводнику.

– Он так часто делал?

– Да, сэр. Обычно он звонил проводнику и посылал его за мной, когда был готов встать.

– Он был ранней пташкой или любил поспать?

– Все зависело от его настроения, сэр. Иногда он поднимался к завтраку, а иногда не вставал до самого ланча.

– То есть вы не нервничали по поводу того, что утро заканчивалось, а вас никто не звал?

– Нет, сэр.

– А вы не знаете, у вашего хозяина были враги?

– Были, сэр, – произнес камердинер без всяких эмоций.

– А откуда вам это известно?

– Я слышал, как он обсуждал какие-то письма с мистером Маккуином, сэр.

– Вам нравился ваш хозяин, Мастермэн?

Хотя это и казалось невозможным, но лицо мужчины окаменело еще больше.

– Я бы этого не сказал, сэр, но он был щедрым работодателем.

– Однако вы его не любили?

– Давайте скажем так: я вообще не очень люблю американцев.

– А вы бывали когда-нибудь в Америке?

– Нет, сэр.

– Вы помните дело о похищении ребенка Армстронгов, о котором писали во всех газетах?

На щеках мужчины появился легкий румянец.

– Да, сэр, конечно. Речь шла о маленькой девочке, так ведь? Шокирующее происшествие.

– А вы знаете, что ваш хозяин, месье Рэтчетт, был главным закоперщиком всего этого преступления?

– Никак нет, сэр. – В тоне слуги впервые появилась какая-то теплота и слабые эмоции. – Я с трудом могу в это поверить, сэр.

– И тем не менее это так. А теперь займемся вашими собственными действиями прошлой ночью. Не забывайте, что это рутинный опрос всех пассажиров. Что вы делали после того, как вышли от хозяина?

– Я сказал мистеру Маккуину, сэр, что хозяин хочет его видеть. А потом прошел в свое купе и занялся чтением.

– Вы у нас в?..

– В последнем купе второго класса. Рядом с вагоном-рестораном.

– Понятно, – сказал Пуаро, сверившись с планом. – И какая у вас полка?

– Нижняя, сэр.

– Это значит номер четыре?

– Да, сэр.

– С вами едет еще кто-то?

– Да, сэр. Этот большой итальянец.

– Он говорит по-английски?

– Он хочет так думать, сэр. – В голосе камердинера звучало осуждение. – Он из Америки – как я понял, из Чикаго.

– Вы часто общаетесь с ним?

– Нет, сэр. Я предпочитаю книги.

Пуаро улыбнулся – он ясно представил себе эту картину: большой говорливый итальянец и джентльмен-сноб, прислуживающий другому джентльмену.

– А что, если не секрет, вы сейчас читаете?

– В настоящий момент, сэр, я читаю «Пленника любви» миссис Арабеллы Ричардсон.

– Хорошая книга?

– Я нахожу ее очень поучительной, сэр.

– Ну что ж, продолжим. Вы вернулись в свое купе и читали «Пленника любви» – до какого времени?

– Где-то в десять тридцать этот итальянец захотел спать. Пришел проводник и расстелил наши постели.

– И вы легли в постель и заснули?

– Я лег в постель, сэр, но не заснул.
– А почему так?
– У меня болели зубы, сэр.
– О-ля-ля, должно быть, было очень больно?
– Очень, сэр.
– А вы что-то принимали?
– Я намазал десны маслом гвоздики – это слегка уменьшило боль, но уснуть я так и не смог. Я зажег ночник и продолжил чтение, чтобы хоть как-то отвлечься от боли.

– И что же, вы так всю ночь и промучились?
– Да, сэр. Мне удалось забыться только в районе четырех утра.
– А ваш попутчик?
– Итальянец? Он прохрапел всю ночь.
– В течение ночи он не выходил из купе?
– Нет, сэр.
– А вы сами?
– Нет, сэр.
– И вы ничего не слышали ночью?
– Нет, сэр. То есть, я хочу сказать, ничего необычного. Поезд стоял, поэтому было очень тихо.

Помолчав немного, Пуаро произнес:

– Что ж, мне кажется, говорить больше не о чем. Вы не можете пролить какой-нибудь свет на эту трагедию?

– Боюсь, что нет, сэр. Мне очень жаль, сэр.
– Вы ничего не слышали ни о каких ссорах или неприязни между вашим хозяином и месье Маккуином?

– Нет, нет, сэр. Мистер Маккуин очень приятный джентльмен.
– У кого вы служили до месье Рэтчетта?
– У сэра Генри Томлинсона, сэр, с Гросвенор-сквер.
– Почему вы ушли от него?
– Он уезжал в Восточную Африку, сэр, и мои услуги ему стали больше не нужны. Я уверен, что он замолвит за меня словечко. Я проработал у него несколько лет.

– А как давно вы работаете у месье Рэтчетта?
– Немногим более девяти месяцев, сэр.
– Благодарю вас, Мастермэн. Кстати, вы не курите трубку?
– Нет, сэр. Только дешевые сигареты, сэр.
– Благодарю вас, этого достаточно.

Камердинер заколебался.

– Простите, сэр, но эта пожилая американская леди совсем, я бы сказал, вышла из себя, сэр. Она все время говорит, что знает, кто убийца. Она очень взволнована, сэр.

– В таком случае, – улыбнулся сыщик, – пусть она будет следующей.

– Мне позвать ее, сэр? Она уже давно требует разговора с официальным лицом. Проводник всячески старается ее успокоить.

– Пригласите ее к нам, друг мой, – велел Пуаро. – Мы выслушаем ее историю.

Глава 4. Показания американской леди

Миссис Хаббард появилась в вагоне в таком возбужденном состоянии, что едва могла говорить от недостатка воздуха в груди.

– Послушайте, кто здесь самый главный? У меня оч-ч-чень важная информация, действительно оч-ч-чень важная, и я хочу рассказать ее официальному лицу как можно скорее. Если вы, джентльмены...

Ее глаза шарили по трем сидящим перед ней мужчинам. Пуаро подался вперед.

– Расскажите ее мне, мадам, – предложил он. – Но сначала, умоляю вас, присядьте.

Миссис Хаббард тяжело опустилась на стул напротив него.

– Я хочу сказать вам следующее. Ночью в вагоне совершено убийство, *и убийца был у меня в купе!*

Она замолчала, чтобы все смогли проникнуться драматизмом ситуации.

– Вы в этом уверены, мадам?

– Конечно, уверена! Что это вы там себе придумали? Я знаю, о чем говорю. Я сейчас вам все расскажу. Я легла в постель и уснула, но неожиданно проснулась – в полной темноте – и поняла, что в моем купе находится мужчина. Я была так испугана, что не могла кричать, если вы меня понимаете. Я просто лежала и думала: «Боже, меня сейчас убьют». Я не могу описать вам, что пережила. Я подумала об этих ужасных поездах и обо всем, что о них пишут в газетах. И еще я подумала: в любом случае он не доберется до моих драгоценностей. Потому что, понимаете, я сложила их в чулок и спрятала под подушку – не очень комфортно и слегка жестковато, если вы меня понимаете. Но тут уж выбирать не приходится. Так на чем я остановилась?

– Вы поняли, мадам, что в вашем купе мужчина.

– Да, так вот я и лежала с зажмуренными глазами и думала, что же мне делать. И подумала: какое счастье, что моя дочь не знает, в какую историю я влипла. А потом я каким-то образом собралась с силами и стала шарить рукой по постели и наконец добралась до звонка. Я давила и давила на него, но ничего не происходило, и я точно могу сказать вам, что мое сердце чуть не остановилось. «Боже, – сказала я сама себе, – они, наверное, убили всех в этом поезде». Состав стоял на месте, и в воздухе висела зловещая тишина. Но я продолжала давить на звонок, и – какое счастье! – вдруг

услышала шаги человека, бегущего по коридору. Потом раздался стук в дверь. «Входите же!» – закричала я и включила свет. И... вы мне не поверите, но в купе никого не оказалось.

По ее тону было ясно, что миссис Хаббард считает это кульминацией своего рассказа, а вовсе не его концом.

– И что же произошло потом, миссис Хаббард?

– Ну как же; я рассказала этому человеку, что произошло, но он мне не поверил. Он решил, что мне все это приснилось. Я заставила его посмотреть под сиденьями, но он, по-моему, сказал что-то насчет того, что мужчина туда не втиснется. Было ясно, что мужчина исчез, но он точно был, и когда проводник стал меня успокаивать, я чуть не сошла с ума! Я не тот человек, чтобы что-то выдумывать, мистер... боюсь, я не знаю, как вас зовут.

– Пуаро, мадам, а это месье Бук, директор компании «Вэгонс-Лит», и доктор Константин.

Миссис Хаббард рассеянно пробормотала что-то вроде «рада познакомиться» всем трем джентльменам и вернулась к своему рассказу:

– Конечно, не буду утверждать, что вела себя наилучшим образом. Я почему-то вбила себе в голову, что у меня был мужчина из соседнего купе – тот бедняга, которого убили. Я велела проводнику осмотреть смежную дверь – и, естественно, она оказалась незапертой. Я тут же это исправила и велела ему немедленно ее запереть, а после того как он это сделал, еще и прижала дверь одним из чемоданов.

– А во сколько все это произошло, миссис Хаббард?

– Простите, но точно я вам не скажу. На часы я не смотрела. Я была слишком испугана.

– И что вы обо всем этом думаете?

– Ну, я должна сказать, что все проще простого. Мужчина в моем купе был убийцей. А кто еще это мог быть?

– И вы считаете, что он скрылся в соседнем купе?

– Откуда мне знать, куда он скрылся! Я же лежала с зажмуренными глазами... – Миссис Хаббард прерывисто вздохнула. – Боже, как же я испугалась! Если б моя дочь только узнала...

– А вы не думаете, мадам, что шум, который вас разбудил, мог доноситься из соседнего купе, из купе убитого?

– Нет, не думаю, мистер... как это... Пуаро. Мужчина *был* совсем рядом, в моем собственном купе. Более того, у меня есть доказательства.

С видом триумфатора она вытащила на свет божий громадную сумку и стала рыться в ее содержимом. Оттуда по очереди было вытащено: два

больших чистых носовых платка; очки в черепаховой оправе; пузырек с аспирином; пакетик с глауберовой солью; пластмассовая трубочка с мятными таблетками; связка ключей; ножницы; пачка чеков «Американ экспресс»; мгновенная фотография, на удивление, ничем не примечательного ребенка; письма; пять ниток поддельных восточных бус; и наконец крохотный металлический предмет – пуговица.

– Вы видите эту пуговицу? Так вот, это *не моя* пуговица. У меня таких пуговиц нет. И я ее нашла сегодня утром, когда проснулась.

Женщина положила пуговицу на стол, месье Бук внимательно посмотрел на нее и негромко вскрикнул:

– Эта пуговица с кителя служащего компании «Вэгонс-Лит»!

– Что можно легко объяснить, – заметил Пуаро и мягко повернулся к даме: – Эта пуговица могла оторваться от униформы проводника или когда он обыскивал ваше купе, или когда вчера расстилал вашу постель.

– Не понимаю, что с вами со всеми происходит. Такое впечатление, что вы ничего не делаете, а только создаете препятствия. Так вот, послушайте меня внимательно: вчера перед сном я читала журнал. Прежде чем выключить свет, я положила журнал на маленький чемодан, который стоял возле окна. Хотя это вы поняли?

Мужчины дружно закивали.

– Очень хорошо, тогда дальше... Проводник заглянул под ближайшее к двери сиденье, потом закрыл смежную дверь. Он НИ РАЗУ не подошел к окну. А сегодня утром пуговица лежала НА журнале. И что вы можете сказать по этому поводу, хотела бы я знать?

– Я бы сказал, мадам, что вы нашли улику, – ответил Пуаро.

Казалось, что этот ответ слегка успокоил даму.

– Я просто из себя выхожу, когда мне не верят, – объяснила она.

– Ваши показания исключительно интересны и важны для нас, – попытался успокоить ее Пуаро. – А теперь могу я задать вам несколько вопросов?

– Ну конечно.

– Как так получилось, что хотя этот человек, Рэтчетт, пугал вас с самого начала, вы так и не заперли дверь между купе?

– Я заперла, – немедленно отреагировала миссис Хаббард.

– Ах, так вы заперли?

– Дело в том, что я попросила эту несчастную женщину из Швеции – она такая приятная – проверить, заперта ли дверь, и та сказала, что заперта.

– А почему вы не убедились в этом сами?

– Потому что я была уже в постели, а моя косметичка висела на ручке

этой двери.

– А в какое время вы просили ее об этом?

– Дайте подумать... Было около половины одиннадцатого или без четверти одиннадцать. Она зашла узнать, нет ли у меня аспирина. Я показала, где он лежит, и она взяла его прямо из моих рук.

– Сами вы в это время были в постели?

– Да.

Неожиданно женщина рассмеялась:

– Бедняжка, она была так смущена... Дело в том, что сначала, по ошибке, она открыла дверь следующего купе.

– Купе месье Рэтчетта?

– Вот именно. Вы же знаете, как трудно бывает, когда идешь по коридору вагона, а все двери закрыты. Вот она и открыла по ошибке. Она была этим очень расстроена. Он рассмеялся и, подозреваю, сказал что-то не совсем приятное. Бедняжка была просто в шоке! «Я делать ошибка, – все время повторяла она, – мне стыдно делать ошибка. Плохой человек. Он говорить – ты слишком старый».

Доктор Константин фыркнул, но взгляд миссис Хаббард немедленно заставил его превратиться в ледяную статую.

– Он был не очень приятным человеком, – сказала женщина. – Такие вещи дамам не говорят. И нечего над этим смеяться.

Последовали неловкие извинения доктора Константина.

– А после этого вы не слышали никакого шума в купе месье Рэтчетта?

– Не совсем.

– Что вы хотите этим сказать, мадам?

– Понимаете, – тут женщина запнулась, – он храпел.

– Ах, вот как! Он храпел?

– И очень громко. Всю предыдущую ночь я почти не спала.

– Но вы не слышали, как он храпит после того, как вас испугал мужчина, проникший в ваше купе?

– Каким образом, мистер Пуаро? Ведь он был мертв.

– Ах, ну да, правильно. – Казалось, что маленький бельгиец смутился. – А вы помните дело о похищении ребенка Армстронгов, миссис Хаббард?

– Конечно, помню! И помню, как этому негодяю удалось избежать наказания. Боже, хотела бы я до него добраться!

– Так вот, он ничего не избежал. Он мертв. И умер он прошлой ночью.

– Вы хотите сказать... – От волнения миссис Хаббард приподнялась со стула.

– Именно это я и хочу сказать. Похитителем был месье Рэтчетт.

– *Боже!* Боже, вы только подумайте! Я должна немедленно написать дочери и все ей рассказать. Разве я вчера не говорила вам, что у этого человека порочное лицо? Как видите, я оказалась права. Моя дочь всегда говорит: если мамусе что-то кажется, то смело ставьте доллар на то, что она права.

– Вы были знакомы с кем-то из семьи Армстронгов, миссис Хаббард?

– Нет. Они вращались в высшем свете. Но я много раз слышала, что миссис Армстронг была совершенно очаровательной женщиной и что муж ее обожал.

– Ну что же, миссис Хаббард, вы нам очень помогли. Действительно очень помогли. Не могли бы вы сообщить нам ваше полное имя?

– Ну конечно: Кэролайн Марта Хаббард.

– И напишите вот здесь ваш домашний адрес.

Миссис Хаббард написала требуемое, ни на минуту не умолкая:

– Я все никак не могу прийти в себя. Кассетти – и на этом поезде!.. А ведь этот человек меня сразу насторожил, правда, мистер Пуаро?

– Истинная правда, мадам. Кстати, у вас есть алый шелковый халат?

– Боже, какой странный вопрос! Нет. У меня с собой два халата: розовый фланелевый – он очень удобен на борту парохода, его подарила мне моя дочь – и простой халатик из фиолетового шелка. Но, ради создателя, зачем вам понадобились мои халаты?

– Понимаете, мадам, кто-то в алом кимоно прошлой ночью вошел или в ваше купе, или в купе месье Рэтчетта. Как вы сами только что справедливо заметили, очень сложно определить, в какое именно, когда все двери закрыты.

– В мое купе не заходил никто в алом кимоно.

– Значит, она зашла в купе месье Рэтчетта.

Миссис Хаббард сжала губы и мрачно произнесла:

– Это меня совсем не удивляет.

Пуаро подался вперед:

– Так, значит, вы слышали женский голос в соседнем купе?

– Не понимаю, как вы об этом догадались, мистер Пуаро. Не совсем... Хотя скорее всего да.

– Но когда я только что спрашивал вас, не слышали ли вы каких-то звуков в соседнем купе, вы сказали, что слышали только храп месье.

– И это было почти правдой. Он действительно храпел какую-то часть времени. А вот другую... – Миссис Хаббард сильно покраснела. – Мне бы не хотелось говорить об этом.

– Во сколько вы слышали женский голос?

– Не знаю. Я проснулась на какое-то мгновение и слышала голос женщины. Было очевидно, где она говорит. И я еще подумала: «Да что же он за человек такой?.. Меня это ничуть не удивляет». А потом я опять заснула. Уверена, что ни за что не рассказала бы об этом трем незнакомым мужчинам, если б вы меня не заставили.

– Это было до шума из-за появления мужчины в вашем купе или после?

– Послушайте, ну я же вам уже говорила раньше – он не мог разговаривать с женщиной, будучи мертвым, правда?

– *Pardon*. Вы, наверное, считаете меня полным глупцом, мадам.

– Я считаю, что даже вы начинаете время от времени путаться. Я вот никак не могу привыкнуть, что убитый был этим монстром Кассетти. Моя дочь наверняка скажет...

Пуаро ловко помог даме собрать все вещи в сумку, а после этого проводил ее до двери.

– Вы обронули ваш платок, мадам, – сказал он в последний момент.

Миссис Хаббард взглянула на крохотный кусочек батиста, который он ей протягивал.

– Это не мой, мистер Пуаро. Мой лежит вот здесь.

– *Pardon* еще раз. Я подумал, что если на нем инициал Х...

– Да, странно, но это точно не мой. На моих вышито К.М.Х., и они – вещи практичные, а не какие-то там дорогие французские штучки. Ну какой прок носу от платка такого размера?

Ни один из трех джентльменов не смог ответить на этот вопрос, и миссис Хаббард с триумфом удалилась.

Глава 5. Показания дамы из Швеции

Месье Бук играл пуговицей, которую миссис Хаббард оставила на столе.

– Никак не могу понять, при чем здесь эта пуговица. Значит ли она, что Пьер Мишель все-таки замешан в этом преступлении? – размышлял он вслух. Помолчав, обернулся к Пуаро, а потом продолжил, видя, что тот не собирается отвечать: – Что вы можете сказать по этому поводу, друг мой?

– Эта пуговица, она наводит на размышления, – задумчиво произнес Пуаро. – Давайте побеседуем со шведской дамой, прежде чем будем обсуждать показания и улики, которые у нас уже есть... – Он порылся в стопке паспортов, которая лежала перед ним. – Ага, вот она! Грета Олссон, сорока девяти лет.

Мистер Бук отдал приказ официанту, и через несколько минут тот ввел в вагон даму с пучком желто-серых волос и длинным лицом, чем-то напоминавшим овечью морду. Она близоруко таращилась на Пуаро сквозь очки, но при этом была абсолютно спокойна.

Выяснилось, что шведка понимает и говорит на французском языке, поэтому дальнейшая беседа велась именно на нем. Сначала Пуаро задал ей вопросы, ответы на которые были ему уже известны – он поинтересовался ее именем, возрастом и адресом. После этого спросил, чем она занимается.

Грета Олссон рассказала, что является руководительницей миссионерской школы недалеко от Стамбула. По профессии же она медицинская сестра.

– Вы, конечно, уже слышали, что здесь произошло прошлой ночью, мадемуазель?

– Естественно. Это просто ужасно. И дама из Америки рассказала мне, что убийца побывал и у нее в купе.

– Как я слышал, вы были последним человеком, который видел убитого живым?

– Не знаю. Может быть, и так. Я случайно открыла дверь в его купе. Мне было очень стыдно. Такая нелепая ошибка...

– И вы действительно видели его?

– Да, он читал книгу. Я быстро извинилась и закрыла дверь.

– Он вам что-нибудь сказал?

На щеках достойной дамы появился румянец.

– Засмеялся и сказал несколько слов. Но я... я не разобрала их.

– А что вы сделали после этого, мадемуазель? – спросил Пуаро, тактично уходя от дальнейшего обсуждения этой темы.

– Я прошла к даме из Америки, к миссис Хаббард. Я попросила у нее аспирина, и она мне его дала.

– Она просила вас проверить, закрыта ли смежная дверь между ее купе и купе месье Рэтчетта?

– Да.

– И та была заперта?

– Да.

– А что потом?

– Потом я вернулась в свое купе, приняла лекарство и легла.

– Сколько было времени?

– Когда я ложилась, было без пяти одиннадцать. Я точно помню, потому что посмотрела на часы, прежде чем их завести.

– Вы быстро заснули?

– Не совсем. Голова у меня почти прошла, но некоторое время я лежала без сна.

– Поезд успел остановиться до того, как вы уснули?

– Не думаю. Мне кажется, что мы остановились на какой-то станции как раз тогда, когда я уже засыпала.

– Это были Винковцы. Скажите, мадемуазель, это ваше купе? – Сыщик показал на план вагона.

– Да, мое.

– У вас верхняя или нижняя полка?

– Нижняя – номер десять.

– У вас есть попутчица?

– Да, молодая английская леди. Очень милая и любезная. Она едет из Багдада.

– После того как поезд отошел от Винковцев, она выходила из купе?

– Уверена, что нет.

– А почему вы так уверены, если, как говорите, спали?

– У меня очень чуткий сон. Я привыкла просыпаться от малейшего звука. Я уверена – если б она спускалась с полки, я обязательно услышала бы.

– А вы сами выходили из купе?

– Не выходила до самого утра.

– У вас есть алое шелковое кимоно, мадемуазель?

– Конечно нет. У меня удобный халат из шерстяного трикотажа. Бледно-сиреневый, с капюшоном – такие часто продаются на Востоке.

Кивнув, Пуаро поинтересовался дружелюбным тоном:

– А куда вы сейчас едете? В отпуск?

– Да, я еду домой в отпуск. Но сначала заеду на недельку к сестре в Лозанну.

– Не будете ли вы так любезны написать адрес вашей сестры?

– С удовольствием.

Шведка взяла у него лист бумаги и карандаш и записала имя сестры и ее адрес, как и просил Пуаро.

– Вы были когда-нибудь в Америке, мадемуазель?

– Никогда. Но однажды чуть не поехала. Я должна была сопровождать одну даму-инвалида, однако поездку отменили в самый последний момент. Я очень расстроилась. Американцы – они очень хорошие. С удовольствием дают деньги на школы и больницы. Очень практичный народ.

– А вы не помните дело о похищении ребенка Армстронгов?

– Нет, а что это за дело?

Пуаро объяснил.

Грета Олссон была вне себя. Ее желтый пучок затрясся от возмущения.

– Вы только подумайте, и такие злодеи живут на свете! Это настоящее испытание для нашей веры в Бога. Бедная мать... Мне жаль ее от всего сердца.

Когда добродушная шведка покидала вагон-ресторан, ее лицо горело от возмущения, а глаза были полны слез.

Пуаро стал что-то сосредоточенно записывать на листе бумаги.

– Что вы там пишете, друг мой? – поинтересовался месье Бук.

– *Mon cher*, я люблю, чтобы все было четко и аккуратно. Я сделал здесь небольшую хронологическую табличку происходившего.

Он закончил писать и передал листок месье Буку.

– 9.15 – поезд отходит от платформы в Белграде.

– Около 9.40 – камердинер выходит от Рэтчетта, оставив снотворное рядом с ним.

– 10.00 – от Рэтчетта выходит Маккуин.

– Около 10.40 – Грета Олссон видит Рэтчетта живым в последний раз (N.B. Он читает книгу).

– 0.10 – поезд отходит от станции Винковцы (с опозданием).

– 0.30 – поезд попадает в снежный занос и останавливается.

– 0.37 – раздается звонок из купе Рэтчетта. К купе

подходит проводник. Рэтчетт говорит ему: «Ce n'est rien. Je me suis trompé».

– Около 1.17 – миссис Хаббард обнаруживает мужчину у себя в купе и вызывает проводника.

– Все кристально ясно. – Месье Бук одобрительно кивнул.

– И вам ничего не кажется здесь странным?

– Нет, на мой взгляд, все абсолютно ясно. Совершенно очевидно, что преступление совершено в час пятнадцать. И часы говорят нам о том же, и рассказ миссис Хаббард это подтверждает. Хотите, я догадаюсь, кто убийца? Я бы сказал, мой друг, что это тот здоровый итальянец. Он из Америки – из Чикаго, – и не забывайте, что итальянец обычно убивает ножом и бьет свою жертву несколько раз.

– Здесь вы правы.

– В этом разгадка всего дела. Они с Рэтчеттом наверняка занимались похищениями вместе. Кассетти ведь тоже итальянское имя. А потом Рэтчетт, как говорят американцы, «кинул» своего партнера и испарился. Итальянец разыскал его и стал посылать ему письма с угрозами, а когда это не подействовало, жестоко отомстил ему. Так что все очень просто.

Пуаро с сомнением покачал головой.

– Боюсь, что все далеко не так просто, – негромко произнес он.

– А я вот уверен, что прав, – сказал месье Бук. Было видно, что его теория нравится ему все больше и больше.

– А как же тогда быть с камердинером, у которого болели зубы и который клянется, что итальянец никуда не выходил?

– Ну, здесь есть, конечно, некоторые несостыковки...

Глаза Пуаро блеснули.

– Согласен, это совсем некстати. Для вашей теории это большая беда, а вот для нашего итальянского друга зубная боль камердинера – настоящее счастье.

– Какое-то объяснение этому обязательно найдется, – произнес месье Бук с великолепной уверенностью.

Сыщик опять покачал головой.

– Нет, здесь все далеко не так просто, – повторил он еще раз.

Глава 6. Показания русской княгини

– Давайте послушаем, что Пьер Мишель скажет нам об этой пуговице, – предложил он.

Вновь пригласили проводника, который, придя, вопросительно посмотрел на них. Месье Бук прочистил горло.

– Мишель, – сказал он, – вот пуговица с вашей куртки. Ее нашли в купе американской дамы. Что вы сами можете сказать по этому поводу?

Проводник автоматически провел рукой по куртке.

– Месье, я не терял никаких пуговиц, – сказал он. – Это какая-то ошибка.

– Все это очень странно.

– Этого я объяснить не могу, месье. – Мужчина был удивлен, но не выглядел ни виноватым, ни сбитым с толку.

– Принимая во внимание обстоятельства, при которых нашли пуговицу, – со значением произнес месье Бук, – не вызывает сомнения, что ее потерял мужчина, который был в купе миссис Хаббард, когда она вам звонила.

– Но, месье, там никого не было. Все это ей приснилось.

– Ничего ей не приснилось, Мишель. Убийца месье Рэтчетта прошел именно этим путем и потерял по дороге пуговицу.

Постепенно значение слов директора дошло до Пьера Мишеля, и он страшно разволновался.

– Это неправда, месье! Все было не так! – закричал он. – Вы ведь обвиняете меня в преступлении. Меня? Я невиновен, абсолютно невиновен. С какой стати мне было убивать месье, которого я никогда в жизни не видел?

– Где вы были, когда зазвонил звонок в купе миссис Хаббард?

– Я же говорил, месье, – в соседнем вагоне, общался с коллегой.

– Мы сейчас пошлем за ним.

– Конечно, месье, я умоляю вас, пошлите!

Пригласили проводника соседнего вагона, который сразу же подтвердил показания Пьера Мишеля. Он добавил также, что вместе с ними был и проводник бухарестского вагона. Все трое обсуждали ситуацию со снегопадом. Они говорили уже минут десять, когда Мишелю показалось, что он слышит звонок. Когда проводник открыл дверь, соединявшую вагоны, то они тоже ясно услышали его. Звонок звонил не

переставая. Мишель бросился отвечать.

– Вот видите, месье, я совсем не виноват, – взволнованно сказал он.

– Тогда как вы объясните эту фирменную пуговицу?

– Никак, месье. Для меня это загадка. Как видите, все мои пуговицы на месте.

Двое других проводников тоже заявили, что пуговиц не теряли и что вообще не заходили в купе миссис Хаббард.

– Успокойтесь, Мишель, – велел месье Бук, – и попытайтесь вспомнить, что происходило, когда вы бежали на звонок миссис Хаббард. Вы кого-нибудь встретили в коридоре?

– Нет, месье.

– Вы видели кого-нибудь, кто шел бы по коридору в противоположном от вас направлении?

– И снова нет, месье.

– Очень странно, – заключил месье Бук.

– Не так уж и странно, – заметил Пуаро. – Все дело во времени. Миссис Хаббард просыпается и чувствует, что в ее купе кто-то есть. Несколько мгновений она лежит неподвижно с зажмуренными глазами. Возможно, что именно в этот момент мужчина и выскользнул в коридор. Потом она начинает звонить в звонок. Но проводник задерживается – он слышит только третий или четвертый звонок. Я бы сказал, что времени вполне достаточно...

– На что? На что, *mon cher*? Не забывайте, что поезд окружен громадными снежными сугробами.

– У нашего таинственного убийцы есть два пути, – медленно произнес Пуаро. – Он может или спрятаться в одном из туалетов, или исчезнуть в одном из купе.

– Но все они заняты!

– Правильно.

– Вы хотите сказать, что он мог исчезнуть в *своем собственном* купе?

Пуаро согласно кивнул.

– Похоже на то, похоже, – бормотал месье Бук. – За те десять минут, что проводник отсутствовал, убийца вышел из своего купе, зашел в купе Рэтчетта, убил его, запер изнутри дверь и закрыл ее на цепочку, вышел через купе миссис Хаббард и благополучно вернулся к себе к тому моменту, когда появился проводник.

– Все не так просто, мой друг, – еще раз сказал сыщик. – И наш друг врач скажет вам то же самое.

Жестом месье Бук отпустил всех трех проводников.

– У нас осталось еще восемь пассажиров, – подвел итог сыщик. – Пять пассажиров первого класса: княгиня Драгомирова, граф и графиня Андриени, полковник Арбэтнот и мистер Хардман, и три – второго: мисс Дебенхэм, Антонио Фоскарелли и фройляйн Шмидт.

– С кого начнем – с итальянца?

– Дался же вам этот итальянец! Нет, мы начнем с самого верха. Возможно, мадам княгиня согласится уделить нам несколько минут своего времени? Передайте ей нашу просьбу, Мишель.

– *Oui, monsieur*, – сказал проводник, который как раз выходил из вагона.

– И не забудьте сказать, что мы готовы прийти к ней в купе, если ей не хочется приходить сюда! – крикнул ему вслед месье Бук.

Однако княгиня Драгомирова отвергла это предложение. Она предпочла появиться в вагоне и, слегка кивнув, села напротив Пуаро.

Ее маленькое жабье личико было еще желтее, чем накануне. Без сомнения, она была уродлива, но, как и у всякой жабы, ее глаза были похожи на драгоценные камни, темные и повелительные. В них сразу же чувствовались сила интеллекта и скрытая до поры до времени энергия. Голос княгини был глубоким, очень четким и с легкой хрипотцой.

Она сразу же прервала цветистые извинения со стороны месье Бука:

– Господа, вам нет нужды извиняться. Я понимаю, что произошло убийство и вы, естественно, должны опросить всех пассажиров. Буду рада оказать вам любое содействие, которое окажется в моих силах.

– Вы очень любезны, мадам, – заметил Пуаро.

– Вовсе нет, это мой долг. Что вы хотите знать?

– Начнем с вашего полного имени и адреса, мадам. Может быть, вы хотите сами записать их?

Пуаро протянул ей лист бумаги и карандаш, но княгиня от них отмахнулась.

– Вы сами можете записать их, – сказала она, – в них нет ничего сложного: Наталия Драгомирова, улица Клебер, семнадцать, Париж.

– Вы возвращаетесь домой из Константинополя, мадам?

– Да, я жила там в австрийском посольстве. Со мною путешествует моя горничная.

– Вы не могли бы коротко рассказать нам, что делали вчера вечером после обеда?

– С удовольствием. Я велела проводнику приготовить мне постель, пока я буду обедать. Сразу же после обеда я легла и читала где-то до одиннадцати, после чего погасила свет. Я никак не могла заснуть из-за

ревматических болей, которыми я страдаю. Без четверти час, или около того, я позвала горничную. Та сделала мне массаж и читала вслух, пока я не стала засыпать. Не могу точно сказать, когда она ушла от меня, – может быть, через полчаса, а возможно, и позже.

– Но поезд уже остановился?

– Да, поезд стоял.

– И вы ничего не слышали, мадам, – ничего необычного?

– Нет, я не слышала ничего необычного.

– Как зовут вашу горничную?

– Хильдегарда Шмидт.

– Она давно работает у вас?

– Пятнадцать лет.

– Вы считаете, что ей можно доверять?

– Абсолютно. Ее семья жила на территории поместья моего последнего мужа в Германии.

– Полагаю, что вы бывали в Америке, мадам?

Неожиданная смена темы разговора заставила княгиню приподнять брови.

– Множество раз.

– А вы не были там знакомы с семьей Армстронгов – той самой, в которой произошла трагедия?

– Вы говорите о моих друзьях, месье, – сказала княгиня с волнением в голосе.

– В таком случае вы хорошо знали полковника Армстронга?

– Его самого я знала не так хорошо, а вот его жена, Соня Армстронг, была моей крестной дочерью. Я дружила с ее матерью, актрисой Линдой Арден. Она была настоящим гением, одной из величайших трагедийных актрис мира. В роли леди Макбет и Магдалины ей не было равных. Я не только восхищалась ее талантом, но и была ее другом.

– Она уже умерла?

– Нет, нет, она жива, но ведет весьма уединенную жизнь. У нее очень слабое здоровье, и ей практически все время приходится лежать.

– Мне кажется, что у нее была еще одна дочь?

– Да, значительно моложе, чем миссис Армстронг.

– А она жива?

– Конечно.

– И где она живет?

Старая леди внимательно посмотрела на сыщика.

– Я должна знать причины, по которым вы задаете эти вопросы. Какое

отношение они имеют к тому, что произошло в поезде, к этому убийству?

– Причины следующие, мадам: убитый был организатором похищения и убийства дочери миссис Армстронг.

– Ах вот как! – Брови княгини сдвинулись, и она, казалось, еще больше выпрямилась. – В таком случае, по моему мнению, это убийство – просто перст Божий! Надеюсь, вы простите мне это несколько предвзятое мнение.

– Это вполне естественно, мадам. Так вот, возвращаясь к моему предыдущему вопросу: где сейчас находится младшая дочь Линды Арден и сестра миссис Армстронг?

– Честно сказать, я не могу на него ответить, месье. У меня нет никаких контактов с молодым поколением. Мне кажется, что несколько лет назад она вышла замуж за англичанина и перебралась в Англию, но я никак не могу вспомнить его имя.

Она помолчала, а потом спросила:

– У вас есть еще вопросы ко мне, джентльмены?

– Только один, и довольно личный. Какого цвета ваш халат, мадам?

Ее брови поползли вверх.

– Что ж, я полагаю, у вас есть на то свои причины, чтобы задать такой вопрос. Мой халат сшит из голубого сатина.

– У меня нет больше вопросов, мадам. Благодарю вас за ваши откровенные ответы.

Княгиня Драгомирова слегка пошевелила рукой, унизанной кольцами.

А потом, когда она встала и мужчины поднялись вслед за нею, княгиня вдруг остановилась и спросила:

– Прошу прощения, месье, но не могли бы вы назвать мне свое имя? Ваше лицо кажется мне знакомым.

– Меня зовут Эркюль Пуаро. К вашим услугам, мадам.

Помолчав какое-то мгновение, она произнесла:

– Эркюль Пуаро... Теперь я вспомнила. Да, это Судьба.

И, прямая, немного скованная в движениях, она удалилась из вагона.

– *Voilà une grande dame*^[47], — сказал месье Бук. – Что вы о ней думаете, друг мой?

Но Пуаро только покачал головой.

– Меня гораздо больше волнует, — сказал он, — что она имела в виду, говоря про Судьбу.

Глава 7. Показания графа и графини Андени

Следующими пригласили графа и графиню Андени. Однако граф появился в вагоне-ресторане один.

При ближайшем рассмотрении он оказался, без сомнения, красивым мужчиной, по меньшей мере шести футов^[48] роста, с широкими плечами и узкими бедрами. Одет граф был в хорошо пошитый костюм из английского твида. Его легко можно было бы принять за англичанина, если б не длина усов и не изгиб скул.

– Итак, джентльмены, – начал он, – что я могу для вас сделать?

– Как вы понимаете, месье, в свете всего произошедшего я обязан задать всем пассажирам некоторые вопросы, – ответил Пуаро.

– Ну конечно, конечно, – легко согласился граф. – Я вполне вас понимаю, хотя, боюсь, ни я, ни моя жена не сможем вам чем-то помочь. Мы спали и абсолютно ничего не слышали.

– Вы знаете, кто этот убитый, месье?

– Как я понимаю, это американец – человек с очевидно неприятным лицом, который во время еды сидел...

И граф кивком указал на столик, за которым обычно сидели Рэтчетт и Маккуин.

– Да, да, месье, вы абсолютно правы. Я имел в виду имя убитого.

– Нет. – Казалось, вопрос Пуаро сильно удивил графа. – Если вам нужно его имя, – заметил он, – то я уверен, что вы найдете его в паспорте убитого.

– В паспорте стоит имя Рэтчетт, – сказал сыщик. – Но это имя, месье, не настоящее. Его звали Кассетти, и он был виновником громкого дела о похищении ребенка в Америке.

Произнося эти слова, Пуаро внимательно наблюдал за графом. Однако на мужчину эта новость не произвела никакого впечатления. Он только пошире раскрыл глаза и произнес:

– Что ж, это наверняка многое объясняет. Невероятная страна эта Америка.

– Полагаю, что вы там бывали, месье граф?

– Я провел в Вашингтоне около года.

– Возможно, вы знавали там семью Армстронгов?

– Армстронг, Армстронг... трудно вспомнить – столько встреч... – Граф улыбнулся и пожал плечами. – А если вернуться к нашему делу,

джентльмены, – поменял он тему разговора, – чем еще я могу вам помочь?

– Во сколько вы отошли ко сну, месье граф?

Эркюль Пуаро бросил взгляд на план вагона. Граф и графиня Андруни занимали соседние купе, полки 12 и 13.

– Мы попросили приготовить постель в одном купе, пока мы будем обедать. Вернувшись, мы немного посидели в другом...

– В каком номере?

– В тринадцатом. Мы играли в пикет. Около одиннадцати моя жена решила лечь. Проводник расстелил постель в моем купе; я тоже лег и спал не пробуждаясь до самого утра.

– Вы заметили, как остановился поезд?

– Нет, я узнал об этом только утром.

– А ваша жена?

Граф улыбнулся:

– Когда мы едем на поезде, моя жена всегда принимает снотворное. Так что она приняла свою обычную дозу трионала. – Мужчина помолчал. – Как видите, к сожалению, я ничем не смогу вам помочь.

Пуаро протянул ему лист бумаги и ручку.

– Благодарю вас, месье. Это простая формальность, но не могли бы вы написать ваше имя и адрес?

Граф медленно и аккуратно выполнил его просьбу.

– Хорошо, что я сам написал это, – произнес он приятным голосом. – Для людей, не говорящих на моем языке, название моего поместья представляет некоторую сложность.

Граф протянул бумагу сыщику и встал.

– Полагаю, что моей жене приходится нет никакого смысла, – сказал он. – Она не сможет рассказать вам ничего нового.

В глазах Пуаро появилось какое-то свечение.

– Не сомневаюсь, несколько не сомневаюсь, – сказал он, – но тем не менее я хотел бы перекинуться с мадам графиней несколькими словами.

– Я уверяю вас, что это совершенно не обязательно. – В голосе графа послышались повелительные нотки.

Пуаро мирно заморгал глазами.

– Это простая формальность, – сказал он. – Но мне она необходима для составления отчета.

– Как вам будет угодно, – нехотя согласился граф и, коротко кивнув на иностранный манер, вышел из вагона.

Пуаро протянул руку к его паспорту. В нем были указаны его имя и титулы. В особых отметках стояло: *путешествует в сопровождении жены.*

Имя: Елена Мария, девичья фамилия – Гольденберг, двадцати лет от роду. Какой-то неаккуратный клерк посадил на страницу жирное пятно.

– Дипломатический паспорт, – заметил Бук. – Надо быть осторожнее, мой друг, чтобы никого не обидеть. Эти люди могут не иметь к убийству никакого отношения.

– Не волнуйтесь, *mon vieux*, я буду очень тактичен. Это просто формальность.

Сыщик понизил голос, так как в этот момент в вагон вошла графиня Андени. Она выглядела смущенной и совершенно очаровательной.

– Вы хотели меня видеть, господа?

– Это простая формальность, мадам графиня. – Пуаро галантно поднялся и проводил ее к стулу, стоявшему напротив их стола. – Просто чтобы спросить вас, не видели или не слышали вы что-то прошлой ночью, что может пролить свет на это печальное происшествие.

– Совсем ничего, месье. Я спала.

– А вы не слышали, например, шум в купе, соседнем с вашим? Американка, которая в нем едет, была в истерике и вызывала проводника.

– Ничего не слышала, месье. Понимаете, я приняла снотворное...

– Ах вот в чем дело! Понятно. Тогда я не буду вас больше задерживать.

Когда она быстро поднялась, Пуаро опять заговорил:

– Еще минуточку. Вот эти данные – ваша девичья фамилия, возраст и так далее, – они соответствуют действительности?

– Абсолютно, месье.

– Тогда, может быть, вы подпишете вот этот меморандум?

Она быстро подписала: *Елена Андени*. У нее был приятный почерк с легким наклоном.

– Вы были с вашим мужем в Америке, мадам?

– Нет, месье. – Она улыбнулась и слегка покраснела. – Тогда мы еще не были женаты. Мы в браке лишь год.

– Ах, ну да, благодарю вас, мадам. Кстати, ваш муж курит?

Она посмотрела на него, уже готовая уйти.

– Да.

– Трубку?

– Нет – сигареты и сигары.

– Еще раз благодарю вас.

Она слегка задержалась – ее глаза с любопытством разглядывали сыщика. Это были очаровательные глаза, темные, миндалевидной формы, с очень длинными черными ресницами, которые выгодно оттеняли изысканный цвет ее щек. Ее губы, окрашенные алой помадой, как это

бывает у иностранок, слегка приоткрылись. Она была красива экзотической красотой.

– А почему вы меня об этом спрашиваете?

– Мадам. – Пуаро легко взмахнул рукой. – Детективам приходится задавать разные вопросы. Вот, например, не скажете ли вы, какого цвета ваш халат?

Она недоуменно уставилась на него, затем рассмеялась.

– Шифон, цвета спелой кукурузы. А что, это так важно?

– Очень важно, мадам.

– Так, значит, вы настоящий детектив? – с любопытством спросила графиня.

– К вашим услугам, мадам.

– А я думала, что на поезде, пока тот идет через Югославию, нет детективов. Что они появляются только в Италии.

– Я детектив не из Югославии, мадам. Я международный детектив.

– Значит, вы работаете на Лигу Наций?

– Я работаю на весь мир, мадам. – В голосе Пуаро появились торжественные нотки. – В основном я работаю в Лондоне. Вы говорите на английском языке? – добавил он по-английски.

– Соовсем ниимного, да.

У нее был очаровательный акцент.

Пуаро еще раз поклонился.

– Мы больше не смеем вас задерживать, мадам. Как видите, это было совсем не страшно.

Женщина улыбнулась, склонила голову и вышла из вагона.

– *Elle est jolie femme*^[49], — в восхищении произнес месье Бук. Потом он вздохнул. – И опять это мало что нам дало.

– Вы правы, – согласился Пуаро. – Эти двое спали и ничего не видели и не слышали.

– Что же, давайте приглашать итальянца?

Какое-то время Пуаро молчал. Он внимательно изучал жирное пятно на венгерском дипломатическом паспорте.

Глава 8. Показания полковника Арбэтнота

Пуаро встал и слегка потянулся. Когда он посмотрел в нетерпеливые глаза месье Бука, то в его глазах появился блеск.

– Мой дорогой старый друг, – произнес он. – Понимаете, я превратился в сноба! И полагаю, что с первым классом надо разобраться в первую очередь. Поэтому, думаю, теперь мы поговорим с красавчиком полковником Арбэтнотом.

Выяснив, что французский полковника сильно ограничен, Пуаро беседовал с ним на английском. Сначала были уточнены полное имя полковника, его возраст, домашний адрес и занимаемая им должность. После этого Пуаро продолжил:

– Так вы едете домой из Индии на побывку, или, как это у нас называется, *en permission*?^[50]

Полковник Арбэтнот, которого совсем не интересовало, что и как называет эта кучка иностранцев, ответил ему с истинно британской краткостью:

– Да.

– Но вы не стали пользоваться кораблем пароходной компании «Пи энд О»?

– Нет.

– А почему нет?

– По причинам личного характера я предпочел возвращаться наземным путем.

«Ну что, получил, выскочка несчастный?» – казалось, говорил весь его внешний вид.

– И вы приехали прямо из Индии?

– На один день я остановился, чтобы осмотреть Ур Халдейский^[51], и три дня провел в Багдаде, у своего старого друга, который служит там начальником артиллерийско-технической службы, – сухо ответил полковник.

– Три дня вы провели в Багдаде, а насколько я понимаю, молодая английская леди, мисс Дебенхэм, тоже едет из Багдада. Вы там с ней не встречались?

– Нет, не встречался. Впервые я увидел мисс Дебенхэм, когда мы следовали в охраняемом железнодорожном вагоне из Киркука в Ниссибин.

Пуаро подался вперед. Сейчас он предпочел напустить на себя вид

упрямого, туповатого иностранца.

– Месье, я хочу обратиться к вам с большой просьбой. Вы с мисс Дебенхэм – единственные англичанине на этом поезде. И мне необходимо узнать ваше мнение друг о друге.

– Звучит довольно необычно, – холодно заявил полковник Арбэтнот.

– Не совсем так. Понимаете, это преступление, скорее всего, было совершено женщиной. Убитого ударили ножом не менее двенадцати раз. Даже *chef de train* немедленно сказал, что это была женщина. И как вы думаете, что я должен сделать в первую очередь? Я должен в первую очередь «оценить», как говорят американцы, всех присутствующих в вагоне Стамбул – Кале женщин. Но оценить англичанку очень сложно. Они все такие закрытые, эти англичанки... Поэтому я умоляю вас, месье, в интересах правосудия рассказать, что за человек мисс Дебенхэм? Что вы о ней знаете?

– Мисс Дебенхэм, – в голосе полковника послышалась теплота, – настоящая леди.

– Ах, вот как, – заявил Пуаро с напускной благодарностью. – Значит, вы не думаете, что она может быть замешана в преступлении?

– Подобная идея абсурдна сама по себе, – сказал Арбэтнот. – Этот человек был ей абсолютно незнаком – она никогда его раньше не видела.

– Это она вам так сказала?

– Сказала. Она сразу же сделала замечание по поводу его вызывающе неприятной внешности. И если, как вы считаете, в этом замешана женщина – хотя мне кажется, что у вас нет никаких доказательств, лишь досужие домыслы, – то, смею вас заверить, мисс Дебенхэм совсем не та, кого вы ищете.

– А для вас это, по-видимому, весьма важно, – улыбнулся Пуаро.

Полковник Арбэтнот ответил на его слова ледяным взглядом.

– Я даже не представляю себе, что вы хотите этим сказать.

Казалось, что его взгляд смутил сыщика. Тот опустил глаза и стал бесцельно перебирать бумаги на столе.

– Но это все так, кстати... – заметил он. – Давайте вернемся к фактам. Мы имеем основания полагать, что преступление было совершено в четверть второго ночи. Долг заставляет меня поинтересоваться у каждого пассажира вагона, что он или она делали в это время.

– Очень хорошо. Насколько мне помнится, в четверть второго я беседовал с молодым американцем, секретарем убитого.

– Ах, вот как! Это было в вашем купе или в его?

– Я был у него в купе.

- Вы говорите сейчас о молодом Маккуине?
- Да.
- Он ваш друг или просто знакомый?
- Я никогда не встречался с ним до этой поездки. Мы заговорили с ним вчера совершенно случайно, и беседа показалась нам интересной. Обычно я не очень уважаю американцев – пустые и никчемные людишки... Пуаро улыбнулся, вспомнив мнение Маккуина о британцах.
- Но этот парень мне понравился. У него было несколько совершенно идиотских идей по поводу того, что сейчас происходит в Индии... На мой взгляд, самыми худшими чертами американцев являются их излишняя сентиментальность и идеализм. Так вот, он заинтересовался моим мнением – я ведь провел в этой стране почти тридцать лет. Меня, в свою очередь, интересовало то, что он мог рассказать мне об экономической ситуации в Америке. А потом мы разговорились о мировой политике. Когда я взглянул на часы, то с удивлением увидел, что времени было уже без четверти два.
- То есть в это время вы прервали вашу беседу?
- Да.
- А что вы делали после этого?
- Прошел в свое купе и завалился спать.
- Ваша кровать была уже расстелена?
- Да.
- Вы у нас располагаетесь в купе... дайте-ка я посмотрю... номер пятнадцать. Второе от того конца вагона, который ближе к вагону-ресторану.
- Да.
- А где был проводник, когда вы возвращались в ваше купе?
- Сидел в конце вагона за маленьким столиком. Более того, Маккуин позвал его еще до того, как я вошел в свое купе.
- А зачем он его звал?
- Наверное, чтобы тот расстелил ему постель. Его купе еще не было приготовлено к ночи.
- А теперь, полковник Арбэтнот, я хочу, чтобы вы хорошо подумали. Никто не проходил по коридору, пока вы общались с мистером Маккуином?
- Полагаю, довольно много людей. Я не обращал на это внимания.
- Ах, вот как! Я сейчас говорю о последних полутора часах вашей беседы. Вы ведь выходили в Винковцах, правильно?
- Да, но только на одну минуту. Мела настоящая пурга, холод был просто ужасающий. В этой ситуации душный вагон показался нам настоящим спасением, хотя обычно я считаю, что то, как они топят в этих

вагонах, совершенно недопустимо.

Месье Бук вздохнул.

– Очень трудно угодить всем и каждому, – заметил он. – Англичане – они вообще любители все открывать, а вот другие – те все плотно закрывают. Все это очень сложно.

Ни Пуаро, ни полковник не обратили на это замечание никакого внимания.

– А теперь, месье, попробуйте вспомнить, – голос сыщика звучал ободряюще. – На улице стужа. Вы возвращаетесь в вагон, садитесь и закуриваете – может быть, сигарету, а может, и трубку... – Он замолчал буквально на одно мгновение.

– Я любитель трубки. Маккуин курил сигареты.

– Поезд вновь трогается. Вы курите вашу трубку, обсуждаете европейскую и мировую политику. Уже поздно, и большинство пассажиров отошли ко сну. Кто-нибудь проходил мимо двери? Постарайтесь вспомнить...

Напряженный мыслительный процесс заставил полковника нахмуриться.

– Сложно сказать, – ответил он. – Понимаете, я совсем не обращал на это внимания.

– Но у вас должна быть военная привычка все замечать. Как говорится, все видеть, ничего не видя.

Арбэнтот опять задумался, но покачал головой:

– Не могу сказать. Никого, кроме проводника, я не помню. Хотя подождите-ка... мне кажется, что была еще женщина.

– Вы видели ее? Она была молодая или старая?

– Я ее не видел. Даже не смотрел в ее сторону. Помню просто шуршание материала и аромат.

– Аромат? Приятный?

– Такой... довольно насыщенный, если вы меня понимаете. То есть я хочу сказать, что вы почувствуете его и за сотню ярдов. Хотя, – тут полковник заторопился, – это могло произойти и раньше. Понимаете, как вы сами только что сказали, это была одна из тех вещей, которые замечаешь не замечая. В какой-то момент вчера вечером я сказал себе: «Женщина – запах – какой сильный». Но когда это случилось, я совсем не уверен; помню только, что... ну да, это должно было быть после Винковцев.

– А почему вы так думаете?

– Да потому, что почувствовал я этот запах именно в тот момент, когда

говорил о том, что сталинский пятилетний план полностью провалился. Я еще помню, что этот запах напомнил мне о положении женщин в России. А до России мы добрались почти в самом конце разговора.

– Точнее вы не можете вспомнить?

– Н-нет. Это произошло где-то в последние полчаса.

– Это было уже после того, как поезд остановился?

– Да, я почти в этом уверен, – кивнул полковник.

– Ну что ж, на том и порешим. Вы когда-нибудь были в Америке, полковник Арбэтнот?

– Никогда. И не имею никакого желания туда ехать.

– А вы когда-нибудь знали полковника Армстронга?

– Армстронг, Армстронг... я знал двух или трех Армстронгов. Например, Томми Армстронг из Шестидесятого полка – вы не о нем говорите? Был еще Селби Армстронг – его убили при Сомме.

– Я имею в виду полковника Армстронга, который женился на американке и чей единственный ребенок был похищен и убит.

– Ах вот вы о ком... помню, я об этом читал. Жуткая история. Не думаю, что я с ним когда-нибудь встречался, хотя, конечно, слышал. Тоби Армстронг. Отличный парень. Сделал блестящую карьеру – был кавалером ордена Виктории.

– Человек, которого убили ночью, был виновником убийства дочери полковника Армстронга.

– В таком случае эта свинья получила по заслугам. Хотя я бы предпочел, чтобы его по всем правилам повесили или посадили на электрический стул.

– То есть, полковник Арбэтнот, вы предпочитаете закон и порядок, а не личную месть?

– Ну, нельзя же жить в атмосфере кровной мести, тыкая друг друга ножами, как корсиканцы или какие-то там мафиози, – сказал полковник. – Говорите что хотите, но суд присяжных выглядит надежнее.

Несколько минут Пуаро задумчиво смотрел на своего собеседника.

– Да, – сказал он. – Я почему-то был уверен, что именно так вы и ответите. Ну что же, полковник, думаю, что у меня больше нет вопросов. Сами вы не можете вспомнить ничего, что показалось бы вам подозрительным прошлой ночью, или что кажется подозрительным сейчас, по прошествии некоторого времени?

Несколько мгновений Арбэтнот размышлял над этим вопросом.

– Нет, – ответил он. – Совсем ничего. Если только... – Он заколебался.

– Умоляю вас, продолжайте.

– Да, в общем-то, ничего такого, – медленно произнес полковник. – Хотя вы сами сказали, что вас интересуют даже мелочи...

– Да, да. Продолжайте.

– Да так, всякая ерунда. Просто деталь. Когда я возвращался к себе в купе, то заметил, что дверь самого последнего купе, того, что идет сразу же за моим...

– Да, номер шестнадцать.

– Так вот, дверь этого купе была приоткрыта. И парень из этого купе как-то странно пялился в коридор. А потом он быстро прикрыл дверь. Конечно, я понимаю, что в этом ничего такого нет, но тогда это показалось мне немного странным. В том, что дверь иногда открывают и смотрят в коридор, нет ничего необычного, но вот его вороватый взгляд привлек мое внимание.

– Та-а-а-к, – с сомнением произнес Пуаро.

– Я же предупредил, что в этом нет ничего такого. – Арбэтнот говорил извиняющимся тоном. – Но вы знаете, как это иногда бывает: раннее утро, полная тишина и покой – в такой обстановке все кажется серьезнее, чем на самом деле, прямо как в настоящем детективе. Хотя все это, конечно, глупости. – Мужчина встал. – Если я вам больше не нужен...

– Благодарю вас, полковник Арбэтнот, это всё.

Военный на минуту заколебался. Было видно, что его недовольство тем, что его допрашивают «иностранцы», испарилось без следа.

– Я хочу сказать о мисс Дебенхэм, – заметил он довольно неуклюже. – Можете поверить мне, что с нею всё в порядке. Она настоящая *pukka sahib*^[52].

И, слегка покраснев, он исчез.

– А что значит это *pukka sahib*? – заинтересованно спросил доктор Константин.

– Это значит, – ответил Пуаро, – что отец и братья мисс Дебенхэм ходили с полковником в одну и ту же школу.

– Вот в чем дело. – Доктор Константин расстроился. – Тогда к преступлению это не имеет никакого отношения.

– Вот именно, – согласился с ним сыщик.

Погруженный в свои мысли, Пуаро выбивал пальцами какой-то мотивчик на крышке стола. Наконец он поднял глаза.

– Полковник Арбэтнот курит трубку, – заметил он. – В купе мистера Рэтчетта я нашел ершик для чистки трубок. А Рэтчетт курил только сигары.

– Вы считаете...

– Пока что он единственный, кто признался в том, что курит трубку.

– И вы думаете, что возможно...

Пуаро яростно покачал головой:

– Это просто невозможно... совершенно *невозможно*, чтобы благородный, слегка глуповатый английский джентльмен двенадцать раз воткнул нож в своего врага. Разве вы не чувствуете, друзья, как это невозможно?

– Ну-у, это уже из области психологии, – сказал месье Бук.

– А психологию надо уважать. На преступлении стоит автограф, и этот автограф принадлежит не полковнику Арбэтноу. Пойдем дальше.

На это раз месье Бук не стал говорить об итальянце, хотя и подумал о нем.

Глава 9. Показания мистера Хардмана

Последним пассажиром первого класса был мистер Хардман – крупный шумный американец, который в вагоне-ресторане сидел вместе с камердинером и итальянцем.

Когда он вошел в вагон-ресторан, на нем были надеты яркий клетчатый костюм, розовая рубашка и кричащая булавка для галстука. Было видно, что во рту у него что-то постоянно перекачивается. Его грубое мясистое лицо с резкими чертами дышало добродушием.

– Доброе утро, джентльмены, – произнес он. – Чем я могу быть вам полезным?

– Вы уже слышали об убийстве, мистер... э-э-э... Хардман?

– Конечно. – Он перекатил во рту жвачку.

– Нам необходимо опросить всех пассажиров поезда.

– Нет проблем. Наверное, по-другому ничего не узнаешь.

Пуаро посмотрел в паспорт, лежавший перед ним.

– Вы Сайрус Бетман Хардман, гражданин Соединенных Штатов, сорока одного года, продавец валиков для пишущих машинок?

– Да, это я.

– Вы едете из Стамбула в Париж?

– Именно так.

– По причине...

– Дела.

– Вы всегда путешествуете первым классом, мистер Хардман?

– Да, сэр. Мои расходы оплачивает компания. – Тут мужчина подмигнул.

– А теперь, мистер Хардман, давайте поговорим о событиях вчерашнего вечера.

Американец согласно кивнул.

– Что вы нам можете рассказать по этому поводу?

– Абсолютно ничего.

– Очень жаль. А может быть, вы согласитесь, мистер Хардман, рассказать нам, что делали вчера после обеда?

Первый раз за всю беседу американец слегка запнулся.

– Простите, джентльмены, а кто вы такие? Вы не представились.

– Это месье Бук, директор компании «Вэгонс-Лит», а этот джентльмен – врач, который осматривал тело.

– А вы сами кто?

– Я – Эркюль Пуаро. Компания наняла меня для расследования этого убийства.

– О вас я раньше слышал... – Некоторое время мистер Хардман размышлял. – Думаю, что мне лучше во всем признаться.

– Уверен, что если вы расскажете нам все, что знаете, это пойдет вам только на пользу, – сухо произнес Пуаро.

– Я бы с удовольствием рассказал вам все, если б действительно *что-то* знал. Но я не знаю. Абсолютно ничего, как уже вам и говорил. Хотя я просто *обязан* знать – и вот это-то меня и расстраивает. Знать я действительно *обязан*.

– Прошу вас, объяснитесь, мистер Хардман.

Мужчина вздохнул, вынул изо рта жвачку и спрятал ее в карман. И в этот момент в его облике произошли заметные изменения. Он превратился из дешевого комедианта в реального человека. Даже носовые звуки, с которыми он говорил, стали менее заметны.

– Этот паспорт слегка подделан. Вот мое настоящее имя, – сказал он и протянул Пуаро визитную карточку. Месье Бук посмотрел на нее через плечо сыщика.

***Мистер Сайрус Б. Хардман
Детективное агентство Макнила
Нью-Йорк***

Название агентства было хорошо известно Пуаро – одно из самых известных и уважаемых частных детективных агентств Нью-Йорка.

– Итак, мистер Хардман, – сказал он, – а теперь расскажите нам, что все это значит.

– Ну конечно. Все развивалось следующим образом: я приехал в Европу по следам двух мошенников – это не имеет никакого отношения к нынешним событиям. Моя погоня закончилась в Стамбуле. Я послал телеграмму с докладом шефу и получил распоряжение возвращаться. И уже совсем было наострил лыжи в старый добрый Нью-Йорк, когда получил вот это. – Детектив протянул Пуаро письмо. Оно было написано на бланке отеля «Токатлиан», а содержалось в нем следующее:

*Уважаемый сэр,
Мне указали на вас как на оперативного сотрудника
детективного агентства Макнила. Прошу вас прибыть ко мне в*

номер сегодня, в четыре часа пополудни.

С. Е. Рэтчетт

– *Eh bien?*

– В назначенное время я был в номере, и мистер Рэтчетт описал мне всю ситуацию. Он также показал мне парочку писем, которые недавно получил.

– Он был взволнован?

– Притворялся, что нет, но я сразу понял, что да. Он сделал мне предложение. Я должен был выехать в Паррыж одним с ним поездом и проследить, чтобы на поезде с ним ничего *не случилось*. Так вот, джентльмены, я таки поехал с ним одним поездом, но, несмотря на это, его все-таки достали. Все это не понравилось мне с самого начала.

– Он проинструктировал вас, как вы должны себя вести?

– Ну да, у него все это было продумано. По его плану, я должен был ехать с ним в соседних купе – это не сработало с самого начала. Я смог купить только купе номер шестнадцать, да и то это было не так просто – насколько я смог понять, проводник придерживал это купе для своих нужд. Хотя это меня мало волнует. Поразмыслив, я решил, что номер шестнадцатый был вполне приличной стратегической точкой. Перед стамбульским спальным вагоном располагался только вагон-ресторан. Дверь наружу, на площадке вагона, закрывалась на ночь. Бандит мог попасть в вагон одним из двух способов – или с задней площадки этого вагона, или из обыкновенных вагонов. И в том и в другом случае он должен был пройти мимо моего купе.

– Полагаю, вам не было известно, кто был этот возможный убийца?

– Не совсем. Я знал, как он выглядит. Мистер Рэтчетт мне его подробно описал.

– Что?

Все трое с нетерпением подались вперед.

Хардман продолжал:

– Маленький темноволосый мужчина с бабьим голосом – так его описал старик. Он также сказал, что, по его мнению, в первую ночь ничего не произойдет. Скорее всего, все случится во вторую или в третью.

– Значит, он что-то знал, – заметил месье Бук.

– Он точно знал гораздо больше, чем рассказал своему секретарю... – Голос Пуаро был задумчив. – А он вам что-то рассказывал об этом своим враге? Не говорил, например, *почему он боится за свою жизнь?*

– Нет. Было видно, что об этом ему говорить не хочется. Просто сказал, что тот парень вышел на тропу войны и собирается его достать.

– Маленький, темноволосый, с бабьим голосом... – задумчиво повторил Пуаро. – Естественно, вы знали, кто он на самом деле? – спросил он, бросив пристальный взгляд на американца.

– О ком вы говорите, мистер?

– О Рэтчетте. Вы его узнали?

– Я вас не понимаю.

– Настоящее имя Рэтчетта – Кассетти. Это он убил ребенка Армстронгов.

Мистер Хардман присвистнул.

– Вот сюрприз так сюрприз, – сказал он. – Я его не узнал, сэр! Когда раскручивали это дело, я был на Западе. Думаю, что я должен был видеть его фотографии в газетах, но на них я не узнал бы и собственную мать! Уверен, что на этом свете найдется немало людей, которые хотели бы почитаться с Кассетти.

– А вы знаете кого-нибудь, связанного с делом Армстронгов, кто отвечал бы этому вашему описанию – маленький, темноволосый, с бабьим голосом?

На несколько минут Хардман задумался.

– Трудно сказать. Ведь почти все, кто был связан с этим делом, сейчас мертвы.

– Помните, там фигурировала какая-то девушка, которая выбросилась из окна?

– Это, кстати, неплохая мысль. Девушка была иностранкой, и у нее вполне могли остаться какие-то родственники. И не забывайте, что похищение ребенка Армстронгов было не единственным в биографии Кассетти. Он ведь занимался этим довольно долго. Так что не стоит заикливаться только на этом деле.

– Понимаете, у нас есть причина полагать, что все это связано с делом Армстронгов.

Мистер Хардман наклонил голову и с любопытством посмотрел на Пуаро. Тот хранил молчание. Американец покачал головой.

– Не могу вспомнить никого из фигурантов дела Армстронгов, кто отвечал бы такому описанию, – сказал он, – хотя я этим делом не занимался и не слишком много о нем знаю.

– Тогда продолжайте ваш рассказ, мистер Хардман.

– Да я уже практически закончил. Отсыпался я днем, а сторожил ночью. В первую ночь не произошло ничего подозрительного. Во вторую,

насколько я мог судить, тоже. Дверь у меня была слегка приоткрыта, но никто незнакомый мимо не проходил.

– Вы в этом уверены, мистер Хардман?

– На все сто процентов. Никто не влезал на поезд с улицы и не приходил из обычных вагонов. В этом я готов поклясться.

– А с вашей позиции вы видели проводника?

– Конечно. Он сидит на маленьком стульчике практически вплотную к двери моего купе.

– После Винковцев он покидал свое место?

– Это была последняя станция? Ну да, он ответил на пару звонков – это было как раз перед тем, как поезд совсем остановился. А потом прошел мимо меня в предыдущий вагон и пробыл там минут пятнадцать. Потом звонок раззвонился как сумасшедший, и он бегом вернулся в вагон. Я даже вышел в коридор, чтобы посмотреть, что происходит. Разнервничался немного, понимаете? Потом оказалось, что звонила эта американка. Она из-за чего-то просто вышла из себя. Я, помню, еще ухмыльнулся. Потом проводник подошел еще к одному купе и принес кому-то бутылку минеральной воды. После этого он уселся на своем месте и сидел, пока не прошел в противоположный конец вагона, чтобы расстелить там кому-то постель. И после этого и часов до пяти утра больше не шевелился.

– Он что, заснул?

– Этого я не знаю, но вполне мог.

Пуаро кивнул и машинально разгладил бумаги, лежавшие перед ним на столе. Затем еще раз взглянул на карточку детектива.

– Было бы неплохо, если б вы ее подписали.

Американец подчинился.

– Как я понимаю, мистер Хардман, здесь нет никого, кто мог бы подтвердить вашу личность.

– На поезде? Думаю, что нет. Если только меня не вспомнит юный Маккуин. Я его немного знаю – несколько раз видел в офисе его отца в Нью-Йорке. Правда, не уверен, что он как-то выделял меня в толпе оперативников, которые там постоянно толкались... Нет, мистер Пуаро, вам придется подождать, когда вам представится случай послать телеграмму в Нью-Йорк. Но поверьте: все, что я рассказал вам, – чистая правда. Итак, джентльмены, честь имею. Был рад познакомиться с вами, мистер Пуаро.

Бельгиец протянул детективу свой портсигар.

– Или, может быть, вы предпочитаете трубку? – спросил он.

– Нет, нет, только не я.

Хардман прикурил и быстро вышел.

Трое оставшихся джентльменов посмотрели друг на друга.

– Вы думаете, что он сказал правду? – спросил доктор Константин.

– Без сомнения. Я знаю таких людей. И, кроме того, эту его историю очень легко проверить.

– Он сообщил нам очень интересную информацию, – заметил месье Бук.

– Вы правы.

– Маленький мужчина с темными волосами и высоким голосом, – задумчиво произнес месье Бук.

– Такое описание не подходит никому на этом поезде, – заключил Пуаро.

Глава 10. Показания итальянца

– А теперь, – в глазах Пуаро появились озорные огоньки, – мы доставим удовольствие месье Буку и пригласим итальянца.

Антонио Фоскарелли вошел в вагон-ресторан быстрой кошачьей походкой. Его лицо сияло. Типично итальянское лицо – сияющее и смуглое.

По-французски он говорил совершенно свободно, с чуть заметным акцентом.

– Вас зовут Антонио Фоскарелли?

– Да, месье.

– Как я вижу, вы натурализованный американец?

– Да, месье. – Мужчина улыбнулся. – Так лучше для моего бизнеса.

– Вы продаете машины Форда?

– Да. Понимаете...

За этим последовал длиннющий монолог, похожий на извержение вулкана. После того как он закончился, стало ясно, что то, чего трое джентльменов еще не знают о методах ведения бизнеса Фоскарелли, его поездках, доходах и о его мнении о Соединенных Штатах и большинстве европейских государств, просто недостойно их внимания.

Добродушное детское лицо итальянца сияло от удовлетворения, когда с последним завершающим жестом он замолчал и носовым платком промокнул пот со лба.

– Так что, как видите, бизнес у меня большой, я стараюсь идти в ногу со временем и хорошо разбираюсь в искусстве торговли.

– Получается, что за последние десять лет вы довольно часто посещали Соединенные Штаты?

– Да, месье. Хорошо помню, как я впервые взошел на борт корабля, чтобы ехать в Америку, в такую даль! Мои мать и сестренка...

Пуаро решительно прервал эти воспоминания:

– Во время ваших посещений Соединенных Штатов вам приходилось встречать там усопшего?

– Никогда. Но я хорошо знаю такой тип людей. Снаружи они выглядят очень респектабельно, прекрасно одеты, а внутри все у них прогнило. По своему опыту могу сказать, что убитый был большим мошенником – я в этом абсолютно уверен.

– Вы совершенно правы, – сухо согласился с ним Пуаро. – Настоящее имя Рэтчетта – Кассетти. Он занимался похищением людей.

– Ну, а я что вам говорил? Мне в жизни приходится быть очень проницательным, уметь читать по лицам. Это просто необходимо – только в Америке можно научиться, как надо правильно торговать.

– Вы помните дело Армстронгов?

– Не совсем. Но имя знакомое. Что-то связанное с маленькой девочкой, так?

– Да, большая трагедия.

Казалось, итальянец был первым из опрошенных пассажиров, кто не разделял подобного взгляда.

– Что ж, подобные вещи иногда случаются, – сказал он философски. – В такой великой цивилизации, как американская...

Пуаро резко прервал его:

– Вы когда-нибудь встречались с членами семьи Армстронгов?

– Нет, не думаю. Хотя наверняка сказать трудно. Вот вам всего лишь несколько цифр: только в прошлом году я продал...

– Месье, умоляю вас, не отвлекайтесь.

Итальянец всплеснул руками, как бы извиняясь.

– Тысяча извинений.

– Прошу вас, расскажите мне подробно, что вы делали вчера вечером после обеда.

– С удовольствием. В ресторане я оставался до последнего – здесь гораздо веселее, чем в купе. Я побеседовал с американским джентльменом, который сидит за моим столом; он продает валики для пишущих машинок. Затем я вернулся к себе в купе. Несчастный Джон Буль ^[53], который едет со мной в одном купе, прислуживал своему хозяину. Потом он наконец вернулся – и, как всегда, с вытянутой физиономией. Он со мной вообще не разговаривал, только «да» и «нет». Эти англичане – просто несчастная нация, никакой любви к ближнему своему. Сидит в своем углу, прямой, словно палку проглотил, и все время читает. Потом пришел проводник и расстелил наши постели.

– Номера четыре и пять, – пробормотал Пуаро.

– Вот именно, в последнем купе. Я еду на верхней полке, поэтому и забрался туда. Там я курил и читал. У этого англичанишки, как я понял, болели зубы. Он достал бутылочку с какой-то гадостью, которая очень сильно пахла, – а потом лег в постель и стал стонать. Потом я заснул, но каждый раз, когда просыпался, слышал его стоны.

– А вы не знаете, он никуда не выходил ночью?

– Не думаю. Я бы это услышал. Когда открывается дверь, из коридора падает свет, и ты просыпаешься совершенно автоматически, думая, что это

таможенный досмотр.

– Он рассказывал вам что-нибудь о своем хозяине? Говорил про него что-то нехорошее?

– Я же сказал вам, что он не разговаривал со мной. Никакого дружелюбия – настоящая рыба.

– Вы сказали, что курили. А что именно – трубку, сигареты или сигары?

– Я курю только сигареты.

Пуаро предложил ему свой портсигар, и итальянец взял одну.

– А вы когда-нибудь были в Чикаго? – поинтересовался месье Бук.

– Ну конечно. Отличный город, хотя я лучше знаю Нью-Йорк, Вашингтон и Детройт. А вы когда-нибудь были в Штатах?.. Нет?.. Вам надо обязательно туда съездить, это...

Пуаро положил перед ним лист бумаги.

– Прошу вас, распишитесь и укажите ваш постоянный адрес, пожалуйста.

Итальянец с важностью написал требуемое и встал; улыбка так и не сходила с его лица.

– Это все? Я больше вам не нужен? Тогда всего хорошего, господа. Хорошо бы нам поскорее выбраться из этого снега. У меня встреча в Милане... – Он печально покачал головой. – Так я упущу свою выгоду.

И он вышел.

Пуаро взглянул на своего друга.

– Он долго жил в Америке, – сказал месье Бук. – Он итальянец, а итальянцы для убийства обычно используют нож. И потом, они известные вруны! Мне они совсем не нравятся.

– *Ça se voit*^[54], – с улыбкой произнес Пуаро. – Может быть, вы и правы, но хочу обратить ваше внимание, мой друг, на то, что против этого человека у нас абсолютно ничего нет.

– А как же психология? Разве итальянцы не колют ножом?

– В этом нет никакого сомнения, – согласился Пуаро. – Особенно в пылу ссоры. Но наше дело – это совсем другое преступление. Мне кажется, мой друг, что это преступление очень тщательно продумано и претворено в жизнь. Оно дальновидное и хитрое. Это не преступление, как бы это лучше выразить, южного темперамента. Здесь за версту чувствуется холодный, изобретательный, зрелый ум – я бы сказал, ум англосакса.

Он взял в руки последние два паспорта.

– А теперь давайте пообщаемся с мисс Мэри Дебенхэм.

Глава 11. Показания мисс Дебенхэм

Когда Мэри Дебенхэм вошла в вагон, она еще раз подтвердила мнение Пуаро о ней.

Очень аккуратный маленький черный жакет с серой французской юбкой. Аккуратно причесанные волосы. Спокойные, невозмутимые манеры.

Она села напротив Пуаро и месье Бука и вопросительно посмотрела на них.

– Ваше полное имя Мэри Хермиона Дебенхэм и вам двадцать шесть лет? – начал Пуаро.

– Да.

– Вы англичанка?

– Да.

– Прошу вас, мадемуазель, напишите вот здесь, на бумаге, ваш постоянный адрес.

Женщина повиновалась. У нее был аккуратный и понятный почерк.

– А теперь, мадемуазель, что вы можете рассказать нам о событиях прошлого вечера?

– Боюсь, что ничего. Я легла в постель и заснула.

– А вас не сильно расстроило, мадемуазель, что преступление было совершено именно в этом поезде?

Было видно, что подобного вопроса она не ожидала. Ее серые глаза слегка расширились.

– Я не совсем вас понимаю.

– А между тем, мадемуазель, я задал вам очень простой вопрос. Я повторю его еще раз: вас не сильно расстроило, что именно в этом поезде было совершено преступление?

– Я как-то не задумывалась об этом. Нет, мне кажется, что я совсем не расстроилась.

– Вы, по-видимому, постоянно сталкиваетесь с преступлениями, а?

– Естественно, неприятно, что такая вещь вообще произошла, – спокойно сказала Мэри Дебенхэм.

– Вы настоящий англосакс, мадемуазель. *Vous n'éprouve pas d'emotion*^[55].

Молодая женщина слегка улыбнулась:

– Боюсь, что я не смогу прямо сейчас забиться в истерику, чтобы

доказать вам свою эмоциональность. В конце концов, люди умирают каждый день.

– Вы правы, они умирают. Правда, убийства происходят несколько реже.

– Ну конечно.

– Вы не были знакомы с убитым?

– Я впервые увидела его вчера за ланчем.

– И как он вам показался?

– Я почти не обратила на него внимания.

– А он не показался вам отрицательной личностью?

Мэри слегка пожала плечами.

– Не могу сказать, что нечто подобное пришло мне в голову.

Пуаро со знанием дела посмотрел на нее.

– Мне кажется, что вам не совсем нравится то, как я провожу свое расследование, – сказал он и подмигнул женщине. – Английское расследование велось бы совсем по-другому, говорите вы сами себе. Там все было бы разложено по полочкам – одни только факты и порядок во всем. Но у меня, мадемуазель, есть свои маленькие причуды. Сначала я изучаю свидетеля, потом определяю его характер и уже в зависимости от этого задаю вопросы. Всего несколько минут назад я беседовал с джентльменом, который был готов поделиться со мной своим мнением по любому предмету. Вот его я старался держать в рамках, чтобы он отвечал только «да» или «нет». А сейчас передо мной сидите вы. Я сразу понял, что человек вы методичный и организованный, что говорить будете только о том, о чем вас спросят, и ответы ваши будут краткими и четкими. Но поскольку, мадемуазель, человек – существо капризное, то я задаю вам совсем другие вопросы. Я спрашиваю вас, что вы *чувствуете* и о чем *думаете*. Этот мой метод – он что, вам не нравится?

– Если вы простите мне мои слова, то мне это кажется бесцельной тратой времени. Нравилось ли мне лицо мистера Рэтчетта или нет, это никоим образом не поможет вам найти убийцу.

– А вы знаете, кем на самом деле был мистер Рэтчетт, мадемуазель?

Женщина кивнула:

– Миссис Хаббард уже успела рассказать об этом всем и каждому.

– Что вы думаете по поводу дела Армстронгов?

– Совершенно омерзительное преступление. – Голос мисс Дебенхэм стал хриплым.

Пуаро задумчиво посмотрел на свою собеседницу.

– Я правильно понимаю, что вы едете из Багдада, мисс Дебенхэм?

– Да.
– В Лондон?
– Да.
– А что вы делали в Багдаде?
– Служила в качестве гувернантки двух детей.
– И вы вернетесь назад после этой поездки?
– Не уверена.
– Почему?
– Багдад – город довольно специфический. Если б появилась такая возможность, я бы с удовольствием нашла работу в Лондоне.
– Понятно. А мне почему-то показалось, что вы собираетесь выйти замуж...

Мисс Дебенхэм ничего не ответила. Вместо этого она подняла глаза и посмотрела Пуаро прямо в лицо. «А вы наглец», – ясно говорил ее взгляд.

– Что вы можете сказать о леди, которая едет с вами в одном купе, о мисс Олссон?

– Милое, бесхитростное существо.

– А какого цвета у нее халат?

Мэри Дебенхэм с удивлением уставилась на своего собеседника.

– Нечто в коричневых тонах – чистая шерсть.

– Понятно. Думаю, что не покажусь вам нескромным, если скажу, что цвет вашего халата я смог рассмотреть по дороге из Алеппо в Стамбул. Бледная лаванда, если мне не изменяет память.

– Вы правы.

– А у вас есть еще один халат, мадемуазель, например, ярко-алый?

– Нет, это не мой.

Пуаро наклонился вперед. Сейчас он напоминал кошку, выслеживающую мышь.

– А чей же?

Пораженная девушка слегка откинулась назад.

– Не знаю. Что вы имеете в виду?

– Но вы же не сказали: нет, такого у меня нет. Вы же сказали: нет, это не мой. Что значит: халат принадлежит кому-то другому.

Мэри кивнула.

– Кому-то, кто тоже едет на этом поезде?

– Да.

– И кто же это?

– Я только что сказала, что не знаю. Сегодня утром, около пяти, я проснулась с ощущением, что мы давно стоим. Я открыла дверь и

выглянула в коридор, думая, что это какая-то станция. И увидела, как кто-то в алом кимоно шел по коридору.

– И вы не знаете, кто это мог быть? У этой женщины были светлые, темные или седые волосы?

– Не могу сказать. На ней была облегающая шапочка, и я видела только ее затылок.

– А какая у нее была фигура?

– Высокая и стройная, по-моему, – но точно я не знаю. Кимоно было расшито драконами.

– Да, да, вы правы, именно драконами.

Пуаро помолчал, потом пробормотал себе под нос: «Не понимаю. Ничего не понимаю. В этом нет никакого смысла». И наконец сказал, подняв глаза:

– Не смею вас больше задерживать, мадемуазель.

– Правда? – Было видно, что мисс Дебенхэм удивилась, но быстро встала. Уже в дверях она заколебалась, а потом вернулась назад.

– Эта шведская дама – Олссон, кажется, – она очень нервничает. Говорит, что вы сказали ей, что она была последней, кто видел убитого живым. Мне кажется, она думает, что из-за этого вы ее подозреваете. Я могу сказать ей, что она ошибается? Понимаете, она такой человек, что мухи не обидит.

Мисс Дебенхэм произнесла все это с легкой улыбкой.

– А во сколько она пошла за аспирином к миссис Хаббард?

– Где-то в половине одиннадцатого.

– И сколько времени ее не было?

– Минут пять.

– А больше она не выходила из купе?

– Нет.

Пуаро повернулся к доктору:

– Рэтчетта могли убить так рано?

Доктор отрицательно покачал головой.

– Тогда, я думаю, мадемуазель, вы вполне можете успокоить вашу знакомую.

– Благодарю вас, – улыбнулась женщина улыбкой, полной сочувствия. – Знаете, она действительно как овца – когда разволнуется, то начинает блеять.

И с этими словами мисс Дебенхэм вышла из вагона-ресторана.

Глава 12. Показания немецкой горничной княгини

Месье Бук с любопытством смотрел на своего друга.

– Я не совсем понимаю вас, *mon vieux*. Вы пытались что-то сделать, но что именно?

– Я искал уязвимое место.

– Уязвимое место?

– Да, в панцире самообладания этой молодой леди. Я пытался пробиться сквозь ее *sangfroid*^[56]. Удалось ли мне это? Не знаю. Знаю только одно – она совсем не ожидала, что я подойду к решению проблемы с этой стороны.

– Вы ее подозреваете, – медленно проговорил месье Бук. – Но почему? Она кажется очаровательной молодой женщиной – последним человеком в мире, кто мог быть замешан в подобном преступлении.

– Совершенно с вами согласен, – вмешался доктор Константин. – Она женщина очень хладнокровная и начисто лишена эмоций. Она не будет тыкать человека ножом – скорее засудит его.

– Вы оба должны избавиться от уверенности, что это случайное и неподготовленное преступление, – вздохнул сыщик. – А что касается причин, по которым я подозреваю мисс Дебенхэм, то их по крайней мере две. Первая – это то, что я случайно услышал и о чем вы еще не знаете.

И он рассказал им об обмене странными фразами, которые случайно слышал по пути из Алеппо.

– Это действительно довольно любопытно, – заметил месье Бук после того, как Пуаро закончил. – Но этому разговору надо найти какое-то объяснение. Если он значит именно то, о чем вы подумали, то тогда они оба участвуют в деле – и она, и надутый англичанин.

Пуаро согласно кивнул.

– И это то, что не подтверждается существующими фактами, – добавил он. – Ведь если они оба в деле, то мы можем ожидать, что каждый из них подтвердит алиби другого. А разве это так? Нет – этого не происходит. Алиби мисс Дебенхэм подтверждает дама из Швеции, которую та никогда в жизни до этого не видела, а алиби полковника Арбэтнота подтверждает Маккуин, секретарь убитого. Нет, такое решение нашей задачи кажется мне слишком простым.

– Но вы сказали, что у вас есть еще одна причина для подозрений, – напомнил ему месье Бук.

Пуаро улыбнулся:

– Ах, это! Сие есть уже чистая психология. Я спросил себя, могла ли мисс Дебенхэм спланировать такое убийство? Уверен, что за всем этим стоит холодный, расчетливый и дальновидный ум. Мисс Дебенхэм полностью отвечает этим требованиям.

Месье Бук покачал головой:

– Думаю, что вы ошибаетесь, друг мой. Я совсем не вижу эту молодую англичанку в роли преступницы.

– Ну, хорошо. – Пуаро взял в руки последний паспорт. – Давайте перейдем к последнему человеку в нашем списке: Хильдегарда Шмидт, немецкая горничная мадам княгини.

Вызванная официантом, Хильдегарда Шмидт появилась в вагоне и в почтительном ожидании остановилась у стола. Пуаро жестом предложил ей сесть. Женщина так и сделала и, спокойно сложив руки на коленях, стала ждать, когда маленький бельгиец начнет задавать свои вопросы. Она казалась совершенно безмятежным существом – достойным всяческого уважения и не слишком блестящим умом.

Методы беседы Пуаро с Хильдегардой Шмидт были прямо противоположны тем, которые он использовал в беседе с мисс Дебенхэм. Он был сама доброта и предупредительность, и ему удалось полностью успокоить горничную. После этого он попросил ее написать свое полное имя и адрес и постепенно перешел к своим вопросам.

Беседа велась на немецком языке.

– Мы хотим узнать как можно больше о том, что произошло сегодня ночью, – сказал сыщик. – Мы знаем, что вы не можете рассказать нам многое из того, что касается самого преступления; однако вы могли увидеть или услышать что-то, что вам самой кажется не стоящим внимания, но что очень важно для нас. Вы меня понимаете?

Казалось, что она его не поняла. На лице ее было написано все то же выражение безмятежной глупости, когда она сказала:

– Я ничего не знаю, месье.

– Но вот, например, вы знаете, что ваша хозяйка послала за вами вчера вечером?

– Это да.

– А вы помните когда?

– Нет, месье. Я уже спала, когда за мной пришел проводник и позвал меня.

– Понятно, понятно... А в этом было что-то необычное?

– Нет, месье. Ее милость часто посылали за мной ночью. Она плохо

спит.

– *Eh bien*, вас позвали, и вы встали. Вы надели халат?

– Нет, месье, я надела нормальную одежду. Я бы не решилась прийти к ее светлости в халате.

– Но тем не менее у вас есть очень красивый халат – алый, не правда ли?

Женщина уставилась на сыщика.

– У меня темно-синий фланелевый халат, месье.

– Хорошо, продолжайте. Это просто небольшая шутка с моей стороны, и не больше. Итак, вы прошли к мадам княгине. И что вы делали у нее в купе?

– Я сделала ей массаж, месье, а потом почитала вслух. Я не очень хорошо читаю вслух, но ее милость говорит, что это даже к лучшему – так она быстрее засыпает. Когда мадам стала засыпать, она отпустила меня, поэтому я закрыла книгу и вернулась в свое купе.

– Вы знаете, во сколько это произошло?

– Нет, месье.

– Хорошо, а сколько времени вы провели у мадам княгини?

– Около получаса, месье.

– Хорошо, продолжайте.

– Сначала я принесла ее светлости еще один плед из своего купе – у нее было очень холодно, несмотря на сильное отопление. Я накрыла ее пледом, и она пожелала мне спокойной ночи. Я налила ей немного минеральной воды, погасила свет и вышла.

– А что потом?

– А потом – ничего, месье. Я вернулась в свое купе и легла спать.

– И вы никого не встретили в коридоре?

– Нет, месье.

– А вы не видели, например, даму в алом кимоно, расшитом драконами?

Женщина вытаращила на него свои добрые глаза.

– Конечно нет, месье. В коридоре никого не было, кроме проводника. Все уже спали.

– Но проводника вы видели?

– Да, месье.

– И что же он делал?

– Он выходил из одного из купе, месье.

– Что? – подался вперед месье Бук. – Из какого?

Было видно, что Хильдегарда Шмидт испугалась, и Пуаро бросил на

своего друга осуждающий взгляд.

– Это вполне естественно, – сказал он. – Проводнику приходится ночью отвечать на звонки. А вы не помните, из какого купе он выходил?

– Оно было где-то в середине вагона, месье. Через две-три двери от купе мадам княгини.

– Ах, вот как! Расскажите нам подробно, где и как это случилось.

– Проводник чуть не врезался в меня, месье. Это было, когда я шла с пледом из своего купе в купе княгини.

– А он вышел из купе и почти врезался в вас? И в каком же направлении он шел?

– Навстречу мне, месье. Он извинился и прошел дальше по коридору в сторону вагона-ресторана. Зазвонил звонок, но мне кажется, проводник не обратил на него внимания. – Она замолчала, а потом продолжила: – Я ничего не понимаю. Как это он мог...

Голос сыщика звучал успокаивающе.

– Это просто вопрос времени, – объяснил он, – и того, что он делал в тот момент. У бедняги проводника была, по-видимому, нелегкая ночь. Сначала он поднял вас, а потом ему пришлось отвечать на вызовы.

– Но это был не тот проводник, который поднял меня, месье. Это был другой...

– Ах, другой! А вы его раньше видели?

– Нет, месье.

– Ах, вот как! А как вам кажется, узнаете вы его, если увидите?

– Думаю, что да, месье.

Пуаро что-то прошептал на ухо месье Буку. Тот встал и, подойдя к двери, отдал какое-то распоряжение. Сыщик же продолжил свои вопросы в прежней ненавязчивой, дружеской манере.

– Вы когда-нибудь были в Америке, фрау Шмидт?

– Никогда, месье. Должно быть, это прекрасная страна.

– Может быть, вы слышали, кем в действительности был убитый мужчина и что он был виновен в смерти маленькой девочки?

– Да, я слышала, месье. Это просто извращенная мерзость. Бог не должен позволять такому случаться. Мы в Германии не так извращены.

Глаза женщины наполнились слезами – был затронут ее материнский инстинкт.

– Да, мерзопакостное преступление, – серьезно произнес Пуаро.

Он вытащил из кармана лоскуток батиста и протянул его женщине:

– Это не ваш платок, фрау Шмидт?

– Ну что вы! Конечно нет! Это не мой.

– Понимаете, здесь виден инициал Х. Вот я и подумал...

– Ну, что вы, месье. Это платок настоящей дамы. Очень дорогой и расшит вручную. Почти наверняка из Парижа.

– Если это не ваш, то, может быть, вы знаете чей?

– Я? Нет, месье!

Из всех троих слушавших только Пуаро заметил в ее голосе некоторое колебание.

Месье Бук зашептал что-то ему в ухо. Сыщик кивнул и обратился к женщине:

– Сейчас сюда войдут три проводника. Будьте так добры, скажите нам, с которым из них вы столкнулись, когда несли плед вашей хозяйке.

Вошли трое мужчин – Пьер Мишель, крупный блондин, проводник вагона Афины – Париж, и коренастый, тучный проводник бухарестского вагона.

Хильдегарда Шмидт только взглянула на них и немедленно отрицательно покачала головой.

– Нет, месье, – сказала она. – Вчера ночью я не видела никого из этих мужчин.

– Но это единственные проводники в поезде. Вы, должно быть, ошибаетесь.

– Я совершенно уверена, месье. Они все высокие, крупные мужчины. А я видела маленького и темноволосого. У него еще были маленькие усики. И его голос, когда он сказал «*pardon*», был слабым и напоминал женский. Я его очень хорошо запомнила, месье.

Глава 13. Обобщенные показания пассажиров

– Маленький темноволосый мужчина с женским голосом, – произнес месье Бук.

И Хильдегарда Шмидт, и трое проводников были уже отпущены.

– Но я ничего не понимаю – абсолютно ничего! Получается, что враг, о котором говорил Рэтчетт, все-таки был в поезде? Тогда где он сейчас? Как ему удалось бесследно раствориться в воздухе? У меня от всего этого кружится голова. Друг мой, умоляю вас, скажите хоть слово! Объясните мне, как невозможное может стать возможным?!

– Это удачная фраза, – заметил Пуаро. – Невозможное случиться не может, поэтому оно должно стать возможным, несмотря ни на что.

– Тогда скорее объясните мне, что же произошло в поезде сегодня ночью.

– Я не волшебник, *mon cher*. Я, как и вы, просто совершенно запутавшийся человек. Ситуация развивается в очень странном направлении.

– Да она вообще не развивается. Мы топчемся на месте.

Пуаро покачал головой:

– Вы не правы. Мы продвинулись вперед и уже знаем некоторые вещи. Мы выслушали показания всех пассажиров...

– И что же они нам рассказали? Вообще ничего!

– Я бы так не сказал, друг мой.

– Возможно, я и преувеличиваю. Этот американец Хардман и немецкая горничная действительно кое-что нам рассказали. Я бы даже сказал, что они умудрились всё окончательно запутать.

– Нет, нет, – постарался успокоить Бука сыщик.

– Тогда говорите – и дайте же нам вкусить от мудрости Эркюля Пуаро.

– А разве я не говорил вам, что, как и вы, я совершенно запутавшийся человек? Но сейчас у нас уже кое-что есть. Мы просто должны расположить все известные нам факты методично и по порядку.

– Прошу вас, продолжайте, – подал голос доктор Константин.

Пуаро откашлялся и разгладил промокашку, лежавшую перед ним на столе.

– Давайте рассмотрим то, что нам уже известно. Ведь есть же какие-то неоспоримые факты. Этого человека, Рэтчетта или Кассетти, который умер ночью, ударили ножом двенадцать раз. Это первый факт.

– Что же, я дарю его вам, *mon vieux*. – Месье Бук сопроводил свои слова ироничным жестом.

Пуаро, не обратив на это никакого внимания, спокойно продолжил:

– Сейчас я не буду говорить о некоторых любопытных особенностях, которые мы обсуждали вместе с доктором Константином. Чуть позже я расскажу о них. Следующий, на мой взгляд, очень важный факт – время убийства.

– Это тоже один из немногих фактов, которые мы знаем точно, – заметил месье Бук. – Убийство было совершено в час пятнадцать утра. Все говорит за то, что это именно так.

– *Не всё*. Вы преувеличиваете. Хотя есть достаточно свидетельств, которые подтверждают это предположение.

– Рад, что вы согласились хотя бы с этим.

Пуаро, не обращая внимания на едкие комментарии собеседника, продолжил:

– Таким образом, у нас есть три варианта. Первый: убийство, как вы и сказали, было совершено в четверть второго, что подтверждается показаниями немки, Хильдегарды Шмидт. Это также совпадает с мнением доктора Константина.

Второй вариант: преступление было совершено позже, а показания часов намеренно искажены.

Третий вариант: преступление совершено раньше, а показания часов изменены по той же причине, что и во втором варианте.

Если же мы примем первый вариант, как наиболее вероятный и поддержанный наибольшим количеством свидетельских показаний, то нам придется согласиться с несколькими выводами, которые из этого следуют. Начнем с того, что если преступление совершено в час пятнадцать утра, то убийца не мог незаметно покинуть вагон, и возникают справедливые вопросы: *где он и кто он?*

Давайте же внимательно изучим свидетельские показания. Впервые мы услышали о существовании этого человека – небольшого темноволосого мужчины с женским голосом – от Хардмана. Тот сказал, что об этом человеке говорил ему Рэтчетт, когда нанимал его, чтобы за ним следить. Нет никаких *фактов*, которые подтверждали бы это, – у нас есть только рассказ самого Хардмана.

Давайте рассмотрим следующий вопрос – тот ли человек Хардман, за которого себя выдает, – то есть является ли он оперативным сотрудником детективного агентства в Нью-Йорке?

На мой взгляд, самым интересным во всем этом деле является то, что у

нас нет никаких возможностей, которые доступны полиции. Мы не можем проверить биографии пассажиров и поэтому вынуждены полагаться только на дедукцию. По-моему, это делает все произошедшее значительно интереснее. Здесь речь идет не о рутинных проверках, а об интеллектуальном расследовании. Я задаю себе вопрос: можем ли мы поверить тому, что Хардман о себе рассказывает? И я отвечаю себе: да. Я считаю, что мы вполне *можем* доверять рассказу Хардмана.

– Вы полагаетесь на вашу интуицию? На то, что американцы называют «нюхом»?

– Совсем нет. Просто я оцениваю вероятности. Хардман путешествует по фальшивому паспорту – это сразу же делает его подозрительным субъектом. Первое, что сделает полиция, появившись на месте преступления, это задержит Хардмана и телеграфом запросит о нем в Америке. В случае же остальных пассажиров установить их биографии будет не так просто, а в большинстве случаев этим никто не будет заниматься, просто потому, что в них нет ничего подозрительного. А случай Хардмана очень прост – или он тот, за кого себя выдает, или нет. Именно поэтому я уверен, что с ним все будет в порядке.

– То есть вы снимаете с него подозрения?

– Ни в коем случае. Вы меня не поняли. Насколько я понимаю, у любого американского детектива может быть сотня причин для того, чтобы лично прикончить Рэтчетта. Все, что я хочу сказать, это то, что мы *можем* поверить рассказу Хардмана о себе. Таким образом, все, что он рассказал о том, как Рэтчетт разыскал его и нанял, не так уж невозможно и скорее всего, хотя и не наверняка, чистая правда. Если мы с этим соглашаемся, то давайте посмотрим, есть ли у нас факты, которые это подтверждают? И такой факт есть, хотя и довольно неожиданный, – показания Хильдегарды Шмидт. Ее описание мужчины, которого она видела в униформе «Вэгонс-Лит», до мелочей совпадает с рассказом Хардмана. Есть ли какое-нибудь подтверждение этих двух рассказов? Да, есть. Это пуговица, найденная в купе миссис Хаббард. Есть и еще одно важное показание, на которое вы, возможно, не обратили внимания.

– Что же это за показание?

– То, что и полковник Арбэтнот, и Гектор Маккуин упомянули проводника, проходившего мимо купе, в котором они сидели. Они не придали этому никакого значения, но, господа, *Пьер Мишель заявил, что не покидал своего места, кроме как по необходимости*, а ни одна из них не могла завести его в дальний конец вагона за купе, в котором сидели Маккуин и Арбэтнот.

Именно поэтому история о небольшом темноволосом мужчине с женским голосом, одетом в форму проводника, прямо или косвенно подтверждается четырьмя свидетельскими показаниями.

— Есть только один маленький вопрос, — вмешался доктор Константин. — Если рассказ Хильдегарды Шмидт верен, то почему настоящий проводник ничего не сказал о том, что видел ее, когда отвечал на вызов миссис Хаббард?

— Думаю, что здесь все очень просто. Когда он пришел ответить на звонок американки, горничная была у своей хозяйки, а когда она возвращалась к себе, то проводник находился в купе миссис Хаббард.

Месье Бук с нетерпением ждал, когда они закончат.

— Да, да, друг мой, — нетерпеливо сказал он сыщику, — но хотя я и преклоняюсь перед вашей осторожностью и желанием продвигаться к разгадке шаг за шагом, я должен признать, что до сути вопроса вы все еще не добрались. Мы все согласны, что такой человек существует. Вопрос в том, куда же он делся?

Пуаро неодобрительно покачал головой:

— Вы ошибаетесь — и пытаетесь поставить телегу впереди лошади. Прежде чем спросить себя: «Куда исчез этот человек?» — я спрашиваю себя: «Существует ли этот человек на самом деле?» Потому что, как вы понимаете, заставить исчезнуть человека, который является фикцией и не существует в действительности, не составит большого труда. Поэтому я и стараюсь прежде всего понять, существует ли такой человек из плоти и крови на самом деле.

— Теперь, когда вы в этом убедились, — *eh bien*, где же он теперь?

— На этот вопрос существует только два ответа, *mon cher*. Или он все еще прячется в вагоне в таком необычном месте, что оно просто не приходит нам в голову, или он, можно сказать, существует *один в двух лицах*. То есть человек, которого боялся Рэтчетт, и один из пассажиров, которого Рэтчетт так и не смог узнать, — это один и тот же человек.

— Ну что же, в качестве идеи это может пригодиться, — сказал месье Бук, и лицо его просветлело, однако ненадолго. — Но есть одно сомнение...

— Рост этого человека, — опередил его Пуаро. — Ведь вы это хотели сказать, не так ли? За исключением камердинера убитого, все мужчины в вагоне достаточно крупные — итальянец, полковник Арбэтнот, Гектор Маккуин, граф Андруни... Нам остается только камердинер — но это очень маловероятно. Не забывайте о «женском» голосе. Это дает нам несколько вариантов выбора: или это мужчина, маскирующийся под женщину, или это *действительно* женщина. Высокая женщина в мужской одежде будет

выглядеть невысокой.

– Но в этом случае Рэтчетт обязательно знал бы...

– А может быть, он и *знал*. Может быть, эта женщина, одетая в мужскую одежду, уже пыталась покончить с ним? Рэтчетт мог посчитать, что она воспользуется тем же маскарадом, и велел Хардману искать мужчину; при этом, однако, он не забыл упомянуть «женский» голос.

– Да, это возможно, – сказал месье Бук, – но...

– Знаете что, друг мой, – прервал его Пуаро, – думаю, настало время рассказать вам о некоторых странностях, на которые обратил мое внимание доктор Константин.

И он подробно рассказал о тех выводах, которые они с доктором сделали, исходя из характера нанесенных ран. Месье Бук застонал и опять схватился за голову.

– Знаю, – произнес Пуаро с сочувствием. – Знаю, как вы себя сейчас чувствуете. Просто голова идет кругом, правда?

– Все это дело – одна сплошная невероятная фантазия! – воскликнул месье Бук.

– Вот именно. Оно абсурдно и невероятно – такого просто не может быть. Именно это я сказал сам себе. И тем не менее, друг мой, *это произошло*. От фактов никуда не денешься.

– Это какое-то сумасшествие!

– И вам так кажется? Все это настолько невероятно, что иногда я думаю, что решение должно быть удивительно простым... но это только одна из моих «маленьких идей»...

– Двое убийц, – застонал месье Бук, – в «Восточном экспрессе»!

Он почти расплакался от этой мысли.

– А теперь давайте сделаем это невероятное преступление еще более невероятным, – весело предложил Пуаро. – Ночью в поезде были два таинственных незнакомца. Первый – это проводник, который отвечает описанию, данному нам месье Хардманом, и которого видели Хильдегарда Шмидт, полковник Арбэтнот и месье Маккуин. А еще есть женщина в алом кимоно – высокая и стройная, – которую видели Пьер Мишель, мисс Дебенхэм, месье Маккуин, я сам, и которую унюхал, если так можно выразиться, полковник Арбэтнот. Кто эта женщина? Никто из женщин в вагоне не признается, что у нее есть алое кимоно. Сама женщина тоже исчезла. Была ли она одновременно и таинственным проводником? Или это два разных человека? И где тогда эти двое? И, кстати, где же форма проводника и алое кимоно?

– Ну, наконец-то хоть что-то конкретное, – восторженно воскликнул месье Бук. –

Мы должны немедленно обыскать весь багаж. Может быть, хоть это что-то даст.

Пуаро поднялся.

– Хотите предсказание?

– Вы что, знаете, где они?

– У меня есть маленькая идея.

– И где же?

– Алое кимоно окажется в багаже одного из мужчин, а форма проводника – в багаже Хильдегарды Шмидт.

– Хильдегарды Шмидт? Так вы полагаете...

– Не то, что вы подумали. Я бы сказал так: если Хильдегарда Шмидт виновна, то форма, *вполне возможно*, окажется в ее багаже; если же она невиновна, то форма *обязательно* окажется в ее багаже.

– Но каким образом... – начал было месье Бук и тут же воскликнул: – Что это там еще за шум? Такое впечатление, что идет локомотив.

Шум приближался. Теперь было ясно, что он состоит из возмущенных женских криков. Дверь в вагон-ресторан распахнулась, и в него влетела миссис Хаббард.

– Это просто ужасно! – кричала она. – Совершенно ужасно! В косметичке! В моей косметичке! Громадный нож, и весь в крови!

И, неожиданно споткнувшись, она без сознания упала на плечо месье Бука.

Глава 14. Орудие убийства

Позабыв о всяком рыцарстве, месье Бук решительно усадил потерявшую сознание даму и положил ее голову на стол. Доктор Константин подозвал одного из официантов, который немедленно подбежал к нему.

– Держите ее голову вот так, – показал врач. – Если она придет в себя, дайте ей немного коньяку. Вы меня поняли?

Сказав это, он заторопился за Пуаро и месье Буком. Сейчас доктор Константин думал только о преступлении – теряющие сознание пожилые дамы были ему совершенно неинтересны.

Вполне возможно, что предпринятые им меры позволили миссис Хаббард прийти в себя гораздо быстрее, чем это случилось бы без них. Через несколько минут она уже сидела за столом и прихлебывала коньяк из бокала, предложенного официантом, при этом ни на минуту не прекращая говорить.

– Просто не могу передать, как все это было ужасно. Думаю, что никто в поезде не сможет меня понять. С детства я была оч-чень, оч-чень трепетной. Простой вид крови... вот, даже сейчас, стоит подумать о ней, мне делается плохо.

Официант опять наполнил бокал.

– *Encore un peu, madame*^[57].

– Вы думаете, стоит? Я ведь абсолютная трезвенница. Никогда в жизни не дотрагивалась до спиртного. И вся наша семья такая. Но хотя если это по совету врача...

И она глотнула еще раз.

А в это время Пуаро и месье Бук, с торопящимся за ними доктором Константином, выскочили из вагона-ресторана и бросились по коридору стамбульского вагона в сторону купе миссис Хаббард.

Все пассажиры вагона, казалось, собрались около его двери. Проводник, со зверским выражением лица, старался не пустить их внутрь.

– *Mais il n'y a rien à voir*^[58], – сказал он и повторил эту же фразу на нескольких европейских языках.

– Прошу вас, позвольте нам пройти, – попросил месье Бук. С трудом протиснув свой округлый животик сквозь строй мешавших ему пассажиров, он, в сопровождении Пуаро, вошел в купе.

– Как хорошо, что вы пришли, месье, – с облегчением произнес

проводник. – Все обязательно хотят попасть внутрь. Эта американская леди, как она орала... *ta foi!*^[59] Я было подумал, что ее тоже убили! Бросился сюда, а она продолжала орать, как сумасшедшая, – все кричала, что должна найти вас, да так и убежала, крича на пределе возможностей и рассказывая всем, мимо кого пробежала, о том, что произошло... Оно здесь, месье, – указал он широким жестом. – Я до него не дотрагивался.

На ручке двери, ведущей в соседнее купе, висела большая прорезиненная косметичка. Под нею, на полу, там, куда он выпал из рук миссис Хаббард, лежал прямой кинжал – дешевая подделка под Восток, с чеканной рукояткой и сужающимся к концу лезвием. На нем виднелись пятна, похожие на ржавчину.

Пуаро осторожно поднял кинжал.

– Да, – пробормотал он. – Ошибки быть не может. Вот наше пропавшее оружие, а, доктор?

Тот внимательно осмотрел лезвие.

– Не волнуйтесь, – сказал сыщик, – на нем не будет других отпечатков, кроме отпечатков миссис Хаббард.

Константин быстро закончил осмотр.

– Да, это именно то оружие, – сказал он. – Большинство ран могло быть нанесено именно им.

– Прошу вас, не говорите так, мой друг, – предупредил его Пуаро.

Врач удивленно посмотрел на него.

– Мы уже почти утонули под тяжестью разного рода случайных совпадений. Пройлой ночью два человека решили потыкать ножом месье Рэтчетта. Боюсь, что если окажется, что оба они *случайно* выбрали одинаковое оружие, то это будет уже слишком.

– Если вы этого боитесь, – сказал врач, – то такое совпадение будет не таким уж случайным. На базарах Константинополя продаются тысячи подобных подделок под восточную старину.

– Вы меня немного успокоили, но лишь немного, – согласился Пуаро.

Он задумчиво смотрел на дверь, перед которой стоял. Потом, приподняв косметичку, попробовал ее ручку. Дверь не шелохнулась. На фут выше ручки находился дверной засов; Пуаро отодвинул его и попробовал еще раз – с тем же результатом.

– Помните, мы закрыли дверь с той стороны, – напомнил ему доктор.

– Правильно, – отстраненно ответил Пуаро. Казалось, он о чем-то глубоко задумался, и поэтому от напряжения его брови встали дыбом.

– Все совпадает, так? – вмешался месье Бук. – Человек проходит через купе. Закрыв за собой смежную дверь, он чувствует висящую на ее ручке

косметичку. Ему в голову приходит мысль, и он быстро засовывает в нее покрытый кровью нож. А потом, испугавшись, что случайно разбудил миссис Хаббард, убийца незаметно выскальзывает в коридор.

– То, что вы описали, – тихо сказал Пуаро, – вполне могло произойти.

Но озадаченное выражение все еще не сходило с его лица.

– Так в чем же дело? – потребовал месье Бук. – Я же вижу, что что-то вас смущает.

Сыщик бросил на него быстрый взгляд:

– А вы разве ничего не заметили? Судя по всему – ничего. Правда, это сушая мелочь...

– Американская дама возвращается, – предупредил проводник, выглянув в коридор.

Доктор Константин выглядел виноватым. Он чувствовал, что обошелся с миссис Хаббард совсем не по-джентльменски. Однако зла на него она не держала. Сейчас ее занимал совсем другой вопрос.

– Послушайте меня внимательно, – задыхаясь, сказала она, появившись в дверях. – Я больше ни минуты не проведу в этом купе. Я не соглашусь спать в нем и за миллион долларов.

– Но, мадам...

– Я знаю, что вы хотите мне сказать, но заранее предупреждаю, что я на это не согласна! Да я лучше весь день просижу в коридоре.

И женщина расплакалась:

– Боже! Если б только об этом знала моя дочь... если б она только увидела меня сейчас...

Пуаро твердо прервал ее:

– Вы меня не поняли, мадам. То, о чем вы просите, совершенно естественно. Ваш багаж немедленно перенесут в другое купе.

Миссис Хаббард опустила платок.

– Правда? Мне сразу стало лучше. Но ведь в вагоне все занято, если только один из джентльменов...

– Ваш багаж, мадам, – вмешался месье Бук, – перенесут в другой вагон. У вас будет купе в соседнем вагоне, который к нам подцепили в Белграде.

– Это просто прекрасно. Не думайте, что я какая-то фифа с растрепанными нервами, но спать в купе рядом с убитым... – Она непроизвольно вздрогнула. – От этого любая сойдет с ума.

– Мишель, – позвал месье Бук, – поставьте багаж мадам в купе вагона Афины – Париж.

– Да, месье. Тоже в номер третий?

– Нет, – ответил Пуаро чуть раньше своего друга. – Думаю, что будет лучше, если у мадам окажется совершенно другой номер. Например, номер двенадцать.

– *Bien, monsieur.*

Проводник собрал багаж, а благодарная миссис Хаббард обернулась к Пуаро:

– Как эт-т-то мило и предусмотрительно с вашей стороны. Уверяю вас, я вам очень благодарна.

– Не стоит, мадам. Мы пройдем вместе с вами и проследим, чтобы вас удобно устроили.

И три джентльмена проводили миссис Хаббард в ее новый дом. В купе она радостно оглянулась.

– Все прекрасно.

– Вам это подходит, мадам? Как видите, купе точно такое же, как и ваше предыдущее.

– Это так, только смотрит оно в другую сторону. Однако это не главное – поезда всегда едут то в одну, то в другую сторону. Я сказала дочери, что хочу купе, которое смотрит по ходу движения, а она ответила: «Мамуся, это не имеет никакого значения. Сейчас ты двигаешься в одном направлении, а когда проснешься – будешь двигаться совсем в другом». И она оказалась права. Прошлым вечером мы въехали в Белград одним путем, а выехали совсем другим.

– В любом случае, мадам, теперь, я надеюсь, вы довольны и счастливы.

– Да нет, не совсем. Вот сидим мы тут, посреди снежного поля, и никто ничего не делает, а мой корабль отплывает послезавтра.

– Но, мадам, – сказал месье Бук, – мы все с вами в одной лодке, каждый из нас.

– Это правильно, – согласилась миссис Хаббард, – но через купе остальных не проходили посреди ночи убийцы.

– А я все никак не могу понять, – обратился к ней Пуаро, – каким образом убийца смог попасть в ваше купе, если смежная дверь, как вы говорите, была заперта. Вы уверены, что она *была* заперта?

– Но ведь дама из Швеции пробовала ее на моих глазах.

– Давайте попытаемся восстановить эту маленькую сценку: вы лежите на вашей полке, вот так, и не можете, как вы говорите, увидеть сами...

– Не могу, из-за косметички... Боже, мне теперь придется покупать новую – меня начинает тошнить от одного вида старой.

Пуаро взял косметичку и повесил ее на дверь смежного купе.

– *Précisément*. Теперь я понимаю, – сказал он. – Засов находится под ручкой, и косметичка его полностью закрывает. Со своего места вы действительно не могли видеть, открыт засов или закрыт.

– Ну! Я же именно так вам и говорила.

– А эта шведская дама, мисс Олссон, стояла вот так, между вами и дверью? Она попробовала дверь и сказала вам, что та закрыта?

– Все так и было.

– И все равно она могла ошибиться, мадам. Видите, что я имею в виду? – Казалось, что Пуаро полностью поглощен своим объяснением. – Засов – это просто кусок металла – вот, посмотрите. Если его подвинуть вправо – дверь закрывается, а если оставить как есть, то дверь остается открытой. Вполне возможно, что она попробовала дверь, которая была закрыта со стороны соседнего купе, и решила, что она закрыта с вашей стороны.

– На мой взгляд, это довольно глупо с ее стороны.

– Мадам, самые добрые и любезные люди не всегда бывают самыми умными.

– Здесь я с вами соглашусь.

– Кстати, мадам, до Смирны вы добивались этим же путем?

– Нет, я приплыла в Стамбул, и друг моей дочери, мистер Джонсон – совершенно очаровательный мужчина; как бы я хотела, чтобы вы с ним познакомились! – встретил меня и показал мне Стамбул, который сильно меня разочаровал – он просто весь разваливается. А все эти мечети и казусы с надеванием в них таких огромных шаркающих штук на ноги... Так о чем это я?

– Вы рассказывали, что вас встретил мистер Джонсон.

– Да, именно так и было, а потом он посадил меня на французский пакетбот до Смирны, а муж моей дочери уже ждал меня на причале. Представляю себе, что он скажет, когда узнает обо всем этом! Моя дочь сказала мне, что это самый безопасный путь, который только можно себе представить. Она сказала: «Ты просто сидишь в своем купе, пока не приедешь в Паррыж, а там тебя встретит “Американ экспресс”^[60]». Но, боже мой, что же мне делать с моим билетом на пароход? Я же должна сообщить им о том, что не еду. А сейчас я сделать этого не могу. Как это все ужасно...

Глаза миссис Хаббард опять наполнились слезами.

Пуаро, который нетерпеливо ерзал на стуле, ухватился за этот шанс.

– Вы просто в шоке, мадам. Официанту прикажут принести вам чай и бисквиты.

– Не думаю, что я такая уж любительница чая, – всхлипнула миссис Хаббард.

– Тогда вам принесут кофе, мадам. Вам надо выпить что-нибудь стимулирующее.

– Из-за этого коньяка я чувствую себя немного странно. Я бы выпила кофе...

– Отлично. Вам надо возродить ваши силы.

– Боже, какое смешное выражение.

– Но сначала, мадам, небольшая рутинная проверка. Вы не будете возражать, если мы осмотрим ваш багаж?

– А зачем это?

– Мы собираемся осмотреть багаж всех пассажиров. Не хочу напоминать вам о неприятном, но вспомните вашу косметичку...

– Боже! Ну конечно! Никаких новых сюрпризов я просто не выдержу.

Осмотр не занял много времени. Миссис Хаббард путешествовала с минимальным багажом: шляпная картонка, дешевый чемодан и сильно потрепанный рюкзак. Содержание ее багажа было простым и незамысловатым, и осмотр не занял бы больше двух минут, если б миссис Хаббард не тормозила дело, настаивая на том, чтобы все уделили должное внимание фотографиям ее дочери и двух довольно страшеньких детей – ее внуков, которых она считала прелестными.

Глава 15. Багаж пассажиров

Покончив с кучей лицемерных восторгов и клятвенно пообещав миссис Хаббард заказать для нее кофе, Пуаро наконец смог покинуть ее в сопровождении двух своих друзей.

– Ну, что же, первая попытка обернулась пустышкой, – заметил месье Бук. – Кто следующий?

– Проще всего, я думаю, будет просто идти по вагону и осматривать по очереди купе за купе. А это значит, что мы начнем с номера шестнадцатого, с любезнейшего месье Хардмана.

Мистер Хардман, кутивший сигару, тепло их поприветствовал:

– Заходите, джентльмены, если только это возможно с точки зрения пространства. Для вечеринки места явно маловато.

Месье Бук объяснил цель их визита, и детектив со знанием дела кивнул:

– Всё в порядке. Честно сказать, я все думал, почему вы не сделали этого раньше. Вот ключи, джентльмены, а если вы хотите посмотреть, что у меня в карманах, то, прошу вас, не стесняйтесь. Хотите, чтобы я снял свои причиндалы с полки?

– Это дело проводника. Мишель!

Содержимое двух сумок мистера Хардмана было быстро осмотрено. Большую часть места в них занимало спиртное. Мистер Хардман заговорщицки подмигнул своим посетителям.

– Обычно они не смотрят багаж на границе, особенно если «подмазать» проводника. Я раздал приличную пачку турецких банкнот, так что пока у меня не было никаких проблем.

– А как же в Париже?

Мистер Хардман подмигнул еще раз.

– К тому моменту, когда я доберусь до Парижа, – пояснил он, – все это окажется лишь приятным воспоминанием.

– Вижу, что вы не сторонник «сухого закона», – с улыбкой заметил месье Бук.

– Могу сказать, что «сухой закон» меня никогда сильно не волновал.

– Ох уж эти ваши «тихие бары»^[61], – с наслаждением произнес бельгиец. – Американские термины всегда такие оригинальные и экспрессивные...

– Я бы, например, не отказался побывать в Америке, – заметил Пуаро.

– Вы наверняка узнаете там о парочке свеженьких методов расследования, – сказал Хардман. – Европу пора разбудить. Она давно уже в полусне.

– Америка действительно колыбель прогресса, – согласился Пуаро. – Мне очень многое нравится в американцах. Вот только – может быть, я слишком старомоден – мне кажется, что американские женщины не так хороши, как женщины моей страны. Француженка или бельгийка, кокетливая и полная очарования, – мне кажется, что никто не сможет с нею сравниться.

Хардман отвернулся и посмотрел на снег за окном.

– Как сильно блестит этот снег, нет? – заметил он. – Знаете, джентльмены, это все уже начинает меня доставать. Это убийство, этот снег и это абсолютное *ничегонеделание*. Сидишь и пытаешься просто убить время. Хотелось бы уже кем-нибудь или чем-нибудь заняться.

– Вы энергичны, как настоящий покоритель Запада, – с улыбкой сказал Пуаро.

Проводник поставил багаж на место, и они прошли в следующее купе. Полковник Арбэтнот сидел в углу купе с трубкой в зубах и журналом в руках.

Пуаро объяснил причину их прихода. Полковник не стал возражать. Его багаж состоял из двух больших кожаных чемоданов.

– Остальные мои вещи путешествуют морем, – пояснил он.

Как и большинство военных, Арбэтнот был аккуратным человеком. Осмотр его багажа занял всего несколько минут. Пуаро обратил внимание на пачку ершиков для чистки трубки.

– Вы всегда пользуетесь одной и той же фирмой? – поинтересовался он.

– Обычно. Если их можно купить.

– Ах, вот как, – кивнул Пуаро.

Ершики были идентичны тому, который он нашел на полу в купе убитого.

Об этом доктор Константин не преминул упомянуть, когда они вышли в коридор.

– *Tout de même*, – пробормотал сыщик, – я с трудом могу в это поверить. Вот уж совсем *dans son caractère*^[62], и этим все сказано.

Следующая дверь была закрыта. Это было купе княгини Драгомировой, и когда они постучали в него, то услышали глубокий голос хозяйки: «*Entrez*»^[63].

Говорил за всех месье Бук. С большим уважением и очень вежливо он объяснил цель их визита.

Княгиня молча выслушала его, и на ее жабым лице ничего не отразилось.

– Если это необходимо, господа, – спокойно сказала она, когда он закончил, – то это должно быть сделано. Ключи у моей горничной. Она вам все покажет.

– А ваши ключи всегда находятся у вашей горничной, мадам? – поинтересовался Пуаро.

– Конечно, месье.

– А если на какой-нибудь границе ночью таможенники попросят открыть какой-нибудь чемодан?

Старуха пожала плечами:

– Это маловероятно. Но в таком случае проводник позовет ее.

– Это значит, что вы ей полностью доверяете, мадам?

– Вы уже задавали мне этот вопрос, – спокойно сказала княгиня. – У меня не служат люди, которым я не доверяю.

– Конечно, – задумчиво произнес сыщик. – В наши дни доверие совершенно необходимо. Наверное, гораздо лучше иметь в качестве служанки хозяйственную женщину, которой полностью доверяешь, чем какую-нибудь ушлую парижанку.

Он заметил, как темные, умные глаза медленно уставились на него.

– Что вы имеете в виду конкретно, месье Пуаро?

– Ничего, мадам. Я? Совсем ничего.

– Нет, я же вижу. Вы, наверное, думаете, что за моим гардеробом должна смотреть «ушлая» парижанка?

– Вероятно, это было бы более привычно, мадам.

Княгиня покачала головой.

– Шмидт мне очень предана, – произнесла она, ничуть не торопясь. – Преданность – *c'est impayable*^[64].

Появилась немка с ключами. Княгиня заговорила с нею на ее языке и велела открыть все вализы и помочь джентльменам с осмотром. Сама она встала в коридоре у окна, глядя на заснеженную землю. Пуаро остался с ней, предоставив месье Буку осматривать багаж.

Женщина посмотрела на сыщика с мрачной улыбкой:

– А вас, месье, не интересует содержимое моих чемоданов?

Сыщик покачал головой:

– Мадам, это простая формальность, и не более того.

– Вы в этом уверены?

– В вашем случае – да.

– А ведь я знала и любила Соню Армстронг. И что же, вы считаете, что я не стала бы пачкать свои руки убийством такой канальи, как Кассетти?.. Может быть, вы и правы.

Помолчав пару минут, она продолжила:

– А знаете, что мне хотелось бы сделать с подобным человеком? Мне хотелось бы позвать слуг и велеть им заporоть его до смерти, а потом выбросить в мусорную яму. Так поступали во времена моего отца, месье.

Пуаро продолжал молчать, внимательно слушая ее.

Княгиня взглянула на него с неожиданным нетерпением:

– Вы ничего не говорите, месье Пуаро. Интересно, о чем вы сейчас думаете?

Он посмотрел ей прямо в лицо:

– Я думаю, мадам, что ваша сила – сила вашего духа, а не рук.

Княгиня взглянула на свои тонкие, закрытые черной материей руки, переходившие в напоминающие когти птицы желтоватые пальцы, унизанные кольцами.

– Вы совершенно правы – в моих руках нет никакой силы. Я даже не знаю, радоваться мне этому или горевать.

Затем она повернулась к своему купе, в котором ее горничная упаковывала багаж, и резко прервала все извинения месье Бука.

– Вы можете не извиняться, месье, – сказала она. – В поезде совершено убийство, и вы обязаны произвести положенные действия, вот и всё.

– *Vous êtes bien amiable, madame*^[65].

Когда они уходили, Драгомирова попрощалась с ними легким кивком.

Двери следующих двух купе оказались закрытыми. Месье Бук остановился и почесал голову.

– Дьявол, с этими людьми все не так просто, – сказал он. – У них дипломатические паспорта, и их багаж освобождается от досмотра...

– Таможенного. Здесь вы совершенно правы. Но сейчас речь идет об убийстве.

– Я все это понимаю... и все-таки не хотелось бы лишних проблем...

– Не волнуйтесь так, друг мой. Граф и графиня люди вполне разумные. Вспомните, как любезна была княгиня Драгомирова.

– Она настоящая *grande dame*. Эти двое ничем не уступают ей по своему положению, но граф произвел на меня впечатление человека довольно вспыльчивого. Ему совсем не понравилось, когда вы стали настаивать на опросе его жены. А обыск может разозлить его еще больше.

Давайте лучше пропустим их. В конце концов, они вполне могут не иметь к убийству никакого отношения. Почему я должен нарываться на неприятности на ровном месте?

– Я с вами не согласен, – возразил Пуаро. – Уверен, что граф Андени поведет себя разумно. В любом случае давайте попытаемся.

И, прежде чем месье Бук смог ему ответить, он резко постучал в дверь купе № 13.

– *Entrez*, – раздалось из-за двери.

Граф сидел в углу, рядом с дверью, с газетой в руках. Его жена свернулась клубочком в противоположном углу, возле окна. Под головой у нее была подушка, и она казалась спящей.

– Прошу прощения, месье граф, – начал Пуаро. – Извините нас за это вторжение. Дело в том, что мы досматриваем багаж всех пассажиров в этом вагоне – для большинства это просто формальность. Месье Бук считает, что, поскольку у вас дипломатический паспорт, вы вполне можете отказаться от этой процедуры.

Граф на минуту задумался.

– Благодарю вас, – ответил он, – но я не думаю, что в моем случае следует делать какие-то исключения. Я предпочел бы, чтобы наш багаж досмотрели, как и багаж остальных пассажиров. – Он повернулся к жене: – Надеюсь, ты не возражаешь, Елена?

– Конечно нет, – ответила графиня без колебаний.

Багаж осмотрели – быстро и немного поверхностно. Казалось, что Пуаро старается скрыть свое смущение за всякими малозначащими замечаниями.

– На вашем чемодане намокла наклейка, мадам. – Он приподнял синий сафьяновый чемодан с инициалами и короной.

Графиня никак не среагировала на эту фразу. Создалось впечатление, что весь этот обыск наскучил ей. Она продолжала сидеть, свернувшись калачиком в углу, и смотреть сонными глазами на снег, тогда как мужчины досматривали ее багаж в соседнем купе.

Закончив обыск, Пуаро открыл шкафчик над умывальником и быстро осмотрел его содержимое – косметичка, крем для лица, пудра и маленькая бутылочка с надписью «Трионал».

После этого последовали обычные вежливые фразы с обеих сторон, и мужчины удалились.

Далее следовали купе миссис Хаббард, убитого и Пуаро.

Теперь они подошли к купе второго класса. Первое, с полками № 10 и 11, принадлежало Мэри Дебенхэм, которая читала книгу, и Грете Олссон,

которая крепко спала, но мгновенно проснулась, когда они вошли.

Пуаро повторил свое заклинание. Шведская дама разволновалась, а Мэри Дебенхэм осталась безучастно равнодушной.

Сначала Пуаро обратился к шведке:

– Если вы позволите, мадам, мы в первую очередь осмотрим ваш багаж, а потом я попрошу вас о любезности – не пройдете ли вы в купе миссис Хаббард и не посмотрите, как у нее дела? Мы перенесли ее вещи в одно из купе в соседнем вагоне, но она все еще никак не может прийти в себя после своей находки. Я попросил принести ей кофе в купе, но мне кажется, ей больше всего сейчас нужна живая душа, с которой она могла бы пообщаться.

«Живая душа» немедленно прониклась важностью момента. Конечно, она немедленно отправится к миссис Хаббард. Для нее это был колоссальный шок, а ведь она уже была расстроена всем этим путешествием и расставанием с дочерью. Ну конечно, она немедленно пойдет к ней – ее чемодан не закрыт – и захватит с собой нашатырь.

С этими словами мисс Олссон исчезла. Ее багаж осмотрели очень быстро – он был невероятно скромным. Очевидно, что шведка так и не заметила отсутствие двух спиц в своей шляпной коробке.

Мисс Дебенхэм отложила книгу, внимательно наблюдая за Пуаро. Когда тот попросил ее, она протянула ему ключи. А когда сыщик достал чемодан и открыл его, спросила:

– Зачем вы отослали ее, месье Пуаро?

– Я, мадемуазель? Вы же слышали – присмотреть за дамой из Америки.

– Прекрасный повод, но не более того.

– Я вас не понимаю, мадемуазель.

– А мне кажется, что понимаете, и очень хорошо, – сказала, улыбнувшись, девушка. – Вы хотели остаться со мною наедине, не так ли?

– Вы читаете мои мысли, мадемуазель.

– Ваши мысли? Не думаю. Ваши мысли принадлежат вам, и больше никому. Вы согласны со мной?

– Мадемуазель, у нас есть пословица...

– *Que s'excuse s'accuse!*^[66] Вы ведь это хотели сказать, правильно? Вы же не можете отказать мне в некоторой доле наблюдательности и здравого смысла. По каким-то причинам вы вбили себе в голову, что я имею какое-то отношение к этому мрачному событию – к убийству человека, которого я никогда в жизни не видела.

– Вы фантазируете, мадемуазель.

– Нет, я отнюдь не фантазирую. Мне кажется, что в жизни люди теряют массу времени только из-за того, что не хотят сказать правду. Они предпочитают ходить вокруг да около, вместо того чтобы прямо перейти к делу.

– А вы не любите терять время. Вы как раз любите сразу переходить к делу. Вы за прямоту. *Eh bien*, вы ее получите, эту прямоту. Я попрошу вас объяснить значение нескольких слов, которые я услышал по пути из Сирии. Тогда я вышел из поезда, чтобы, как говорите вы, англичане, «размять ноги» на станции Конья. В ночи я услышал голоса – ваш и полковника Арбэтнота. Тогда вы сказали ему: *Не сейчас, только не сейчас. Когда все закончится. Когда все будет позади.* Что вы тогда имели в виду, мадемуазель?

– Вы что же, думаете, что я имела в виду... убийство? – Голос мисс Девенхэм был едва слышен.

– Сейчас я задаю вопросы, мадемуазель.

Она вздохнула и на минуту задумалась. Потом, как будто придя в себя, сказала:

– У этих слов есть значение, месье, но я не могу раскрыть его вам. Могу только торжественно дать вам слово чести, что я никогда не видела этого Рэтчетта до того момента, когда встретила с ним на поезде.

– Но вы... отказываетесь объяснить эти слова?

– Да, если вы так ставите вопрос, то отказываюсь. Они связаны с... с заданием, которое я взялась выполнить.

– И теперь задание выполнено?

– Что вы хотите этим сказать?

– Что оно выполнено, разве не так?

– А почему вы так думаете?

– Послушайте, мадемуазель, я напому вам еще об одном происшествии: в тот день, когда мы должны были прибыть в Стамбул, наш поезд задерживался. Вы были этим очень взволнованы – вы, обычно такая сдержанная и умеющая владеть собой. Тогда вы растеряли все ваше спокойствие.

– Я боялась пропустить стыковку.

– Это вы сейчас так говорите. Но, мадемуазель, «Восточный экспресс» отправляется из Стамбула каждый вечер, семь дней в неделю. Даже если б вы пропустили стыковку, то речь шла всего лишь о задержке на двадцать четыре часа.

Было видно, что впервые за всю беседу Мэри Дебенхэм стала терять терпение.

– Вы, видимо, не понимаете, что у человека могут быть друзья, которые ждут его в Лондоне, и в этом случае задержка на сутки может расстроить их планы и причинить всем массу неудобств.

– Ах, вот как? Значит, вас ждали друзья? И вы не хотели причинить им неудобства?

– Естественно.

– И все-таки любопытно...

– Что именно?

– Этот поезд тоже задерживается. И сейчас все значительно серьезнее, потому что вы не можете послать вашим друзьям телеграмму или вызвать их на меж... меж...

– Международные переговоры? Вы имеете в виду телефон?

– Ну да, «долгий вызов», как это называют в Англии.

Помимо воли, мисс Дебенхэм слегка улыбнулась.

– Это называется «разговор по магистральному кабелю», – поправила она. – Да, вы правы, это очень досадно, когда не можешь ни с кем связаться ни по телефону, ни по телеграфу.

– И тем не менее *на этот раз*, мадемуазель, вы ведете себя совершенно по-другому. Вы совершенно не нервничаете, спокойны и смотрите на все философски.

Мэри Дебенхэм покраснела и прикусила губу. Она больше не улыбалась.

– Вы молчите, мадемуазель?

– Простите, но я не думала, что вы ждете ответа.

– С чем связано изменение в вашем поведении, мадемуазель?

– А вам не кажется, что вы делаете слишком много шума из ничего, месье Пуаро?

С виноватым видом маленький бельгиец развел руками:

– Наверное, это общий недостаток всех сыщиков. Мы всегда ожидаем, что поведение людей будет следовать какой-то логике, и не любим внезапные перемены настроения.

На это Мэри Дебенхэм ничего не ответила.

– Вы хорошо знаете полковника Арбэтнота, мадемуазель?

Пуаро показалось, что женщина испытала облегчение, когда он поменял тему разговора.

– Я впервые встретила с ним во время этой поездки.

– А у вас есть причины думать, что он раньше знал этого Рэтчетта?

– Я уверена, что нет. – Она решительно покачала головой.

– Почему вы так уверены?

– По тому, как он о нем говорил.

– Между тем, мадемуазель, на полу купе убитого мы нашли ершик для чистки трубок, а полковник Арбэтнот – единственный мужчина в вагоне, который курит трубку.

Пуаро пристально следил за ней, но девушка не удивилась и не разволновалась, а просто сказала:

– Глупости. Это абсурд. Полковник Арбэтнот – последний человек на свете, который может связаться с убийством, особенно с таким театральным.

Это настолько совпадало с мнением самого Пуаро, что он чуть не согласился с ней. Но вместо этого он произнес:

– Должен напомнить вам, мадемуазель, что вы недостаточно хорошо его знаете.

Женщина пожала плечами.

– Я слишком хорошо знаю этот тип людей.

– И все-таки вы отказываетесь объяснить мне смысл слов «когда все будет позади»? – Голос сыщика звучал очень мягко.

– Мне больше нечего вам сказать, – холодно ответила она.

– Неважно, – сказал Эркюль Пуаро. – Я все равно это узнаю.

Он поклонился и вышел из купе, прикрыв за собой дверь.

– Вы считаете, что поступили умно, мой друг? – спросил месье Бук. – Вы же заставили ее насторожиться, и не только ее, но и полковника.

– *Mon ami*, когда вы хотите поймать кролика, то засовываете к нему в нору хорька. Если кролик в норе, то он выбегает оттуда. Именно это я сейчас и сделал.

Они вошли в купе Хильдегарды Шмидт. Женщина уже ждала их – на лице у нее было написано уважение и полное отсутствие каких-либо эмоций.

Пуаро быстро осмотрел вещи в небольшом чемодане, который стоял на полке. Затем он велел проводнику снять большой чемодан, который лежал на багажной полке.

– Ключи, мадам? – спроси он.

– Он не заперт, месье.

Пуаро расстегнул ремни и поднял крышку.

– Ага! – сказал он, поворачиваясь к месье Буку. – Помните, что я вам говорил? Взгляните-ка сюда!

На самом верху лежала свернутая комком униформа проводника.

От флегматичности горничной не осталось и следа.

– Ой! – воскликнула она. – Это не мое! Я это сюда не клала. Я не

заглядывала в этот чемодан с того момента, как мы уехали из Стамбула. Правда, правда!

Она переводила умоляющие глаза с одного мужчины на другого.

Пуаро мягко взял женщину за руку и постарался ее успокоить:

– Нет, нет, все хорошо. Мы вам верим. Не волнуйтесь так. Я так же уверен в том, что вы не прятали форму, как и в том, что вы хорошая повариха. Понимаете? Вы ведь хорошая повариха, правда?

Сбитая с толку женщина улыбнулась против своей воли:

– Да, действительно. Все мои хозяйки так говорили. Я...

Она остановилась, и на ее лице опять появился испуг.

– Нет, нет, – продолжил Пуаро. – Уверяю вас, всё в порядке. Вот послушайте, я расскажу вам, что здесь произошло. Этот мужчина в форме проводника выходит из купе убитого и чуть не сталкивается с вами. Для него это очевидная неудача – он надеялся, что коридор будет пуст. Что же делать? Ему надо как-то избавиться от формы. Теперь она для него самая большая угроза, а не защита.

Сыщик посмотрел на месье Бука и доктора Константина, которые внимательно его слушали.

– Понимаете, все дело в снегопаде. Он нарушил все планы убийцы. Куда теперь ему спрятать форму? Все купе заняты. Хотя нет – он проходит мимо одного, в котором дверь открыта, горит свет и никого нет. Скорее всего, это купе той женщины, с которой он только что столкнулся. Он заходит внутрь, снимает форму и поспешно запикивает ее в один из чемоданов. Наверняка пройдет какое-то время, прежде чем ее найдут.

– А что потом? – спросил месье Бук.

– А вот над этим надо подумать, – ответил Пуаро, бросив своему соотечественнику предостерегающий взгляд.

Он поднял куртку и увидел, что на ней оторвана третья пуговица снизу. Засунув руку в карман, сыщик извлек из него ключ-вездеход, которым проводники могут открыть дверь любого купе.

– А вот и объяснение того, как наш убийца мог проходить через любые двери, – сказал месье Бук. – Все вопросы, которые вы задавали миссис Хаббард, не имели смысла. Он мог легко пройти через смежную дверь, и ему было неважно, закрыта она или открыта. В конце концов, если он смог достать форму проводника, то почему не его ключ?

– Вот именно, – согласился Пуаро.

– Хотя нам самим надо было догадаться. Помните, Мишель сказал, что дверь из коридора в купе миссис Хаббард была закрыта, когда он пришел ответить на ее вызов.

– Так и было, месье, – вмешался проводник. – Именно поэтому я и подумал, что даме все приснилось.

– Но теперь все становится просто, – продолжил месье Бук. – Он, без сомнения, собирался запереть и смежную дверь, но, вероятно, услышав какой-то шум с постели, испугался.

– Теперь нам осталось только разыскать алое кимоно, – заметил Пуаро.

– Именно. Но эти два купе заняты мужчинами.

– Тем не менее мы их осмотрим.

– Ну, конечно! Я ведь еще не забыл, что вы говорили по поводу кимоно.

Гектор Маккуин с удовольствием согласился на обыск.

– Лучше уж вы это сделайте, – сказал он с мрачной улыбкой. – Я кожей чувствую, что вызываю на этом поезде самые большие подозрения. Вам осталось только найти завещание, в котором старик оставляет мне все свое состояние, и тогда все встанет на свои места.

Месье Бук подозрительно взглянул на американца.

– Это я так шучу, – поспешно объяснил Маккуин. – Он бы мне и цента не оставил. Я просто был нужен ему – языки и все такое. Вас почти наверняка надуют, если вы не говорите ни на каких языках, кроме старого доброго американского. Я совсем не лингвист, но, как я сам говорю, владею ресторанно-магазинной лексикой на французском, немецком и итальянском.

Говорил он чуть громче, чем обычно. Несмотря на его готовность помочь, казалось, что американец чувствует себя не совсем в своей тарелке.

Из купе вышел Пуаро.

– Ничего. Даже компрометирующего завещания и того нет.

Маккуин с облегчением выдохнул.

– Вы освободили меня от тяжелой ноши, – с юмором произнес он.

Они перешли к последнему купе. Осмотр багажа итальянца и камердинера ничего не дал.

Три джентльмена стояли в конце вагона и смотрели друг на друга.

– Что дальше? – спросил месье Бук.

– Давайте вернемся в вагон-ресторан. Теперь мы знаем все, что только могли узнать. У нас есть свидетельские показания пассажиров, результаты осмотра их багажа и то, что мы смогли увидеть собственными глазами. Больше ждать помощи не от кого. Теперь нам придется включить наши мозги.

Маленький бельгиец полез за портсигаром и обнаружил, что тот пуст.

– Через минуту я к вам присоединюсь, – сказал он. – Мне нужны сигареты. Это очень сложное и любопытное дело. Кто был одет в алое кимоно? Где оно теперь? Хотелось бы мне это знать. В этом деле есть какая-то особенность, которая постоянно от меня ускользает! Оно такое сложное потому, что его намеренно делают сложным. Мы все это обсудим – а сейчас прошу извинить меня.

Сыщик быстро направился по коридору к своему купе. Он знал, что в одном из его чемоданов лежит запас сигарет.

Сняв чемодан с полки, Пуаро открыл замок и уставился на содержимое чемодана, пораженный до глубины души.

На самом верху, поверх его одежды, лежало аккуратно сложенное алое кимоно, расшитое драконами.

– Итак, – пробормотал Пуаро себе под нос, – мне бросают вызов. Очень хорошо, я его принимаю.

Часть третья. Эркюль Пуаро садится и размышляет

Глава 1. Который из них?

Когда Пуаро вошел в вагон, месье Бук и доктор Константин беседовали. Директор выглядел совсем подавленным.

– *Le voilà*^[67], – сказал он, увидев сыщика. Когда же Пуаро уселся, добавил: – Если вам, *mon cher*, удастся найти разгадку этого дела, то я начну верить в чудеса.

– Так это дело вас беспокоит?

– Естественно, беспокоит. Я ничего не могу в нем понять.

– Согласен с вами, – подтвердил доктор и с интересом посмотрел на Пуаро. – Честно говоря, я не понимаю, что еще вы можете сделать.

– Не понимаете? – задумчиво повторил сыщик.

Он достал портсигар, прикурил одну из своих крошечных сигарет и сказал:

– Именно в этом я и вижу интерес всего этого дела. Мы отрезаны от возможности предпринять рутинные для таких случаев шаги. Говорят ли все наши свидетели правду или же лгут? У нас нет способов выяснить это, за исключением тех, которые мы можем придумать себе сами. Так что это упражнение исключительно для наших мозгов.

– Все это прекрасно, – сказал месье Бук, – но что вы собираетесь делать дальше?

– А я вам только что объяснил. У нас есть свидетельские показания пассажиров и то, что мы видели собственными глазами.

– Отлично – я имею в виду показания пассажиров! Они вообще не сообщили нам ничего нового.

Пуаро отрицательно покачал головой.

– Я не соглашусь с вами, друг мой. Они сообщили нам несколько интересных фактов.

– Ну, конечно, – скептически заметил месье Бук. – Я что-то этого не заметил.

– Наверное, потому, что невнимательно слушали.

– Ну, тогда расскажите мне, что же такое я пропустил.

– Хотя бы вот это. Вспомним нашего первого свидетеля – молодого Маккуина. Он произнес одну, очень важную с моей точки зрения, фразу.

– О письмах?

– Нет, не о письмах. Насколько я помню, он сказал следующее: «Мы путешествовали. Мистер Рэтчетт хотел посмотреть мир. Проблема

была в том, что он не владел иностранными языками. Я был скорее его связным, чем секретарем».

Пуаро перевел взгляд с доктора Константина на месье Бука.

– Как? Вы все еще не поняли? Это непростительно; ведь вам только что был дан второй шанс, когда Маккуин сказал: «Вас обязательно надуют, если вы не говорите ни на одном языке, кроме старого доброго американского».

– Вы хотите сказать... – Месье Бук все еще выглядел озадаченным.

– Вижу, что вы хотите, чтобы я произнес это по буквам. Ну, хорошо же! Месье Рэтчетт не говорил *по-французски*. И в то же время, когда проводник пришел ответить на его звонок, голос за дверью на *французском* сказал ему, что произошла ошибка и что в его услугах не нуждаются. Более того, его отослали безукоризненной идиоматической фразой, до которых никогда не додумается человек, знающий всего несколько французских слов: «*Ce n'est rien. Je me suis trompé*».

– Это точно, – взволнованно воскликнул доктор Константин. – Мы должны были это заметить. Я помню, как вы подчеркивали эти слова, когда повторяли их в нашем присутствии. Теперь я понимаю ваше нежелание положиться на сломанные часы. Получается, что Рэтчетт был мертв уже без двадцати трех минут час...

– А говорил вместо него убийца, – важно подвел итог месье Бук.

Пуаро поднял руку.

– Давайте не будем торопиться. И не будем предполагать больше того, что мы наверняка знаем. Думаю, мы можем сказать, что в тот момент – а именно без двадцати трех минут час – в купе Рэтчетта находился *какой-то* человек, который был или французом, или свободно владел французским языком.

– Вы очень осторожны, *mon vieux*.

– При расследовании преступлений торопиться не надо. У нас ведь нет *доказательств* того, что в это время Рэтчетт был уже мертв.

– Но есть крик, который вас же и разбудил.

– Да, это правильно.

– С одной стороны, – задумчиво сказал месье Бук, – этот факт не слишком меняет общую картину. Вы слышали, что кто-то движется в соседнем купе. Этот «кто-то» был не Рэтчетт, а другой человек. Без сомнения, он смывал кровь с рук, зачищал следы преступления и жег инкриминирующее письмо. Потом выждал, пока все не затихнет, и когда решил, что он в безопасности, закрыл на цепочку и запер дверь купе Рэтчетта изнутри, открыл смежную дверь, прошел в купе миссис Хаббард и

выскользнул в коридор. То есть все произошло именно так, как мы и предполагали, – *с той только разницей, что Рэтчетта убили на полчаса раньше.* А стрелки часов перевели, чтобы обеспечить алиби.

– Алиби довольно бессмысленное, – заметил сыщик. – Стрелки указывают на час пятнадцать – именно на то время, когда убийца покинул место преступления.

– Это правда, – согласился слегка сконфуженный месье Бук. – Тогда о чем, по-вашему, говорят часы?

– Если стрелки переводили – заметьте, я сказал «если», – тогда время, которое они показывают, должно иметь какой-то смысл. В этом случае логично было бы заподозрить любого, у кого есть алиби на час пятнадцать.

– Да, да, – заметил доктор, – все это звучит очень логично.

– Мы также должны задуматься о том времени, когда незнакомец проник в купе. Когда у него появилась такая возможность? Если мы считаем, что настоящий проводник в этом не замешан, то у убийцы такая возможность была всего один раз – во время остановки в Винковцах. После того как поезд отошел от этой станции, проводник постоянно сидел в конце коридора, лицом к нему. Пассажиры в поезде редко обращают внимание на проводников, и *единственным* человеком, который обратил бы внимание на убийцу, был настоящий проводник. А во время остановки в Винковцах он находился на платформе, и путь был открыт.

– Или, возвращаясь к нашим предыдущим рассуждениям, убийцей должен быть один из пассажиров, – заключил месье Бук. – Так что мы опять вернулись к тому, с чего начали: который из них?

Пуаро улыбнулся.

– Я тут приготовил список, – сообщил он. – Возможно, он поможет вам освежить кое-что в памяти.

Доктор и месье Бук склонились над списком. Он был написан аккуратным почерком и методично перечислял пассажиров в том порядке, в котором их опрашивали:

Гектор Маккуин, гражданин США. Полка № 6, второй класс.

Мотив: возможно, личная неприязнь, возникшая в результате общения с убитым.

Алиби: с полуночи до 2 часов утра (с полуночи до 1.30 подтверждается полковником Арбэтнотом, а с 1.15 до 2.00 – проводником).

Свидетельства против него: никаких.

Подозрительные обстоятельства: не имеется.

Проводник Пьер Мишель. Гражданин Франции

Мотив: отсутствует

Алиби: с полуночи до 2 часов утра (Э.П. видел его в коридоре в тот момент, когда из купе Рэтчетта раздался мужской голос в 12.37 ночи. С 1.00 и до 1.16 утра подтверждается двумя другими проводниками).

Свидетельства против него: никаких.

Подозрительные обстоятельства: найденная форма проводника говорит за него, так как создается впечатление, что ее использовали специально, чтобы бросить на него подозрение.

Эдвард Мастермэн, гражданин Великобритании. Полка № 4, второй класс.

Мотив: возможно, личная неприязнь, возникшая в результате общения с убитым.

Алиби: с полуночи до 2 часов утра (подтверждается Антонио Фоскарелли).

Свидетельства против него: никаких.

Подозрительные обстоятельства: единственный человек, которому найденная форма могла оказаться впору. Однако маловероятно, что он свободно владеет французским.

Миссис Хаббард, гражданка США. Купе № 3, первый класс.

Мотив: не имеется.

Алиби: с полуночи до 2 часов утра – не имеется.

Свидетельства против нее: никаких.

Подозрительные обстоятельства: рассказ о мужчине, который якобы был у нее в купе, подтверждается показаниями Хардмана и горничной Шмидт.

Грета Олссон, гражданка Швеции. Полка № 10, второй класс.

Мотив: не имеется.

Алиби: с полуночи до 2 часов утра (подтверждается Мэри Дебенхэм).

Примечание: последняя, кто видел Рэтчетта живым.

Княгиня Драгомирова, натурализованная гражданка Франции. Купе № 14, первый класс.

Мотив: близко знала семью Армстронгов. Крестная Сони Армстронг.

Алиби: с полуночи до 2 часов утра (подтверждается проводником и горничной).

Свидетельства против нее: никаких.

Подозрительные обстоятельства: не имеется.

Граф Андени, гражданин Венгрии. Купе № 13, первый класс.

Мотив: не имеется.

Алиби: с полуночи до 2 часов утра (подтверждено проводником, за исключением периода с 1.00 до 1.15).

Графиня Андрени, гражданка Венгрии. Купе № 12, первый класс.

Мотив: не имеется.

Алиби: с полуночи до 2 часов утра. Заснула, приняв трионал (подтверждается ее мужем и наличием трионала в туалетном шкафчике).

Свидетельства против нее: никаких.

Подозрительные обстоятельства: не имеется.

Полковник Арбэтнот, гражданин Великобритании. Купе № 15, первый класс.

Мотив: возможно, личная неприязнь, возникшая в результате общения с убитым.

Алиби: с полуночи до 2 часов утра. Общался с Маккуином до 1.30 утра. Потом прошел в свое купе и больше из него не выходил (подтверждается Маккуином и проводником)

Свидетельства против него: никаких.

Подозрительные обстоятельства: ершик для чистки трубок.

Сайрус Хардман, гражданин США. Купе № 16, первый класс.

Мотив: не известен.

Алиби: с полуночи до 2 часов утра не выходил из купе (подтверждается Маккуином и проводником).

Свидетельства против него: никаких.

Подозрительные обстоятельства: не имеется.

Антонио Фоскарелли, гражданин США (итальянец по происхождению). Полка № 5, второй класс.

Мотив: не известен.

Алиби: с полуночи до 2 часов утра (подтверждается Эдвардом Мастермэном).

Свидетельства против него: никаких.

Подозрительные обстоятельства: использованное орудие убийства соответствует его темпераменту. (Мнение месье Бука.)

Мэри Дебенхэм, гражданка Великобритании. Полка № 11, второй класс.

Мотив: не имеется.

Алиби: с полуночи до 2 часов утра (подтверждается Гретой Олссон).

Свидетельства против нее: никаких.

Подозрительные обстоятельства: случайно подслушанный Пуаро разговор и отказ что-либо объяснять.

Хильдегарда Шмидт, гражданка Германии. Полка № 8, второй класс.

Мотив: не имеется.

Алиби: с полуночи до 2 часов утра (подтверждается проводником и ее

хозяйкой). Легла в постель, была разбужена проводником приблизительно в 12.38 и прошла к своей хозяйке.

Примечание: Все свидетельские показания пассажиров подтверждаются заявлением проводника, что никто не входил и не выходил из купе Рэтчетта между полуночью и часом ночи (когда он сам вышел в соседний вагон) и между 1.15 и 2.00 утра.

– Как вы понимаете, – пояснил сыщик, – это просто *précis*^[68] всех показаний, которые мы слышали, изложенное в удобоваримом виде.

Месье Бук с гримасой на лице вернул ему документ.

– Не слишком воодушевляет, – заметил он.

– Тогда, может быть, вот это понравится вам больше? – с легкой улыбкой произнес Пуаро, вручая ему еще один листок.

Глава 2. Десять вопросов

На бумаге было написано:

Вещи, которые требуют объяснения:

1. Носовой платок с инициалом Х. Кому он принадлежит?
2. Ершик для чистки трубок. Его обронил полковник Арбэтнот или кто-то другой?
3. Кто был одет в алое кимоно?
4. Кем был мужчина (или женщина), выдававший себя за проводника?
5. Почему стрелки часов указывают на 1.15?
6. Произошло ли убийство именно в это время?
7. Произошло ли оно раньше?
8. Произошло ли оно позже?
9. Можем ли мы быть уверены, что Рэтчетта бил ножом только один человек?
10. Как еще можно объяснить характер нанесенных ему ран?

– Ну что же, давайте посмотрим, что мы можем здесь сказать, – предложил месье Бук, просветлевший при виде новой интеллектуальной задачи. – Начнем с носового платка. И давайте, ради всего святого, рассуждать методично и здраво.

– Обязательно, – кивнул Пуаро с удовлетворением.

Месье Бук продолжил слегка менторским тоном:

– Инициал Х связан с тремя лицами: миссис Хаббард, мисс Дебенхэм, чье второе имя Хермиона, и с горничной Хильдегардой Шмидт.

– Ах вот как! И кто же из этих троих?

– Сложно сказать. Но я думаю, что выберу мисс Дебенхэм. Дело в том, что ее свободно могут называть вторым именем, а не первым. Кроме того, она уже у нас на подозрении. Тот разговор, который вы случайно услышали, *mon cher*, вызывает некоторые вопросы, так же как и ее отказ объяснить его.

– Что касается меня, то я ставлю на американку, – сказал доктор Константин. – Платок очень дорогой, а всему миру известно, что американцы всегда платят не глядя.

– И вы оба исключаете горничную?

– Да. Она ведь сама сказала, что платок принадлежит представительнице высшего общества.

– А вторая улика – ершик для трубок? Его обронил полковник Арбэтнот или кто-то другой?

– Это будет потруднее. Англичане не будут тыкать ножом в своего противника, здесь вы абсолютно правы. Я склоняюсь к тому, что ершик подбросил кто-то другой, с целью подвести нашего длинноногого англичанина под подозрение.

– Как вы сами сказали, месье Пуаро, – вмешался доктор, – сразу две улики – это слишком большая небрежность. Я согласен с месье Буком. Платок – это реальная промашка, поэтому никто и не признаётся, что он принадлежит именно ему. А вот ершик – это поддельная улика. И в качестве подтверждения этой мысли мы видим, как полковник совсем не нервничает и открыто признается, что курит трубку и пользуется именно такими ершиками.

– Логично, – согласился Пуаро.

– Теперь вопрос – кто был одет в алое кимоно? – продолжил месье Бук. – Должен признаться, что у меня нет никаких идей по этому поводу. А что вы скажете, доктор Константин?

– То же самое.

– Здесь мы признаём наше поражение. А вот следующий вопрос более многообещающ. Кто был мужчиной (или женщиной), который маскировался под проводника? Во-первых, мы достаточно точно можем сказать, кто этого *не делал*: Хардман, полковник Арбэтнот, Фоскарелли и Гектор Маккуин. Все они слишком высоки. Можно также исключить миссис Хаббард, Хильдегарду Шмидт и Грету Олссон – все они слишком... широки в кости. И нам остаются камердинер, мисс Дебенхэм, княгиня Драгомирова и графиня Андени – но все они не подходят! С одной стороны, Грета Олссон, а с другой стороны, Антонио Фоскарелли – оба они клянутся, что ни мисс Дебенхэм, ни камердинер не выходили из своих купе. Хильдегарда Шмидт клянется именем княгини, что была у нее, а граф Андени сообщил, что его жена выпила снотворное. Создается впечатление, что никто не мог быть этим человеком – а это полный абсурд!

– Как, бывало, говорил наш друг Эвклид, – прошептал сыщик.

– Это должен быть кто-то из тех четверых, – сказал доктор Константин. – Если только кто-то со стороны не нашел себе здесь тайного логова, а это, как мы уже решили, просто невозможно.

Месье Бук перешел к следующему вопросу.

– Вопрос номер пять – кто поставил стрелки часов на час пятнадцать? Мне кажется, этому есть два объяснения. Это мог сделать убийца, чтобы обеспечить себе алиби. Однако он не смог покинуть купе в

запланированное им время, испугавшись людей, ходивших по коридору, или... подождите минуту, у меня появилась идея...

Его собеседники уважительно ждали, пока месье Бук изо всех сил напрягал свои извилины.

– Есть! – сказал он наконец. – Стрелки перевел не убийца-проводник, а тот, кого мы называем Вторым Убийцей, – левша, или, говоря по-другому, женщина в алом кимоно. Она вошла в купе позже и перевела стрелки назад, чтобы обеспечить себе алиби.

– Bravo! – воскликнул доктор Константин. – Здорово придумано.

– То есть, – произнес Пуаро, – она ударила Рэтчетт ножом в полной темноте, не заметив, что он уже мертв. Потом каким-то образом узнала, что в нагрудном кармане его пижамы лежат часы, достала их, вслепую перевела стрелки, а потом сломала часы...

Месье Бук холодно посмотрел на него.

– А у вас что, есть лучшее объяснение? – спросил он.

– В настоящий момент – нет, – признался Пуаро.

– Кроме того, – продолжил месье Бук, – уверен, что вы так и не обратили внимания на самую интересную вещь, связанную с этими часами.

– Это как-то связано с вопросом номер шесть – могло ли убийство произойти в час пятнадцать? На этот вопрос я категорически отвечаю – нет!

– Согласен, – подтвердил месье Бук. – А вот на следующий вопрос – могло ли оно произойти раньше – я отвечаю утвердительно. Вы согласны, доктор?

Врач утвердительно кивнул.

– Но и на вопрос, могло ли оно произойти позже, я тоже отвечаю утвердительно, – добавил он. – Я согласен с вашей теорией, месье Бук, так же как и месье Пуаро, только он пока не хочет в этом признаваться. Первый убийца вошел в купе раньше часа пятнадцати, а второй – *позже*. Что же касается вопроса леворукости, не кажется ли вам, что мы должны выяснить, кто из пассажиров – левша?

– Я не полностью позабыл об этом факте, – заметил Пуаро. – Вы, возможно, заметили, что я заставил каждого из пассажиров или расписаться, или написать свой адрес. Этот эксперимент нельзя считать на сто процентов показательным, так как некоторые люди что-то делают правой рукой, а что-то – левой. Например, кто-то может писать правой рукой, а играть в гольф левой. Но это хоть что-то. Все наши опрашиваемые брали ручку в правую руку, за исключением княгини Драгомировой, которая вообще отказалась писать.

– Княгиня Драгомирова? Это невероятно, – сказал месье Бук.

– Сомневаюсь, чтобы у нее хватило сил произвести тот удар, который был нанесен левой рукой. – В голосе доктора слышалось сомнение. – Именно та рана была нанесена с большой силой.

– С большей, чем может быть у женщины?

– Нет, так я не сказал бы. Но, я думаю, с большей, чем может продемонстрировать старая женщина. Не надо забывать, что физическое состояние княгини Драгомировой очень хрупкое.

– Ну, здесь может возникнуть вопрос о преобладании духовного над материальным. Без сомнения, княгиня Драгомирова – личность, и обладает железной волей. Но давайте не будем сейчас об этом.

– Вопросы номер девять и десять. Можем ли мы быть уверены, что Рэтчетта убивал не один человек, и как еще можно объяснить характер нанесенных ему ранений? По моему мнению, с медицинской точки зрения *другого* объяснения этих ран нет. Предполагать, что один и тот же человек бил сначала совсем слабо, а потом вдруг с силой, сначала правой рукой, а потом левой, а потом, возможно, через тридцать минут нанес мертвецу новые удары... думаю, что в этом нет никакого смысла.

– Нет, – заметил Пуаро, – никакого смысла. А двое убийц, по-вашему, имеют смысл?

– Как вы сами только что сказали – как еще все это объяснить?

Пуаро смотрел прямо перед собой.

– Именно этот вопрос я и задаю себе, – сказал он, – именно об этом я не перестаю себя спрашивать.

Сыщик откинулся в своем кресле.

– Теперь все данные у меня вот здесь. – Он постучал себя по лбу. – Мы тщательно их обсудили. Все факты перед нами – аккуратно и методично подобранные. Все пассажиры сидели здесь перед нами и один за другим отвечали на наши вопросы. Теперь мы знаем все, что может знать человек *со стороны...*

Он задушевно улыбнулся месье Буку.

– Помните, у нас с вами была небольшая шутка о том, что надо сесть и задуматься об истине? Что ж, я готов попробовать претворить эту теорию в практику – прямо у вас на глазах. Вы двое должны сделать то же самое. Давайте все закроем глаза и *задумаемся...* Один или несколько пассажиров убили Рэтчетта. *Кто же именно?*

Глава 3. Несколько любопытных моментов

Прошла добрая четверть часа, прежде чем кто-то заговорил.

Месье Бук и доктор Константин начали с того, что попытались последовать указанию Пуаро.

Месье Бук думал приблизительно следующее:

«Разумеется, я должен думать. Но ведь я все это обдумал уже много раз. Пуаро явно считает, что эта англичанка замешана в деле. А я не могу избавиться от мысли, что она здесь ни при чем. Все англичанки – женщины очень хладнокровные. Может быть, из-за того, что у них начисто отсутствуют даже намеки на фигуру. Но дело не в этом. Кажется, что итальянец тоже не мог этого сделать – жаль. Полагаю, что английский камердинер не врет, когда говорит, что тот не выходил из купе. Да и зачем ему врать? Англичанина не так просто подкупить – они такие неприступные... Плохо, очень плохо. Не представляю, когда все это закончится. Должны же вестись *какие-то* спасательные работы... В этих странах они все такие медлительные – пройдут часы, прежде чем кому-нибудь придет в голову что-то сделать. Да и с полицией в этих странах невозможно иметь дела – все надуваются от сознания собственной значимости и жутко трепетны, когда дело касается чувства их собственного достоинства. Они устроят из всего этого грандиозное шоу. Конечно, не каждый же день они сталкиваются с подобными вещами. Информация появится во всех газетах...»

После этого мысли месье Бука покатались по накатанной дорожке, по которой они проходили уже сотни раз.

Мысли доктора Константина были следующими:

«Этот маленький человечек очень странный. Он гений или сумасшедший? Сможет ли он разгадать эту загадку? Это невозможно. Я не вижу решения. Все слишком запутано... Вполне возможно, что все они врут. Но даже это знание ничего не дает. Если они все лгут, то это так же сбивает с толку, как если бы все они говорили правду. Эти раны такие странные... Не могу ничего понять. Проще бы было разобраться, если б его застрелили – в конце концов термин «гангстер», который придумали эти янки, подразумевает человека с пистолетом. Странная страна эта Америка. Хотелось бы мне туда съездить. Очень прогрессивная страна. Когда вернусь, надо будет встретиться с Деметриусом Загоне – он там бывал и знает все эти новомодные течения... Интересно, что сейчас делает Зия?»

Если жена когда-нибудь узнает...»

И его мысли перешли на совершенно частные, не имеющие отношения к делу, предметы.

Эркюль Пуаро сидел совершенно неподвижно. Могло показаться, что он заснул.

А затем, неожиданно, после четверти часа абсолютной неподвижности, его брови медленно поползли вверх по лбу. Он негромко вздохнул и прошептал себе под нос:

– А почему бы и нет, в конце концов? А если так – если действительно так, – то это все объясняет.

Его глаза раскрылись – они были зеленого цвета, как у кошки.

– *Eh bien*. Я все обдумал. А вы? – сказал он негромко.

Погруженные в свои мысли, оба джентльмена вздрогнули.

– Я тоже все обдумал, – сказал месье Бук с легким чувством вины. – Но не смог прийти ни к каким выводам. Раскрытие преступлений – это ваше *métier*^[69], а не мое, друг мой.

– Я тоже все тщательно обдумал, – сказал доктор, не моргнув и глазом, отрываясь от каких-то своих мыслей порнографического характера. – Я продумал множество разных вариантов, но ни один из них меня не удовлетворяет.

Пуаро любезно кивнул, как будто хотел сказать: «Вы совершенно правы. Так вы и должны были ответить. Вы дали мне именно ту подсказку, которую я и ожидал».

Он сел очень прямо, надулся, провел рукой по своим усам и заговорил как профессиональный докладчик, выступающий перед большой аудиторией:

– Друзья мои, мысленно я еще раз проанализировал все факты и свидетельства пассажиров – и вот вам результат. Я уже вижу, хотя еще не совсем четко, объяснение тем фактам, которые находятся в нашем распоряжении. Объяснение очень странное, поэтому я еще не уверен, что оно соответствует истине. Чтобы в этом окончательно убедиться, нам придется провести несколько экспериментов.

Прежде всего я хочу сказать о нескольких моментах, которые кажутся мне многообещающими. Давайте начнем с фразы, которую произнес во время нашего первого совместного ланча месье Бук. Он справедливо заметил, что в вагоне-ресторане находятся представители разных слоев общества, разных возрастов и разных национальностей. Такое столпотворение в это время года достаточно редко. Например, вагоны Афины – Париж и Бухарест – Париж почти пусты. Вспомните также

пассажира, который просто не появился. Я думаю, что это важное обстоятельство. Кроме этого, имеется еще несколько мелочей, которые показались мне достойными внимания, – например, расположение косметички миссис Хаббард, имя матери миссис Армстронг, детективные методы месье Хардмана, предположение месье Маккуина, что Рэтчетт сам уничтожил обличительное письмо, которое мы нашли, имя княгини Драгомировой и жирное пятно на венгерском паспорте.

Мужчины уставились на него.

– Все эти факты не наводят вас на какие-нибудь мысли? – поинтересовался Пуаро.

– Ни в коем случае, – честно ответил месье Бук.

– А вас, месье доктор?

– Я совершенно не понимаю ничего из того, о чем вы говорите.

Между тем месье Бук, ухватившись за единственную материальную вещь, о которой сказал сыщик, стал копаться в пачке паспортов. С ворчанием он вынул паспорт графа и графини Андриени и раскрыл его.

– Вы говорите вот об этом? Об этом пятне?

– Да, это совсем свежее жирное пятно. И вы видите, где оно расположено?

– В самом начале записи о жене графа – если точно, то на начале ее имени. Но, должен признаться, что все еще не понимаю вас.

– Я попробую подойти к этому с другой стороны. Давайте вернемся к платку, который мы обнаружили на месте преступления. Мы с вами уже давно решили, что к нему могут иметь отношение три женщины, чьи имена связаны с инициалом Х: миссис Хаббард, мисс Дебенхэм и горничная Хильдегарда Шмидт. Давайте посмотрим на платок с другой точки зрения. Друзья мои, это очень дорогой платок – *objet de luxe*^[70] – ручная работа, расшитая в Париже. Кто из пассажирок, помимо тех, у кого подходит инициал, может себе такое позволить? Не миссис Хаббард, достойная женщина без всяких претензий на экстравагантность в одежде. И не мисс Дебенхэм – у англичанок одного с нею круга обычно бывают практичные льняные платки, а не лоскутки батиста стоимостью, наверное, в двести франков. И уж, конечно, не горничная. На поезде есть только две женщины, которые, вполне вероятно, могут пользоваться такими платками. Давайте подумаем, можем ли мы как-то связать их с инициалом Х. Эти две дамы, о которых я говорю, – княгиня Драгомирова...

– Которую зовут Наталия, – с иронией заметил месье Бук.

– Вот именно. Должен вам заметить, что ее имя чрезвычайно интересно. Вторая дама – это графиня Андриени. И вот тут нам приходит в

голову...

– Вам!

– Хорошо, мне. Имя на ее паспорте скрыто под жирным пятном. Любой скажет – простая случайность. Но задумайтесь над этим именем – Елена. А вдруг вместо Елены ее зовут *Хелена*? Заглавную букву имени легко изменить на Е, а жирное пятно завершит превращение.

– Хелена, – воскликнул месье Бук. – Вот так идея!

– И я о том же!.. Я стал искать хоть какое-то подтверждение этой идеи – и нашел его. Одна из наклеек на багаже графини слегка намокла. Именно та, которая закрывает первую букву ее имени. Очевидно, что эту наклейку сначала намочили и отклеили, а затем приклеили в другом месте.

– Знаете, я уже почти верю вам, – сказал месье Бук. – Но графиня Андени... Несомненно...

– Послушайте, *mon vieux*, посмотрите на все на это под другим углом. Каким должно было выглядеть это убийство для всех? Не забывайте, что снегопад полностью разрушил весь первоначальный план убийцы. Давайте на минутку представим себе, что снег не выпал. Что, по-вашему, произошло бы в этом случае?

Убийство, скорее всего, было бы обнаружено на итальянской границе рано утром. У итальянской полиции имелись бы те же свидетельские показания. Месье Маккуин показал бы те же угрожающие письма. Месье Хардман рассказал бы свою историю, миссис Хаббард с удовольствием рассказывала бы, как ночью обнаружила в своем купе мужчину. Пуговицу нашли бы на том же самом месте. Полагаю, что изменились бы только две вещи: мужчина прошел бы через купе миссис Хаббард до часа ночи, а форму проводника нашли бы брошенной в одном из туалетов.

– Вы хотите сказать...

– Я хочу сказать, что убийство с самого начала планировалось выдать за работу человека со стороны. И все посчитали бы, что убийца покинул вагон на станции Брод, куда мы должны были прибыть без двух минут двенадцать. Кто-то из пассажиров, возможно, столкнулся бы с незнакомым проводником в коридоре. Форму бросили бы в достаточно очевидном месте, просто для того, чтобы все поняли, как все произошло. Пассажиры были бы вне подозрения. Именно так, друзья мои, преступление должно было выглядеть для людей со стороны.

Но задержка поезда изменила все планы. Именно поэтому мужчина провел так много времени в купе жертвы. Он все ждал, когда же поезд тронется. А потом наконец понял, что *поезд трогаться не собирается*. Надо было срочно менять планы. Теперь все будут знать, что убийца

находится в поезде.

– Понятно, понятно, – нетерпеливо произнес месье Буке. – Все это я понимаю. Но при чем здесь платок?

– Окольными путями я и подхожу к этому. Начнем с того, что вы должны понять, что письма с угрозами были пустышкой. Скорее всего, их списали с какого-нибудь скучного американского детектива. Они *ненастоящие*. И предназначались они именно для полиции. Мы должны задать себе вопрос: напугали ли они Рэтчетта? И на первый взгляд ответ будет «НЕТ». Его инструкции Хардману ясно указывают на определенного «частного» врага, личность которого была ему хорошо известна. Это если мы согласимся с историей Хардмана. Но не так давно Рэтчетт получил письмо совсем другого характера – в нем содержался намек на ребенка Армстронгов, и именно фрагмент этого письма мы обнаружили в его купе. Это письмо должно было, на случай если Рэтчетт еще об этом не догадался, объяснить ему, что стало причиной угрозы его жизни.

И это письмо, как я уже говорил, *не предназначалось для чужих глаз*. Поэтому в первую очередь убийца постарался его уничтожить. Так в его планах появилась еще одна брешь. Первая – снег, вторая – письмо, которое нам удалось восстановить. Такая попытка тщательно уничтожить письмо была связана только с одним фактом: *в поезде находится кто-то, настолько тесно связанный с семьей Армстронгов, что наличие этого письма немедленно поставит этого человека под подозрение*.

Теперь давайте перейдем к еще двум найденным уликам. Не буду касаться ершика для чистки трубок – о нем сегодня уже достаточно было сказано. Давайте поговорим о платке. Проще всего решить, что эта улика напрямую указывает на человека, чье имя начинается с буквы Х, и что этот человек случайно уронил его в купе.

– Вот именно, – вмешался доктор Константин. – Графиня обнаруживает, что уронила платок на месте преступления, и немедленно пытается изменить свое имя.

– Как вы торопитесь с выводами... Я себе такого не могу позволить.

– А что, есть какие-то другие варианты?

– Конечно, есть. Давайте представим себе, что вы совершили преступление и хотите бросить подозрение на кого-то еще. В поезде находится человек, тесно связанный с семьей Армстронгов, и этот человек – женщина. Представим себе, что на месте преступления вы оставляете платок, принадлежащий этой женщине. Ее допросят, и ее связь с семьей Армстронгов будет доказана – *et voilà*. Вот вам и мотив, и материальное доказательство вины.

– Но ведь, – возразил доктор, – невинный человек не станет скрывать свою личность.

– Ах, вот как? Вы полагаете? Именно так же будет думать и полиция. Друг мой, я хорошо знаю человеческую природу и могу сказать вам следующее: неожиданно оказавшись под угрозой ареста по обвинению в убийстве, даже самый невинный человек потеряет голову и станет совершать абсолютно непродуманные поступки. Нет, нет, жирное пятно и переклеенная наклейка не говорят о вине – они только доказывают, что графиня Андрени по каким-то причинам хочет скрыть свое имя.

– А как, по вашему мнению, она может быть связана с Армстронгами? Она говорит, что никогда не бывала в Америке.

– Именно. И говорит она на ломаном английском. И подчеркивает свой иностранный вид. Однако догадаться, кто она такая, совершенно несложно. Я только что вспомнил имя матери миссис Армстронг. Ее звали Линда Арден, и она была великой актрисой, исполнявшей шекспировский репертуар. Вспомните «Как вам это понравится»^[71] – Розалинда в Арденском лесу. Именно здесь она нашла свой творческий псевдоним, под которым ее знал весь мир. Линда Арден было ее ненастоящее имя. Очень вероятно, что оно было Гольденберг – в ее жилах вполне могла течь центрально-европейская кровь, – а может быть, и с примесью еврейской. В Америку перебрались представители многих национальностей. Рискну предположить, джентльмены, что имя младшей сестры миссис Армстронг, которая в момент трагедии была почти ребенком, было Хелена Гольденберг и что она вышла замуж за графа Андрени, когда тот служил атташе в Вашингтоне.

– Но княгиня Драгомирова сказала, что та девушка вышла замуж за англичанина...

– Имени которого она не может вспомнить! Может ли такое случиться, спрашиваю я вас, друзья мои? Княгиня Драгомирова любила Линду Арден, как настоящие дамы любят великих актрис. Она была крестной одной из ее дочерей! Неужели вы думаете, что она могла так быстро забыть имя второй дочери? Очень маловероятно. Я думаю, мы можем уверенно сказать, что княгиня Драгомирова нам лгала. Она знала, что Хелена находится в поезде – она ее видела. А узнав настоящее имя Рэтчетта, мгновенно поняла, что подозрение падет именно на Хелену. Поэтому, когда мы спрашиваем ее про младшую сестру, она начинает лгать – туманно говорит о том, что точно не помнит, но «вроде бы она вышла замуж за англичанина», что очень далеко от действительности...

В дверях в конце вагона появился официант, который подошел к

мужчинам и обратился к месье Буку:

– Месье, мы можем накрывать к обеду? Он будет скоро готов.

Месье Бук посмотрел на Пуаро, который согласно кивнул:

– Естественно. Без обеда никуда.

Официант исчез, и скоро они услышали звон колокольчика и его голос, выкрикивающий:

– *Premier service. Le dîner est servi. Premier dîner*^[72] – первая смена!

Глава 4. Жирное пятно на венгерском паспорте

Пуаро сидел за столом вместе с месье Буком и доктором.

Компания, собравшаяся в вагоне-ресторане, выглядела подавленной. Разговоров почти не было слышно, и даже неугомонная миссис Хаббард молчала.

– Боюсь, что мне сегодня кусок в горло не полезет, – сказала она, усаживаясь, после чего, воодушевленная шведской дамой, которая, видимо, считала, что теперь миссис Хаббард должна питаться только за счет заведения, приложила к каждой перемене блюд.

Прежде чем начать обед, Пуаро поймал за рукав старшего официанта и что-то прошептал ему на ухо. Константин сразу же догадался, о чем шел разговор, как только заметил, что чета Андриени обслуживалась в последнюю очередь и что в конце еды им задержали счет. Все кончилось тем, что граф с графиней оказались в ресторане последними.

Когда наконец они поднялись и двинулись в сторону выхода, Пуаро вскочил и направился вслед за ними.

– Пардон, мадам, вы уронили ваш платок.

Сыщик протянул женщине крохотный квадратик с монограммой.

Она взяла его, внимательно осмотрела и вернула Пуаро.

– Вы ошибаетесь, месье, этот платок – не мой.

– Не ваш? Вы в этом уверены?

– Абсолютно уверена, месье.

– И тем не менее, мадам, на нем вышит ваш инициал – буква Х.

Граф произвольно пошевелился, но Пуаро не обратил на него никакого внимания. Он не отрываясь смотрел на графиню.

– Я вас не понимаю, месье. Мои инициалы Е.А., – ответила женщина, твердо глядя ему в глаза.

– А мне кажется, что нет. Вас зовут Хелена, а не Елена. Хелена Гольдберг, младшая дочь Линды Арден. Хелена Гольдберг – сестра миссис Армстронг.

Минуту или две в вагоне стояла полная тишина. Графиня и граф смертельно побледнели.

– Запираться не имеет смысла. Ведь это правда? – Голос Пуаро зазвучал мягче.

– Я хочу знать, месье, по какому праву... – взорвался граф.

Женщина заставила его замолчать, прижав маленькую ладошку ему ко

рту.

– Не надо, Рудольф. Позволь, я сама. Глупо отрицать то, что говорит этот джентльмен. Нам лучше сесть и поговорить.

Голос графини изменился. Он все еще был по-южному сочен, но стал четче и резче, впервые зазвучав как голос американки.

Подчинившись ее жесту, граф замолчал, и оба они уселись напротив Пуаро.

– То, что вы сказали, месье, абсолютная правда, – произнесла графиня. – Да, я Хелена Гольдберг, младшая сестра миссис Армстронг.

– Утром вы мне об этом не сказали, мадам графиня.

– Не сказала.

– Более того, все, что вы рассказали нам со своим мужем, было набором лжи.

– Месье! – В голосе графа послышался гнев.

– Не надо злиться, Рудольф. Месье Пуаро определил эту ситуацию довольно жестко, но то, что он говорит, нельзя отрицать.

– Я рад, что вы так охотно признали это, мадам. Может быть, теперь вы расскажете мне, почему лгали и в чем причина вашей попытки изменить ваше имя в паспорте?

– Паспорт – это полностью моя идея, – вставил граф.

– Я уверена, месье Пуаро, что вы хорошо понимаете мою цель, нашу цель, – негромко ответила Хелена. – Убитый мужчина был убийцей моей крошки-племянницы и моей сестры. Он же разбил сердце моего зятя. Из-за него умерли три человека, которых я любила больше всех на свете, которые были моей вселенной!

Ее голос звенел от страсти. Она была достойной дочерью своей матери, которая могла своей игрой вызвать слезы у сотен зрителей.

– Из всех пассажиров поезда я имела самые серьезные мотивы для его убийства, – сказала она уже спокойнее.

– Но вы его не убивали, мадам?

– Клянусь вам, месье Пуаро, – и мой муж клятвенно подтвердит это, – как бы мне этого ни хотелось, я и пальцем его не тронула.

– Я тоже, джентльмены, – торжественно произнес граф. – Даю вам слово чести, что прошлой ночью Хелена не покидала купе. Как я и говорил, она приняла снотворное и совершенно и полностью невиновна в произошедшем.

Пуаро внимательно смотрел на них.

– Слово чести, – повторил граф.

Сыщик чуть заметно покачал головой.

– И тем не менее вы решились изменить имя в паспорте?

– Месье Пуаро. – Голос графа звучал серьезно и искренне. – Поставьте себя на мое место. Вы что, полагаете, что я смог бы смириться с мыслью о том, что моя жена может стать фигуранткой в этом мрачном полицейском расследовании? Я знал, что она невиновна, но то, что она только что сказала, – абсолютная правда: из-за ее связи с семьей Армстронгов ее заподозрили бы в первую очередь. Ее допрашивали бы и, возможно, арестовали. Коль уж, по чистой случайности, мы попали в один вагон с этим Рэтчеттом, то мне оставалось только одно. Я признаюсь вам, месье, что наши показания были ложью от начала до конца, за исключением одной вещи – моя жена никуда не выходила из купе прошлой ночью.

Он говорил с искренностью, в которую трудно было не поверить.

– Я не хочу сказать, месье, что не верю вам, – медленно сказал сыщик. – Я знаю, что вы принадлежите к древнему и гордому роду, и, естественно, для вас было бы очень неприятно, если б вашу жену допрашивали в связи с этим полицейским расследованием. Это я вполне могу понять. Но как в таком случае вы можете объяснить наличие платка вашей супруги в купе убитого?

– Это не мой платок, месье, – повторила графиня.

– Даже несмотря на инициал Х?

– Даже несмотря на него. У меня похожие платки, но они не повторяют этот один в один. Я понимаю, что не могу заставить вас в это поверить, но повторяю еще раз – это не мой платок.

– А мог кто-нибудь положить его туда, чтобы вас опорочить?

Женщина улыбнулась.

– Вы все-таки пытаетесь заставить меня признаться, что этот платок – мой. Но правда, месье Пуаро, это не так. – Голос ее звучал совершенно искренне.

– Тогда почему, если это не ваш платок, вы решили изменить имя в паспорте?

– Потому что мы слышали, что в купе убитого нашли платок с инициалом Х, – ответил на это граф. – Прежде чем прийти на беседу к вам, мы все это обговорили. Я объяснил Хелене: если выяснится, что ее имя начинается на Х, то ее будут допрашивать с большим пристрастием. А ведь все было так просто – изменить Хелена на Елена не стоило никакого труда...

– У вас, граф, задатки настоящего преступника, – сухо заметил Пуаро. – Большая природная находчивость и бесстыдное желание ввести правосудие в заблуждение.

– Нет, нет. – Женщина подалась вперед. – Он просто объяснил вам, месье Пуаро, как все произошло.

Я была испугана, испугана почти до смерти, – продолжила она на английском языке. – Тогда все было так ужасно – и вот теперь все опять возвращается. Оказаться под подозрением и, может быть, даже в тюрьме... Я была ни жива ни мертва от страха. Как же вы не можете этого понять, месье Пуаро?

У нее был очаровательный голос – сочный, глубокий, умоляющий. Голос истинной дочери Линды Арден, великой актрисы.

Пуаро мрачно посмотрел на нее.

– Если я поверю вам, мадам, – а я не говорю, что не верю, – то вы должны мне помочь.

– Помочь вам?

– Да. Причина убийства лежит в далеком прошлом – в том прошлом, которое уничтожило ваш дом и наложило отпечаток на вашу юность. Возьмите меня с собой в это ваше прошлое, мадам, чтобы я смог найти там нечто, что сможет все объяснить.

– Но что я могу вам рассказать? Они все умерли, – печально повторила женщина. – Все, все умерли – Роберт, Соня и малышка Дейзи. Она была само очарование и такая жизнерадостная – и у нее были такие милые кудряшки... Мы все любили ее до умопомрачения.

– Но ведь была еще одна жертва, мадам. Можно сказать, опосредованная.

– Вы о бедняжке Сюзанне? Да, я о ней совсем забыла. Полиция ее допрашивала. Они были убеждены, что она имеет к этому какое-то отношение. Может быть, и так – но совершенно не преднамеренно. Мне кажется, она слишком много болтала и в разговорах выдала все о расписании Дейзи. – Женщина передернула плечами. – Она выбросилась из окна... это было совершенно ужасно.

И женщина закрыла лицо руками.

– Кто она была по национальности, мадам?

– Француженка.

– А ее фамилия?

– Смешно сказать, но я не могу вспомнить – мы звали ее Сюзанна. Симпатичная, смешливая девушка. Она была очень привязана к Дейзи.

– Она убиралась в детской, правильно?

– Да.

– А как звали няню?

– Это была специально обученная няня. Ее звали Штенгельберг. Она

тоже была очень привязана к Дейзи и к моей сестре.

– Мадам, я хочу, чтобы вы очень хорошо подумали, прежде чем ответите на мой следующий вопрос. Видели ли вы на этом поезде кого-то, кто показался вам знакомым?

Графиня с удивлением посмотрела на него:

– Я? Нет, я никого не видела.

– А княгиню Драгомирову?

– Ах, ее?.. Я-то думала, что вы имеете в виду кого-то из прошлого, из того времени...

– Именно это я и имел в виду. А теперь подумайте очень внимательно – и не забывайте, что прошло много лет. Люди могли сильно измениться.

Хелена глубоко задумалась.

– Нет, уверена, что никого, – сказала она наконец.

– Вы в то время были еще подростком. Разве не было никого, кто следил бы за вашим образованием?

– Ну, конечно, у меня была бонна – настоящий дракон. Что-то вроде гувернантки для меня и секретарши для Сони в одном лице. Она была англичанкой, или, скорее, шотландкой. Такая крупная, рыжеволосая женщина...

– Как ее звали?

– Мисс Фрибоди.

– Молодая или старая?

– Мне она тогда казалась жуткой старухой. Но думаю, что ей было не больше сорока. А Сюзанна прислуживала мне и следила за моей одеждой.

– В доме больше не было никаких родственников?

– Только слуги.

– И вы уверены, мадам, – абсолютно уверены, – что на поезде нет знакомых вам людей?

– Ни одного. Совсем ни одного, месье, – искренне ответила графиня.

Глава 5. Имя княгини Драгомировой

Когда граф и графиня Андруни вышли из вагона, Пуаро посмотрел на двух своих коллег.

– Как видите, мы кое-чего достигли.

– Блестящая работа, – сердечно похвалил его месье Бук. – Мне и в голову не пришло бы заподозрить графа и графиню Андруни. Должен признаться, что я посчитал их обычными пассажирами. Полагаю, нет никаких сомнений, что преступление совершила она? Очень печально. Но к гильотине ее не приговорят – ведь есть смягчающие вину обстоятельства. Несколько лет тюрьмы – и всё.

– Как я вижу, вы абсолютно уверены в ее виновности.

– Мой дорогой друг, а разве в этом есть какие-то сомнения? Мне показалось, что эта ваша ободряющая манера говорить была лишь способом успокоить страсти до тех пор, пока нас не откопают и в дело не вмешается полиция.

– И вы не верите слову чести графа, когда он клянется, что его жена невиновна?

– Но, *mon cher*, а что *еще* ему остается говорить? Он обожает жену и, естественно, хочет спасти ее! И лжет он очень здорово, как раз в манере настоящего вельможи, – но мы же понимаем, что это только ложь.

– А у меня, знаете ли, появилась экстравагантная идея, что все это – правда.

– Нет, нет. Не забывайте о платке. Платок ставит точку в этой истории.

– Знаете, я в этом не совсем уверен. Помните, я несколько раз говорил вам, что платок может принадлежать двум женщинам на этом поезде.

– И тем не менее...

Месье Бук внезапно замолчал. Дверь вагона открылась, и в него вошла княгиня Драгомирова. Она направилась прямо к ним, и все трое встали ей навстречу.

Обратилась она прямо к Пуаро, проигнорировав остальных присутствовавших:

– Мне кажется, месье, что у вас мой платок.

Пуаро бросил триумфальный взгляд на остальных двух джентльменов.

– Вы имеете в виду этот, мадам? – Он достал квадратик тонкого батиста.

– Именно. Как видите, в углу мой инициал.

– Но мадам княгиня, здесь вышита буква Х, – заметил месье Бук, – а вас, пардон, зовут Наталия^[73].

Женщина холодно взглянула на него.

– Вы правы, месье. Но мои платки всегда вышиваются русскими буквами. И буква «эйч» латинского алфавита пишется точно так же, как русская буква «н».

Месье Бук был раздавлен. В этой пожилой неукротимой леди было что-то, что заставляло его суетиться и чувствовать себя некомфортно.

– Но вы не сказали нам, что это ваш платок, во время нашей встречи утром.

– А вы меня об этом и не спрашивали, – сухо ответила княгиня.

– Прошу вас, присаживайтесь, мадам, – вмешался в разговор Пуаро.

Женщина вздохнула.

– Думаю, это будет нелишним, – сказала она и села. – Не стоит тратить на это слишком много времени, господа. Вашим следующим вопросом будет: как мой платок оказался возле трупа убитого мужчины? Я отвечу совсем кратко – не знаю.

– Вы действительно не знаете?

– Абсолютно.

– Прошу меня простить, мадам, но насколько мы можем доверять вашим ответам?

Этот вопрос Пуаро задал очень мягко.

– Это из-за того, что я не сказала вам, что Хелена Андриени – сестра покойной миссис Армстронг? – презрительно поинтересовалась княгиня.

– Получается, что вы нам намеренно солгали.

– Естественно. И сделала бы это еще раз. Ее мать была моей подругой, а я, господа, верю в преданность друзьям, семье и своей касте.

– И вы не верите в то, что должны сделать всё для торжества правосудия?

– Я полагаю, что в данном случае свершилось именно правосудие.

Пуаро подался вперед.

– Вы понимаете, мадам, в чем моя проблема? Должен ли я верить вам в том, что касается платка или нет? Или вы пытаетесь выгородить дочь вашей подруги?

– Ах вот в чем дело! – На ее лице появилась мрачная улыбка. – Это мое заявление, господа, очень легко проверить. Я дам вам парижский адрес людей, которые вышивают мои платки. Вам стоит только показать им этот, и они подтвердят, что сделали его по моему заказу больше года назад. Этот платок мой, господа. – Княгиня встала. – У вас есть еще вопросы ко мне?

– А ваша горничная, мадам, она узнала этот платок, когда мы показали ей его сегодня утром?

– Наверняка. А она что, посмотрела и ничего не сказала? Это только доказывает, что она тоже может быть преданной.

И, слегка наклонив голову, Драгомирова покинула вагон-ресторан.

– Вот что случилось в действительности, – негромко сказал сыщик. – Во время нашей беседы я заметил, что горничная слегка заколебалась, когда я прямо спросил ее, знает ли она, кому принадлежит платок. Она не была уверена, стоит ли признаваться в том, что платок принадлежит ее хозяйке. Но как это стыкуется с моей основной идеей? А что, может быть, не так уж и плохо...

– Боже, – воскликнул месье Бук с характерным жестом, – это совершенно ужасная старуха!

– Могла бы она убить Рэтчетта? – обратился Пуаро к врачу.

Тот отрицательно покачал головой.

– Некоторые удары – те, что пробили мускульный корсет – были нанесены с большой силой. Человек такой хрупкой конституции никогда бы не смог этого сделать.

– А если говорить о более слабых?

– Их – вполне могла.

– Я просто думаю о том, – сказал Пуаро, – как сегодня утром я сказал ей, что ее сила не в руках, а в ее духе. Это был вопрос-ловушка. Я хотел посмотреть, на какую свою руку она взглянет в первую очередь, на правую или на левую? Она посмотрела на обе сразу и при этом сказала нечто странное. Она сказала: «В них у меня нет силы, и я не знаю, радоваться этому или горевать». Очень любопытное замечание. Это еще раз убеждает меня в том, что я прав в своей идее относительно преступления.

– Но это не проливает никакого света на то, левша она или правша.

– Вы правы. Кстати, вы обратили внимание, что граф Андени держит свой платок в правом нагрудном кармане?

Месье Бук покачал головой. Его мысли опять вернулись к невероятным открытиям, случившимся за последние тридцать минут.

– Ложь, кругом одна ложь, – пробормотал он. – Меня потрясает количество лжи, которую мы выслушали утром.

– Ну, у нас еще все впереди, – весело произнес Пуаро.

– Вы так думаете?

– Я очень расстроюсь, если это окажется не так.

– Эта двуличность просто убивает, – заметил месье Бук. – Но вам, как мне кажется, она доставляет удовольствие. – Он с осуждением посмотрел

на сыщика.

– У нее есть некоторые преимущества, – пояснил тот. – Если ошарашить солгавшего правдой, то он обычно сразу же признается в своей лжи – подчас просто от неожиданности. Тут важно *правильно* вычислить эту правду, чтобы получить желаемый эффект.

Вообще это единственный способ вести расследование. Я по очереди выбираю пассажира, анализирую его показания и спрашиваю себя: «Если *имярек* лжет, то в чем и по какой причине?» И отвечаю: «Если он лжет (заметьте, я употребляю слово *если*), то это может быть только в этом случае и по следующей причине». Один раз мы очень успешно проделали это с графиней Андрени. А сейчас опробуем этот метод на других пассажирах.

– А что, если, друг мой, вы ошибетесь в своих вычислениях?

– Ну что же, тогда хотя бы один человек будет вне подозрений.

– Ах вот в чем дело! Метод исключения!

– Абсолютно точно.

– И кто же у нас на очереди?

– А на очереди у нас *pukka sahib*, полковник Арбэтнот.

Глава 6. Вторая беседа с полковником Арбэтнотом

По внешнему виду полковника Арбэтнота было хорошо заметно, что он раздражен тем, что его приглашают в вагон-ресторан во второй раз. На лице у него застыло совершенно неприступное выражение, когда он сел и произнес:

– Итак?

– Прошу прощения за то, что пришлось побеспокоить вас вторично, – сказал Пуаро. – Мне кажется, что вы можете сообщить нам кое-какую информацию.

– Неужели? Сильно в этом сомневаюсь.

– Начнем с этого ершика – видите?

– Да.

– Это ваш?

– Не знаю. Видите ли, я не ставлю личного клейма на свои ершики.

– А вам известно, полковник Арбэтнот, что вы единственный мужчина в вагоне Стамбул – Кале, который курит трубку?

– В таком случае он, скорее всего, мой.

– А вы знаете, где его нашли?

– Не имею ни малейшего понятия.

– Его нашли рядом с телом убитого.

Арбэтнот приподнял свои брови.

– Не могли бы вы объяснить нам, полковник, как он, по-вашему, туда попал?

– Если вы хотите узнать, не ронял ли я его там, то ответ отрицательный. Не ронял.

– Вы вообще заходили в купе мистера Рэтчетта?

– Я с ним никогда даже не разговаривал.

– Вы с ним никогда не разговаривали и не убивали его?

Брови полковника вновь иронически поползли вверх.

– Если даже и так, то я навряд ли с радостью вам в этом признаюсь. Хотя я действительно *не убивал* этого парня.

– Что ж, хорошо, – пробормотал Пуаро. – Хотя сейчас это ни на что не влияет.

– Простите?

– Я сказал, что ваши слова ни на что не влияют.

– Вот как! – Было видно, что полковник ошарашен. Он беспокойно

посмотрел на Пуаро.

– Понимаете, в чем дело, – продолжил маленький бельгиец, – этот ершик, он никому не нужен. Я сам могу придумать по крайней мере одиннадцать отличных объяснений тому, как он там оказался.

Арбэтнот не отрываясь смотрел на него.

– Я хотел видеть вас по совсем другому поводу, – продолжил Пуаро. – Возможно, мисс Дебенхэм говорила вам о том, что я случайно услышал несколько фраз из вашего разговора в Конье.

Арбэтнот молчал.

– Она сказала: «Не сейчас. Когда все закончится. Когда все будет позади». Вы не знаете, о чем шла речь?

– Прошу прощения, месье Пуаро, но я отказываюсь отвечать на этот вопрос.

– *Pourquoi?*^[74]

– Я предлагаю вам узнать значение этих слов у самой мисс Дебенхэм. – В голосе полковника слышалось напряжение.

– Я это уже сделал.

– И она отказалась ответить?

– Да.

– Тогда я думаю, что даже для вас должно быть совершенно очевидно, что я буду держать свой рот на замке.

– Вы не выдадите секретов дамы?

– Если хотите, можно сказать и так.

– Мисс Дебенхэм сказала мне, что эти слова относились к ее личной проблеме.

– Тогда почему вы не хотите поверить ей на слово?

– Потому, полковник Арбэтнот, что мисс Дебенхэм можно назвать очень подозрительной личностью.

– Ерунда, – произнес полковник с теплотой в голосе.

– Это далеко не ерунда.

– У вас против нее вообще ничего нет.

– И даже тот факт, что мисс Дебенхэм была гувернанткой в доме Армстронгов, когда была похищена Дейзи Армстронг, не играет, по вашему, никакой роли?

На минуту в вагоне установилась мертвая тишина.

Пуаро мягко кивнул.

– Как видите, – сказал он, – нам известно больше, чем вы думаете. И если мисс Дебенхэм невиновна, то почему она предпочла скрыть этот факт? Почему сказала мне, что никогда не была в Америке?

Полковник откашлялся.

– А вы не можете ошибаться?

– Я не ошибаюсь. Почему мисс Дебенхэм мне солгала?

Полковник Арбэтнот пожал плечами.

– Вам лучше спросить у нее самой. Я же думаю, что вы ошибаетесь.

Громким голосом Пуаро позвал официанта. Тот появился из дальнего конца вагона.

– Идите и поинтересуйтесь, не согласится ли английская леди с полки номер одиннадцать присоединиться к нам.

– *Bien, monsieur.*

Официант исчез, а четверо джентльменов остались сидеть в полном молчании. Лицо полковника Арбэтнота казалось вырезанным из дерева – таким твердым и безучастным оно выглядело.

Официант возвратился.

– Благодарю вас.

Через пару минут в вагон-ресторан вошла Мэри Дебенхэм.

Глава 7. Личность Мэри Дебенхэм

Она была без шляпки: откиннутые назад темные волосы и рисунок ноздрей напоминали фигуру на носу парусника, изящно выходящего в бурное море. В этот момент она была прекрасна.

Всего на какое-то мгновение ее глаза остановились на полковнике, но только на одно мгновение. Потом она спросила у Пуаро:

– Вы хотели меня видеть?

– Я хотел узнать у вас, мадемуазель, почему вы лгали нам сегодня утром.

– Лгала вам? Не понимаю, о чем вы?

– Вы скрыли тот факт, что в то время, когда в доме Армстронгов случилась трагедия, вы там жили. Вы сказали мне, что никогда не были в Америке.

– Да, – сказала девушка, – это правда.

– Нет, мадемуазель, это ложь.

– Вы не поняли меня. Я согласна с тем, что солгала вам.

– Ах, вот как! Так вы в этом признаётесь?

Ее губы сложились в подобие улыбки.

– Ну конечно, коль уж вам все известно.

– По крайней мере, сейчас вы честны, мадемуазель.

– А мне ничего больше не остается.

– В этом вы правы. А теперь, мадемуазель, могу ли я спросить вас о причинах этой лжи?

– Мне кажется, что причина бросается в глаза, месье Пуаро.

– Мне она не бросилась.

– Мне приходится самой содержать себя, – говорила она тихо, но с металлом в голосе.

– Вы хотите сказать...

Девушка подняла глаза и посмотрела сыщику прямо в лицо.

– Насколько хорошо вам, месье Пуаро, известно, как это трудно – получить приличное место, а потом на нем удержаться? Вы что, думаете, что девушка, проходившая по делу, связанному с убийством, чье имя и, возможно, фотографии публиковались во всех английских газетах, может рассчитывать на то, что обычная англичанка, принадлежащая к среднему классу, захочет нанять ее в качестве гувернантки для своих детей?

– Не понимаю, почему бы и нет? Ведь вас полностью оправдали.

– Оправдали... А дело не в оправдании, а в психологии! До сих пор, месье Пуаро, мне удавалось преуспевать в этой жизни. У меня всегда была приятная, высокооплачиваемая работа, и я не собиралась рисковать своим положением в ситуации, которая не имеет положительного решения.

– Позволю себе заметить, мадемуазель, что я единственный человек, который может судить о данной ситуации, а вовсе не вы.

Девушка молча пожала плечами.

– Вы, например, могли бы помочь мне с опознанием пассажиров.

– Что вы имеете в виду?

– Как так получилось, что вы не узнали в графине Андрени младшую сестру миссис Армстронг, которую вы учили в Нью-Йорке?

– Графиня Андрени? Нет, – Дебенхэм покачала головой, – вы можете мне не поверить, но я действительно ее не узнала. Понимаете, когда я ее знала, она была еще подростком. С тех пор прошло больше трех лет. Действительно, графиня кого-то мне напоминала, и это меня мучило, но она выглядит так по-иностранному... мне и в голову не пришло связать ее с той американской школьницей. Я действительно разглядывала ее мимоходом, когда входила в ресторан, но больше внимания обращала на ее одежду, а не на лицо. – Девушка слабо улыбнулась. – С женщинами такое случается! И, кроме того, у меня были свои проблемы.

– И вы не поделитесь со мной своими секретами, мадемуазель?

Голос Пуаро звучал очень мягко, но очень настойчиво.

– Я... я не могу, – ответила мисс Дебенхэм низким голосом.

И совершенно неожиданно, без всякого предупреждения, она вдруг сломалась и, спрятав лицо в вытянутых руках, разрыдалась так, что казалось, ее сердце вот-вот разорвется.

Полковник вскочил и неловко занял позицию возле нее.

– Я... послушайте меня... – Он остановился и, повернувшись, с яростью уставился на Пуаро. – Я переломаю все ваши кости, жалкое мелкое ничтожество!

– Месье, – запротестовал месье Бук.

Полковник опять повернулся к девушке:

– Мэри... Ради всего святого...

Она вскочила на ноги.

– Ничего. Со мною всё в порядке. Я вам больше не нужна, месье Пуаро? Если же понадобится, то вам придется самому прийти ко мне. Боже, какую идиотку... какую же идиотку я из себя делаю!

С этими словами она выбежала из вагона. Арбэтнот, прежде чем последовать за ней, еще раз повернулся к Пуаро:

– Мисс Дебенхэм не имеет никакого отношения к этому делу – вы меня слышите? И если ее еще раз побеспокоят и расстроят, то вам придется иметь дело со мной.

И широкими шагами он вышел из вагона.

– Обожаю наблюдать за разозленными англичанами, – сказал Пуаро. – Они очень забавны. Чем они эмоциональнее, тем меньше следят за своими выражениями.

Но месье Бука совсем не интересовали эмоции англичан. Он был переполнен восхищением.

– *Mon cher, vous etes epatant!* – воскликнул он. – Еще одна фантастическая догадка. *C'est formidable!*^[75]

– Невероятно, как вам в голову приходят подобные вещи. – Доктор Константин также был восхищен.

– Сейчас я почти ни при чем. И это была совсем не догадка – практически все это мне рассказала графиня Андриени.

– *Comment?* Вы не шутите?

– Помните, я спросил ее о гувернантке или компаньонке? К тому моменту я уже решил для себя, что если Мэри Дебенхэм замешана во всем этом, то она должна быть связана с этой семьей именно в качестве гувернантки.

– Да, но графиня Андриени описала совсем другую женщину...

– Вот именно. Крупная, пожилая женщина с рыжими волосами – абсолютная противоположность мисс Дебенхэм. Причем настолько, что это просто бросается в глаза. А потом ей пришлось мгновенно придумать для нее имя – и вот здесь подсознательные ассоциации ее полностью выдали. Как вы помните, она назвала имя «мисс Фрибоди».

– И что?

– *Ex bien*, возможно, вы этого и не знаете, но в Лондоне есть магазин, который до недавнего времени назвался «Дебенхэм и Фрибоди». Думая о Дебенхэм, графиня автоматически произносит первое пришедшее ей на ум имя – «Фрибоди». Естественно, я это сразу же заметил.

– Значит, еще одна ложь. И зачем она это сделала, по вашему мнению?

– Возможно, речь опять идет о преданности. Надо признаться, что эта преданность слегка осложняет нашу работу.

– *Ma foi*, – произнес месье Бук с ожесточением, – неужели все в этом поезде лгут?

– Именно это, – ответил Пуаро, – мы с вами сейчас и выясним.

Глава 8. Новые удивительные открытия

– Теперь меня уже ничто не удивит, – сказал месье Бук. – Абсолютно ничто. Даже если все в этом поезде окажутся связанными с Армстронгами, то и тогда я не удивлюсь.

– Очень мудрое решение, – сказал Пуаро. – Хотите теперь поговорить с вашим любимым подозреваемым, итальянцем?

– И вы выскажете еще одну из ваших знаменитых догадок?

– Вот именно.

– Это действительно *совершенно* невероятное дело, – заметил доктор Константин.

– Да нет, совершенно обычное.

– Если вы это называете обычным делом, *mon ami*... – Месье Бук всплеснул руками в комическом отчаянии; слов ему явно не хватало.

К этому времени Пуаро уже попросил официанта пригласить Антонио Фоскарелли.

Большой итальянец вошел в вагон, подозрительно озираясь. Он рыскал глазами, как животное, попавшее в ловушку.

– Что вам от меня надо? – спросил он. – Мне больше нечего вам сказать – нечего, вы слышите? *Per Dio!*^[76] – Он стукнул кулаком по столу.

– Да нет, – твердо сказал Пуаро, – вы еще должны рассказать нам правду!

– Правду? – Фоскарелли обеспокоенно взглянул на Пуаро. Вся его самоуверенность и добродушие куда-то исчезли.

– *Mais oui*, хотя, возможно, я ее уже и так знаю. Но если вы признаетесь добровольно, то это будет только плюсом для вас.

– Вы говорите как американские полицейские. Они тоже все время повторяли: признайся, признайся...

– Ах, вот как! Значит, у вас есть опыт общения с нью-йоркской полицией?

– Нет, нет, что вы. Они так и не смогли ничего доказать – но не потому, что плохо старались.

– Это было по делу Армстронгов, так? Вы работали у них шофером? – негромко спросил сыщик.

Его взгляд встретился со взглядом итальянца, который сразу же сник. Сейчас он был похож на лопнувший воздушный шар, из которого вышел весь воздух.

– Если вы все знаете – зачем спрашиваете?

– Почему вы лгали мне сегодня утром?

– Это могло повредить моему бизнесу. Кроме того, я не доверяю югославской полиции. Они ненавидят итальянцев. Мне нечего было ожидать от них правосудия.

– А может быть, они действовали бы *именно* в интересах правосудия?

– Нет, нет, я не имею никакого отношения к произошедшему ночью. Я не выходил из купе. Англичанин с длинным лицом, он может подтвердить. Я не убивал эту свинью Рэтчетта. Вы не сможете повесить его на меня.

Пуаро что-то писал на листке бумаги.

– Очень хорошо. Вы можете идти, – негромко сказал он, подняв голову. Фоскарелли все еще выглядел обеспокоенным.

– Теперь вы понимаете, что это не я – что я не имею к этому никакого отношения?

– Я же сказал, что вы можете идти.

– Это заговор. Вы что, хотите меня подставить? И все из-за этой свиньи, место которой на электрическом стуле? Позор, что он там не оказался! Если б это был я... если б меня тогда арестовали...

– Это были не вы. Вы не имеете никакого отношения к похищению ребенка.

– Да что вы такое говорите? Эта малышка – она была любимицей всего дома. Меня она звала Тонио. Она садилась в машину и притворялась, что управляет ею. Все в доме на нее молились. Даже полиция это в конце концов поняла. Эта малышка – она была настоящей красоткой...

Его голос смягчился, и в глазах показались слезы. Внезапно повернувшись на каблуках, он выскочил из вагона.

– Пьетро, – позвал Пуаро. Официант немедленно появился. – Пригласите номер десять – даму из Швеции.

– *Bien, monsieur.*

– Еще одна? – воскликнул месье Бук. – Невозможно. Говорю вам, это невозможно.

– *Mon cher*, мы должны быть во всем уверены. Даже если в конце концов у каждого на этом поезде будет своя причина убить Рэтчетта, мы должны это знать. И только узнав все, мы сможем определить виновных.

– У меня голова идет кругом, – застонал месье Бук.

Официант уважительно ввел в вагон горько плачущую Грету Олссон. Продолжая рыдать, она плюхнулась на стул напротив Пуаро и достала большой носовой платок.

– Ну, ну, не стоит так расстраиваться, мадемуазель. Не стоит. – Сыщик

похлопал ее по плечу. – Немного правды, и вы свободны. Вы же были няней маленькой Дейзи Армстронг, не так ли?

– Так, именно так, – рыдала несчастная женщина. – Она была настоящим ангелом. Маленьким, очаровательным ангелочком. Она ничего не знала, кроме добра и любви... и ее похитил этот мерзавец... он мучил ее. А потом ее бедная мать, и другой ребеночек, который еще не родился... Вы не можете понять... вы просто не знаете... если б вы были там, как я... если б видели всю эту ужасную трагедию... я сама должна была сказать вам всю правду сегодня утром. Но я боялась – боялась! Я так обрадовалась, что этот негодяй умер – что он не будет больше мучить и убивать маленьких детей! Боже, я не могу говорить – у меня нет слов...

И она зарыдала еще сильнее.

Пуаро продолжал нежно похлопывать ее по плечу.

– Ну же... ну... я все понимаю... Я все понимаю, говорю вам. Я больше не буду вас ни о чем спрашивать. Достаточно того, что вы признались в том, что для меня уже давно не секрет. Еще раз, говорю вам, что все понимаю.

Не в силах говорить от рыданий, Грета Олссон встала и, как слепая, на ощупь направилась к двери.

Не успела она до нее добраться, как в вагон вошел мужчина. Это был камердинер Мастермэн. Он подошел прямо к Пуаро и заговорил своим обычным, негромким, ровным голосом:

– Надеюсь, что не помешал вам, сэр. Я решил, что лучше всего самому прийти к вам и рассказать всю правду. Я был ординарцем полковника Армстронга во время войны, а после нее стал его камердинером в Нью-Йорке. Боюсь, что сегодня утром я скрыл от вас данный факт. Это было моей большой ошибкой, и я решил прийти к вам и облегчить душу. Но я надеюсь, сэр, что вы не подозреваете Тонио. Старина Тонио и мухи не обидит. И я готов поклясться, что он не выходил ночью из купе. Так что, сэр, он просто не мог этого сделать. Хотя Тонио и иностранец, но он добрейшее существо – совсем не похож на этих ужасных итальянцев, о которых пишут в газетах.

Мастермэн замолчал.

– Это все, что вы хотите сказать? – спросил Пуаро, твердо глядя ему в глаза.

– Это все, сэр.

Камердинер помолчал, и увидев, что маленький бельгиец не собирается ничего говорить, поклонился с виноватым видом и вышел из вагона так же тихо и незаметно, как и вошел.

– Все это, – сказал доктор Константин, – еще более невероятно, чем любой *roman policier*^[77], который мне доводилось читать.

– Полностью с вами согласен, – сказал месье Бук. – Из двенадцати пассажиров вагона девять оказались связаны с делом Армстронгов. И что же дальше? Или, лучше сказать, кто следующий?

– Наверное, я могу ответить на ваш вопрос, – ответил Пуаро. – Вот идет наша американская ищейка, месье Хардман.

– Он что, тоже собирается исповедоваться?

Прежде чем Пуаро успел ответить, Хардман уже стоял перед их столом. Бросив на них настороженный взгляд, он уселся и поинтересовался, сильно растягивая слова:

– И что же происходит на нашем поезде? Он напоминает мне растревоженный сумасшедший дом.

– А вы сами, месье Хардман, уверены, что не работали садовником в доме у Армстронгов? – подмигнул ему Пуаро.

– У них нет сада, – ответил американец, не поняв юмора.

– Тогда дворецким?

– У меня для этого недостаточно изысканные манеры. Нет, я никогда не был связан с домом Армстронгов – но мне начинает казаться, что на этом поезде я такой единственный. И я вас спрашиваю: вы себе можете такое представить, а?

– Согласен, что это слегка удивительно, – мягко ответил бельгиец.

– *C'est rigolo*^[78], – вырвалось у месье Бука.

– А у вас есть какие-нибудь собственные мысли по поводу этого убийства, месье Хардман? – поинтересовался Пуаро.

– Никаких, сэр. Я в полной растерянности. Не знаю, что и предположить. Все они просто не могут быть в этом замешаны, а кто из них виноват – тут уж прошу меня уволить. Как только вы обо всем этом узнали, хотел бы я знать?

– Просто догадался.

– В этом случае хочу сказать, что вы хорошая гадалка. Да, именно так: «хорошая гадалка».

Мистер Хардман откинулся на спинку стула и с восхищением посмотрел на Пуаро.

– Прошу прощения, – сказал он, – но, глядя на вас, об этом ни за что не догадаешься. Я просто снимаю перед вами шляпу.

– Вы слишком добры, месье Хардман.

– Совсем нет. Я просто обязан вам это сказать.

– И тем не менее проблема все еще не решена до конца, – отметил Пуаро. – Мы же до сих пор не можем с уверенностью сказать, что знаем, кто убил месье Рэтчетта.

– На меня можете не рассчитывать, – заявил Хардман. – Я вообще ничего не говорю, а просто восхищаюсь. А как насчет тех двоих, о которых вы еще не говорили? Эта старая американка и горничная мадам? Наверное, мы можем согласиться, что они единственные невиновные на этом поезде?

– Если только, – улыбнулся Пуаро, – мы не сможем найти для них местечка в нашей маленькой коллекции – в качестве, например, домоправительницы и поварихи Армстронгов.

– Ну что ж, меня теперь в этом мире уже ничто не удивит, – со смирением произнес Хардман. – Сумасшедший дом – настоящий растревоженный сумасшедший дом!

– Знаете, *mon cher*, мне кажется, что мы зашли слишком далеко со всеми этими совпадениями, – сказал месье Бук. – Они не могут все быть в этом деле.

Пуаро взглянул на него.

– Вы не понимаете, – сказал он, – вы совсем ничего не понимаете. Скажите мне, вы знаете, кто убил Рэтчетта?

– А вы? – парировал месье Бук.

Пуаро утвердительно кивнул.

– Конечно, – сказал он. – И довольно давно. Все так ясно, что я не могу понять, как вы этого еще не поняли. – Взглянув на Хардмана, он спросил: – А вы?

Детектив отрицательно покачал головой и с любопытством посмотрел на бельгийца.

Какое-то время Пуаро молчал, а потом наконец произнес:

– Я буду вам весьма благодарен, месье Хардман, если вы пригласите всех прийти сюда. У этого дела есть два возможных решения. Я хочу представить на ваш суд оба.

Глава 9. Пуаро предлагает два решения

Пассажиры, собравшись в вагоне-ресторане, расселись по своим местам. На лицах у всех было более или менее сходное выражение: ожидание, смешанное с дурными предчувствиями. Шведская дама все еще всхлипывала, и миссис Хаббард ее успокаивала.

– Милочка моя, вы должны взять себя в руки. Все обязательно будет в порядке. Вы не должны распускаться. Если даже один из нас и есть этот противный убийца, то мы все хорошо знаем, что это не вы. Только сумасшедший может до такого додуматься. Сидите здесь, а я постою рядом; ни о чем не беспокойтесь.

Она замолчала, когда Пуаро встал.

Кондуктор суетился около двери.

– Вы позволите мне остаться, месье?

– Конечно, Мишель.

Пуаро прочистил горло.

– Дамы и господа, позвольте я буду говорить по-английски, так как полагаю, что все в той или иной степени понимают этот язык. Мы собрались здесь, чтобы разобраться в обстоятельствах смерти Сэмюэля Эдварда Рэтчетта, которого еще называли Кассетти. У этого преступления есть две возможные разгадки. Я представлю вам обе и попрошу месье Бука и доктора Константина решить, какая из них правильная.

Все вы знаете обстоятельства произошедшего. Сегодня утром мистер Рэтчетт был найден заколотым ножом в своем купе. Предполагается, что в тридцать семь минут первого ночи он был еще жив, так как говорил с проводником через дверь. Часы в кармане его пижамы были сильно повреждены, и их стрелки остановились на четверти второго ночи. Доктор Константин, который осмотрел найденное тело, считает, что смерть наступила где-то между полуночью и двумя часами утра. Как вы все знаете, в половине первого ночи наш поезд попал в снежный занос. После этого *ни один человек не мог покинуть поезд*.

Показания мистера Хардмана, который является сотрудником нью-йоркского детективного агентства (несколько голов повернулись в сторону Хардмана), свидетельствуют о том, что никто не мог пройти мимо его купе номер шестнадцать, расположенного в дальнем конце вагона так, чтобы он его не заметил. Поэтому мы вынуждены прийти к заключению, что убийца скрывается среди пассажиров одного-единственного вагона – вагона

Стамбул – Кале. Такова *была* наша рабочая гипотеза.

– *Comment?* – вырвалось у потрясенного месье Бука.

– И вот к каким выводам я пришел. Все очень просто. У мистера Рэтчетта был враг, которого он боялся. Он описал этого врага мистеру Хардману и сказал ему, что попытка убийства, если таковая будет предпринята, произойдет, скорее всего, на вторую ночь после отъезда из Стамбула.

Я смею предположить, леди и джентльмены, что мистер Рэтчетт знал о своем враге гораздо больше, чем рассказал мистеру Хардману. Как и предполагал мистер Рэтчетт, враг попал на поезд в Белграде или, что тоже возможно, в Винковцах – через дверь, которую оставили открытой полковник Арбэтнот и мистер Маккуин, спускавшиеся в Винковцах на платформу. У убийцы была форма проводника спального вагона, которую он носил поверх своей обычной одежды, и ключ-вездеход, который позволил ему попасть в купе мистера Рэтчетта, несмотря на то что дверь была заперта изнутри. Мистер Рэтчетт находился под влиянием лекарства от бессонницы. Убийца с большой жестокостью несколько раз ударил его ножом и покинул купе через смежную дверь, которая вела в купе миссис Хаббард...

– Это именно так, – подтвердила американка, важно кивнув.

– Проходя через купе, он засунул оружие убийства в косметичку миссис Хаббард, а также, не заметив этого, потерял одну пуговицу со своей форменной куртки. После этого он выскользнул из купе в коридор. Поспешно запихнув форму в чемодан, который увидел в пустом купе, он спустя несколько минут в цивильном платье вышел из вагона, как раз перед тем, как поезд отправился со станции Винковцы. При этом он воспользовался тем же путем, каким вошел в вагон, – дверью рядом с вагоном-рестораном.

Все присутствующие затаили дыхание.

– А как же часы? – настойчиво спросил мистер Хардман.

– Как раз они-то и являются ключом ко всей этой истории. В Царьброде мистер Рэтчетт забыл перевести свои часы на час назад, как это надо было сделать. Его часы шли по восточно-европейскому времени, которое на один час опережает центрально-европейское. Таким образом, Рэтчетта убили в четверть *первого*, а не в четверть *второго*.

– Но это объяснение абсурдно, – воскликнул месье Бук. – А кто тогда говорил в купе без двадцати трех минут час? Это должен был быть голос или Рэтчетта, или убийцы.

– Совсем необязательно. Это мог быть... кто-то третий. Тот, кто

пришел, чтобы поговорить с мистером Рэтчеттом, и нашел его мертвым. Он позвонил в звонок, чтобы позвать проводника, но потом испугался, что в убийстве обвинят именно его, и произнес эти слова как бы от имени Рэтчетта.

– *C'est possible*^[79], — ворчливо согласился месье Бук.

– Вы что-то хотели сказать, мадам? — спросил Пуаро, посмотрев на миссис Хаббард.

– Честно сказать, я уже забыла, что хотела сказать. А вы что, думаете, что я тоже забыла перевести часы?

– Нет, мадам. Я думаю, что вы во сне почувствовали, как кто-то прошел через ваше купе. Позже вам приснился кошмар, что у вас в купе мужчина; вы неожиданно проснулись и вызвали проводника.

– Я думаю, что это вполне возможно, — согласилась миссис Хаббард.

Княгиня Драгомирова не спускала с Пуаро глаз.

– А как тогда вы объясните показания моей горничной, месье?

– Очень просто, мадам. Ваша горничная узнала в показанном ей платке ваш и попыталась — довольно неуклюже — прикрыть вас. Она действительно столкнулась в коридоре с мужчиной, но чуть раньше, когда поезд еще стоял в Винковцах. Она же сказала, что это произошло часом позже, надеясь, что таким образом обеспечивает вам стопроцентное алиби.

Княгиня склонила голову.

– Вы подумали обо всем, месье. Я... я преклоняюсь перед вами.

В вагоне повисла тишина. Поэтому все подпрыгнули, когда доктор Константин вдруг ударил рукой по столу.

– Нет, — воскликнул он. — Нет, нет и еще раз нет! Это объяснение не выдерживает никакой критики. В нем десяток слабых мест. Преступление было совершено по-другому, и месье Пуаро об этом знает!

Сыщик с любопытством посмотрел на врача.

– Вижу, — сказал он, — что мне придется изложить и вторую возможную разгадку. Но прошу вас, не торопитесь отказываться полностью от этой. Возможно, что позже вы с нею согласитесь.

И он опять повернулся лицом к аудитории.

– У этого преступления есть еще одно возможное объяснение, и вот как я к нему пришел.

Выслушав все ваши показания, я откинулся на спинку кресла, закрыл глаза и задумался. Некоторые моменты в ваших показаниях показались мне достойными внимания. Я уже перечислял их своим коллегам. Некоторые из них я для себя уже прояснил — например, жирное пятно в одном из паспортов и так далее. Сейчас я хочу поговорить о тех, что оставались

неясными. Первое и самое главное – фраза, сказанная месье Буком за ланчем в первый день, когда мы выехали из Стамбула. Он заметил, что собравшаяся компания очень интересна тем, что она такая разношерстная – состоит из представителей разных национальностей и сословий.

Я согласился с ним, а потом, вспомнив эти его слова, задал себе вопрос, где же еще могла собраться подобная группа, если исключить вагон поезда? И ответил себе – только в Америке. В этой стране вполне возможно домашнее хозяйство, в котором есть итальянский шофер, английская гувернантка, нянька-шведка, горничная-француженка и так далее. И тогда я занялся «гаданием», то есть попытался подобрать каждому из вас роль в драме семьи Армстронгов – так же, как это делает режиссер, распределяя роли при постановке пьесы. И получил исключительно интересные и вполне вероятные результаты.

Кроме этого, я еще раз внимательно проанализировал про себя ваши показания, и результаты этого анализа оказались довольно любопытными. Начнем с мистера Маккуина. Моя первая беседа с ним была абсолютно удовлетворительна. Но во время второй он сделал довольно любопытное замечание. Я рассказал ему о том, как мы нашли письмо, в котором упоминалось дело Армстронгов, и он сказал: «Но как же так... – Потом замолчал и закончил: – Я хочу сказать, что держать при себе такое письмо – это было довольно неосторожно со стороны старика».

Я сразу же почувствовал, что сказать он собирался совсем другое. Давайте на минуту представим себе, что он хотел сказать: *«Но как же так, его же должны были сжечь!»* Однако это значит, что Маккуин заранее знал о письме и о том, что его должны были уничтожить. Иными словами, он был или убийцей, или сообщником убийцы. Очень хорошо.

Теперь возьмем камердинера. Он сказал, что его хозяин имел привычку пить снотворное, когда путешествовал поездом. Вполне возможно, но весь вопрос в том, *принимал ли его Рэтчетт в свою последнюю ночь?* Наличие под подушкой автоматического пистолета опровергает слова слуги. Совершенно очевидно, что Рэтчетт собирался бодрствовать всю ночь! И если ему подмешали какой-то наркотик, то это было сделано без его ведома. Кто это мог сделать? Все те же Маккуин или камердинер.

Теперь перейдем к показаниям мистера Хардмана. Я поверил всему, что он рассказал мне о себе, но когда дело дошло до методов, которые он использовал для охраны мистера Рэтчетта, я понял, что это полный абсурд. Единственным способом эффективной защиты была ночь, проведенная непосредственно в купе или где-то рядом, откуда была видна дверь этого

купе. А его показания говорили только лишь о том, что никто из пассажиров других вагонов не мог совершить убийство Рэтчетта. Таким образом, подозрение падало лишь на пассажиров вагона Стамбул – Кале. Этот факт показался мне довольно любопытным и труднообъяснимым, поэтому я решил вернуться к нему позже.

Думаю, что вы все уже слышали, что мне случайно удалось подслушать часть беседы между мисс Дебенхэм и полковником Арбэтнотом. Интересным мне показалось то, что полковник Арбэтнот называл ее *Мэри* и явно хорошо ее знал. Но подразумевалось, что они впервые встретились только за несколько дней до этого – а я знаю англичан, похожих на полковника. Даже если они влюбляются в девушку с первого взгляда, то идут к цели не торопясь и с достоинством. Пытаться ускорить процесс не в их стиле. Поэтому я решил, что на самом деле полковник с мисс Дебенхэм хорошо знают друг друга, но почему-то предпочитают притворяться незнакомыми. Еще одно маленькое обстоятельство: мисс Дебенхэм с легкостью употребляет термин «разговор по магистральному кабелю», применяемый к трансатлантическим телефонным разговорам. А ведь мисс Дебенхэм сказала мне, что никогда не бывала в Штатах.

Возьмем еще одну свидетельницу. Миссис Хаббард сказала нам, что, лежа в кровати, не могла видеть, закрыта или открыта смежная дверь, поэтому попросила проверить это мисс Олссон. И хотя ее заявление верно для купе под номерами два, четыре, двенадцать или любого другого под четным номером, в которых засов расположен под ручкой двери, – в купе с нечетными номерами, таком, как, например, номер три, засов располагается *над* ручкой двери, поэтому висящая на ручке косметичка не могла его закрывать. Это заставило меня прийти к выводу, что миссис Хаббард выдумывает то, чего никогда не происходило в действительности.

Теперь позвольте мне сказать пару слов о времени. С моей точки зрения, самым интересным было то, в каком месте нашли испорченные часы, – в кармане пижамы Рэтчетта. Более неудобное место трудно себе представить, особенно если над изголовьем есть специальный крючок для часов. Поэтому я был абсолютно уверен, что часы положили в этот карман специально, предварительно изменив на них время. Поэтому убийство никак не могло произойти в четверть второго утра.

Так что же, оно произошло раньше? Если быть абсолютно точным, в двенадцать тридцать семь? Аргумент, который мой друг месье Бук выдвигает в поддержку этого предположения, – громкий вскрик, который разбудил меня. Но если Рэтчетт находился под воздействием наркотика, то

он не мог кричать. А если он мог кричать, то мог и попытаться каким-то образом защитить себя, начав борьбу с убийцей. Никаких следов этой борьбы в купе не обнаружено.

Тут я вспомнил, что Маккуин не один, а два раза (и второй раз очень прямолинейно) пытался привлечь наше внимание к тому, что Рэтчетт не говорит по-французски. И я понял, что вся эта история в двенадцать тридцать семь была комедией, разыгранной специально для меня. Этот трюк с часами не так уж сложен – он очень часто упоминается в разных детективных романах. Преступники решили, что я легко его раскушу, а потом, гордясь своей собственной догадливостью, решу, что в двенадцать тридцать семь слышал голос убийцы, так как Рэтчетт не говорит по-французски. Иными словами, я должен был решить, что в двенадцать тридцать семь Рэтчетт был уже мертв. А я, напротив, уверен, что в двенадцать тридцать семь Рэтчетт все еще находился в своем наркотическом забытии.

Хотя нельзя сказать, что комедия совсем не удалась – я ведь открыл дверь, высунулся в коридор и услышал эту французскую фразу. А если б я оказался настолько тупым, что не обратил бы на нее внимания, то о ней можно было бы и напомнить. Маккуин вполне мог в нужный момент сказать мне напрямую: «Прошу прощения, месье Пуаро, но *это не мог сказать Рэтчетт*. Он не говорит по-французски».

Теперь попытаемся ответить на главный вопрос: когда произошло убийство и кто же настоящий убийца.

По моему мнению – но это только мое мнение, – убийство произошло около двух часов утра, то есть в самом конце того периода, который определил доктор.

А что касается убийцы...

Пуаро замолчал и осмотрел свою аудиторию. Он явно не мог пожаловаться на недостаток внимания – все глаза смотрели только на него. В тишине можно было бы слышать, как растет трава.

Сыщик медленно продолжил:

– На меня произвели впечатление две вещи: сложность в выдвижении обвинения против любого из пассажиров, и то, что в каждом случае алиби вероятного преступника подтверждалось человеком, от которого это меньше всего можно было ожидать. Например, Маккуин и полковник Арбэтнот подтвердили алиби друг друга – а ведь трудно предположить, что они были знакомы раньше. То же самое произошло с английским камердинером и итальянцем, шведской дамой и английской девушкой. И тогда я сказал себе: «Этого не может быть. Они не могут все быть

замешанными в этом деле!»

И вот тогда-то, господа, я увидел наконец свет в конце тоннеля. Они действительно были замешаны все. Столько людей, так или иначе связанных с делом Армстронгов, не могли случайно оказаться в одном вагоне – это просто невозможно. Так что это была не случайность, а *заранее спланированная* акция. И тут я вспомнил замечание полковника Арбэтнота о суде присяжных. А суд присяжных состоит из двенадцати членов. В вагоне находятся двенадцать пассажиров, и Рэтчетту нанесли двенадцать ножевых ран. И факт, который беспокоил меня с самого начала, – толпа пассажиров в вагоне Стамбул – Кале в разгар мертвого сезона – получил наконец логичное объяснение.

Рэтчетту удалось избежать наказания в Америке. В том, что он виновен, не было никаких сомнений. И вот я представил себе двенадцать добровольцев, которые сформировали суд присяжных, вынесли приговор – и которые, из-за неоднозначности дела, были вынуждены сами привести его в исполнение. И как только я это себе представил, дело превратилось в законченную и логичную конструкцию.

Теперь я понял, что стал зрителем идеально поставленной пьесы, в которой каждый играл отведенную ему роль. И если по ходу пьесы подозрение падало на кого-то одного, то другие давали показания, которые отводили от него эти подозрения и еще больше запутывали весь сюжет. Показания Хардмана нужны были лишь на тот случай, если б в убийстве заподозрили кого-то со стороны, а у него не было бы алиби. Пассажирам же стамбульского вагона ничего не угрожало. Мельчайшие детали их показаний были продуманы заранее. Все дело было придумано как идеальная мозаика, каждая новая деталь которой делала ее решение все более затруднительным. Как заметил мой друг месье Бук, все дело выглядело фантастически невероятным! И именно таким его и хотели представить.

Объясняет ли это решение абсолютно все? Считаю, что да. Оно объясняет характер ранений – каждое было нанесено другим человеком; объясняет наличие угрожающих писем – которые были надуманными и предназначались только для полиции (уверен, что были и настоящие письма, говорившие Рэтчетту о его будущей судьбе, которые Маккуин заменил на фальшивые и благополучно уничтожил). Оно объясняет историю Хардмана о том, что Рэтчетт его вызвал – которая была ложью от начала и до конца, – и описание мифического «маленького темноволосого мужчины с женским голосом», которое было очень удобно тем, что не бросало тень на реальных проводников и подходило как мужчине, так и

женщине.

Идея использовать при убийстве нож сначала удивила меня, но при ближайшем рассмотрении я понял, что она идеально отвечала цели задуманного. Этот кинжал мог использовать любой – сильный и слабый, мужчина и женщина, – и от него не было никакого шума. Мне кажется, хотя я могу и ошибаться, что каждый по очереди заходил в затемненное купе Рэтчетта через купе миссис Хаббард и... бил! И теперь уже невозможно определить, чей удар поставил точку в жизни Рэтчетта.

Последнее письмо, которое Рэтчетт, скорее всего, нашел на своей подушке, было тщательно сожжено. А так как упоминание о деле Армстронгов исчезло, то не было никаких причин подозревать кого-то из пассажиров поезда. Полиция должна была решить, что это дело залетного убийцы, а «маленького темноволосого мужчину», сходящего на платформу в Броде, должны были увидеть один или несколько пассажиров вагона.

Не знаю, что случилось, когда заговорщики поняли, что до конца этот план выполнить не удастся из-за снежной бури. Полагаю, что за этим последовали поспешные консультации, после чего было решено завершить начатое. Было ясно, что теперь под подозрение попадут все пассажиры, но такое течение событий было предусмотрено заранее. Единственное, что оставалось сделать, – это запутать все еще больше. Две так называемые «улики» были подброшены в купе убитого – одна указывала на полковника Арбэтнота (у которого было самое твердое алиби и связь которого с Армстронгами было труднее всего проследить), а вторая – носовой платок – указывала на княгиню Драгомирову, которая благодаря своему социальному положению, хрупкому здоровью и алиби, которое ей предоставила ее горничная, была практически неуязвима. Чтобы еще больше запутать все дело, заговорщики вывели на сцену некую мифическую женщину в алом кимоно, а мне предоставили возможность убедиться в ее существовании своими собственными глазами. Громкий удар в мою дверь – я встаю и открываю ее – перед моими глазами алое кимоно удаляется в сторону дальнего конца вагона... Потом наличие этой женщины подтверждается тщательно подобранной группой людей – проводником, мисс Дебенхэм и Маккуином. Мне кажется, что человек, положивший кимоно в мой чемодан, пока я опрашивал свидетелей, несомненно, обладал своеобразным чувством юмора. А вот откуда вообще появилось это одеяние, я не представляю, хотя подозреваю, что оно принадлежит графине Андриени, так как в ее вещах мы обнаружили только неглиже из шифона, настолько изысканное, что оно скорее напоминает нарядное платье, а не халат.

Когда Маккуин узнал, что фрагмент письма, столь тщательно сожженного, все-таки избежал уничтожения и что в письме осталось именно слово «Армстронг», он, по-видимому, немедленно сообщил об этом остальным. С этого момента положение графини Андрени стало опасным, и ее муж немедленно предпринял шаги для того, чтобы изменить имя в паспорте. Можно считать, что это был их второй, после снежного заноса, провал!

Все они решили полностью отрицать какую-либо связь с семьей Армстронгов. Преступники знали, что у меня нет способа немедленно проверить их показания, да они и не верили, что я стану так глубоко копать, если только кто-то из них не привлечет мое особое внимание.

У меня оставался еще один нерешенный вопрос: если только мое понимание преступления было правильным – а я был в этом уверен, – то становилось очевидным, что проводник тоже должен был быть его участником. Но если это так, то тогда у нас получалось не двенадцать, а тринадцать преступников. И вместо традиционной формулировки «из всех этих людей один виновен» мне пришлось столкнуться с тем, что из тринадцати человек один был точно невиновен. Кто же это мог быть?

И я пришел к очень странному умозаключению – я пришел к мысли о том, что тот, кто не принимал участия в преступлении, должен был быть тем, кого в нем подозревали бы больше всего. Я имею в виду графиню Андрени. На меня произвела большое впечатление искренность ее мужа, когда он торжественно дал мне свое слово чести, что графиня ночью вообще не покидала купе. И я решил, что граф Андрени занял, так сказать, место своей жены.

Если это так, то Пьер Мишель, несомненно, является одним из убийц. Но чем объяснить его участие в этом деле? Достойный человек, много лет работающий в компании, он совсем не походил на человека, который согласился бы взять деньги за свое участие. Стало быть, Пьер Мишель должен иметь какое-то отношение к делу Армстронгов. Но это выглядело очень маловероятным, пока я не вспомнил, что умершая горничная была француженка. Давайте представим себе, что умершая девушка была дочерью Мишеля, и тогда все встает на свои места. Тогда становится понятным выбор места преступления. Оставались ли еще люди, чья роль в этой драме была не до конца ясна? Полковника Арбэтнота я отнес к друзьям Армстронгов. Вполне возможно, что они воевали вместе. Горничная Хильдегарда Шмидт должна была занимать какое-то место в домохозяйстве Армстронгов – я могу показаться вам обжорой, но способен за милую душу учуять хорошего повара. Я расставил для нее ловушку, и она в нее

попалась. Я сказал ей, что знаю, что она хорошая повариха. И она ответила: «Да, все мои хозяйки так говорили». Но если вас нанимают как горничную для дамы, то ваша хозяйка редко получает шанс оценить ваше поварское искусство.

Оставался еще Хардман – вот он точно не мог принадлежать к окружению Армстронгов. Единственное, что мне пришло в голову, так это то, что он был влюблен во французскую горничную. Я заговорил с ним об очаровании иностранок – и получил как раз ту реакцию, на которую рассчитывал. На его глаза навернулись слезы, и он притворился, что его ослепил снег.

Последняя, кто осталась, была миссис Хаббард. Должен сказать, что она играла в этой драме важнейшую роль. Тот факт, что она занимала купе рядом с Рэтчеттом, автоматически ставил ее под подозрение. Ситуация складывалась таким образом, что у нее не было стопроцентного алиби, за которым она могла бы спрятаться. Для того чтобы сыграть ее роль – роль обычной, слегка помешанной на своей дочери американской мамы, – нужна была настоящая профессионалка. Но ведь в семье Армстронгов уже была именно такая – мать миссис Армстронг – Линда Арден, великая актриса...

Пуаро замолчал.

И тогда раздался глубокий волшебный голос, которым миссис Хаббард еще ни разу не говорила за все время путешествия:

– Я всегда мечтала попробовать себя в комедии.

Затем она продолжила все таким же мечтательным голосом:

– Ошибка с косметичкой была просто глупейшая. Это доказывает, что все всегда надо тщательно репетировать. Мы всё попробовали на пути в Стамбул, но тогда, по-видимому, я была в купе под четным номером. Мне не пришло в голову, что засовы могут быть в разных местах.

Она слегка пошевелилась и посмотрела прямо на сыщика:

– Все просчитано абсолютно правильно, месье Пуаро. Вы совершенно потрясающий человек. Но даже вы не можете себе представить, что мы испытали в тот ужасный день в Нью-Йорке, когда Кассетти выпустили на свободу. Я была вне себя от горя – так же как и слуги; полковник Арбэтнот тоже был с нами. Он был лучшим другом Джона Армстронга.

– Он спас мне жизнь во время войны, – вставил Арбэтнот.

– И вот именно там и тогда мы все решили – хотя, возможно, мы все потеряли от горя рассудок, – что приговор, которого Кассетти удалось избежать, должен быть приведен в исполнение.

Нас было двенадцать или, точнее, одиннадцать – отец Сюзанны,

естественно, был во Франции. Сначала мы хотели бросить жребий и выбрать исполнителя, но потом остановились на этом плане. Его предложил Антонио, наш шофер. Позже Мэри вместе с Маккуином разработали все детали. Маккуин был давним обожателем Сони – именно он объяснил нам, как деньги Кассетти помогли ему уйти от правосудия.

Много времени ушло на то, чтобы довести наш план до совершенства. Сначала нам надо было отыскать Кассетти. В этом нам помог Хардман. Затем мы постарались устроить Мастермэна и Гектора к нему на работу – или хотя бы одного из них. И нам это удалось. Потом мы долго уговаривали отца Сюзанны – полковник Арбэтнот настаивал на том, чтобы нас было двенадцать; ему казалось, что так все будет выглядеть более весомо. Полковнику не очень понравилась идея использовать нож, но пришлось согласиться, что это оружие решает все наши проблемы. Отец Сюзанны согласился – она была его единственной дочерью. От Гектора мы узнали, что рано или поздно Кассетти собирается вернуться в Европу на «Восточном экспрессе». А так как Пьер Мишель работал именно на нем, мы не могли упустить такой шанс. Кроме того, это позволяло нам не бросать тень на людей со стороны.

Естественно, мы должны были поставить в известность мужа моей дочери, и он настоял на том, чтобы быть с нами. Гектор организовал все так, что Кассетти выбрал поезд именно в тот день, когда была очередь Мишеля идти в рейс. Мы планировали скупить все купе в вагоне Стамбул – Кале, но, к сожалению, одно купе осталось для нас недоступным. Оно было заранее зарезервировано для директора Компании. Мистер Харрис, естественно, был лицом вымышленным – нам не хотелось, чтобы в купе с Гектором был еще кто-то. И тут появились вы...

Женщина на минуту замолчала.

– Итак, теперь вы все знаете, месье Пуаро, – продолжила она, собравшись с духом. – И что вы со всем этим собираетесь делать? Если это все должно выплыть наружу, то я настаиваю, чтобы вы обвинили только меня, и никого больше. Я с наслаждением ударила бы этого человека ножом и больше двенадцати раз. Ведь он не только ответственен за смерть моей дочери и ее ребенка, и за смерть ребенка, который мог бы родиться и был бы сейчас весел и счастлив. Все гораздо серьезнее: до Дейзи были другие дети – в будущем они бы тоже обязательно появились. Его приговорило общество – мы лишь исполнители этого приговора. Но мне кажется, что совсем необязательно замешивать в это дело всех присутствующих. Они все добрые и верные христиане – и бедняга Мишель, и Мэри с полковником Арбэтнотом, которые любят друг друга...

Ее слова резонировали в переполненном вагоне – она говорила глубоким, полным эмоций, перевертывающим сердца голосом, который бросал к ее ногам множество зрителей в Нью-Йорке.

Пуаро посмотрел на своего друга.

– Месье Бук, вы директор этой Компании, – сказал он. – Каково ваше мнение?

Месье Бук прочистил горло.

– По моему глубокому убеждению, месье Пуаро, – ответил он, – первое решение, которое вы предложили нашему вниманию, было абсолютно верным. И я думаю, что мы должны представить его югославской полиции, когда она появится. Вы согласны со мной, доктор?

– Конечно, согласен, – ответил доктор Константин. – Что же касается медицинского освидетельствования – думаю, что смогу предложить им парочку интересных мыслей...

– В таком случае, – сказал Пуаро, – решение принято, и я имею честь удалиться...

---

notes

Примечания

1

Таврские горы – гряда на юге Турции в провинции Анталия.

2

Мой дорогой (фр.).

3

Ну конечно (*фр.*).

4

Итак (*φρ.*).

Отправляемся, месье (*фр.*).

Наконец-то! (*фр.*)

Прошу, месье (*фр.*).

Благодарю, месье (*фр.*).

Хорошенькая женщина (*фр.*)

Так в Индии обращаются к слугам.

Как это иногда раздражает (*фр.*).

Очень хорошо, месье (*фр.*).

Хорошо, месье (*фр.*).

Старый приятель (*фр.*).

Ежиком (*фр.*).

Международная компания, занимающаяся пассажирскими железнодорожными перевозками. В конце XIX – начале XX в. была оператором «Восточного экспресса».

Всё дела, дела! (*фр.*)

Точно! (*фр.*).

Как? ($\phi p.$)

В романе Ч. Диккенса «Мартин Чезлвит» (1844) одна из героинь, Сара Гэмп, для подтверждения своей правоты ссылается на выдуманную ею подругу – некую миссис Харрис.

В самый конец, месяе (*фр.*).

Я думаю, что у вас есть заблуждение (*лом. фр.*).

Она мила – и шикарна (*фр.*).

Сорта минеральной воды (фр.).

Клиентура (фр.).

Ничего. Я ошибся (*фр.*).

Спокойной ночи, мадам (*фр.*).

Минеральную воду, пожалуйста (*фр.*).

Американская дама (фр.).

Хорошего вечера, месье (*фр.*).

Вы директор линии, я думаю, месье. Вы можете рассказать нам... (фр.)

Начальник поезда (*фр.*).

Ах, это ужасно (*фр.*).

Это женщина (*фр.*).

Да ($\phi p.$).

Договорились (фр.).

В чем дело? Почему?.. (*фр.*)

Имеется в виду Первый и Второй могильщики в трагедии У. Шекспира «Гамлет».

Как вам такой вариант? (*фр.*)

Все это просто смешно! (*фр.*)

Высший военный орден в Великобритании.

Доходы от ценных бумаг и банковских вкладов.

Ах, какое животное! (*фр.*)

Тем не менее (*фр.*).

«После вас, месье». – «Нет, только после вас» (*фр.*).

Кошмар (*фр.*).

Вот настоящая гранд-дама (*фр.*).

180 см.

Она красивая женщина (*фр.*).

В отпуск ($\phi p.$).

Исторически один из древнейших и важнейших городов Южной Месопотамии.

Истинная госпожа (*инд. жарг.*).

Собирательный образ типичного англичанина, прозвище англичан.

Это заметно (*фр.*).

Вы не испытываете эмоций (*фр.*).

Хладнокровие (*фр.*).

Еще немного, мадам (*фр.*).

Но этого нельзя делать (*фр.*).

Зд.: Боже мой! (*фр.*).

Имеется в виду американская туристическая компания – первый в мире эмитент дорожных чеков.

«Тихий бар» (*англ. амер. speakeasy*) – обозначение подпольного питейного заведения во времена «сухого закона» в США.

Не в его характере (*φρ.*).

Войдите (*фр.*).

Бесценна (*фр.*).

Вы очень добры, мадам (*фр.*).

Извиняться должен тот, кто обвиняет! (фр.)

Зд.: А вот и он (*фр.*).

Краткое изложение (*фр.*).

Ремесло (*фр.*).

Предмет роскоши (*фр.*).

Одна из пьес У. Шекспира.

Первая смена. Обед накрыт. Обед начинается (*фр.*).

Звук X в начале слова обозначается в английском языке буквой H (эйч).

Почему? (фр.)

Мой дорогой, вы невероятны! Это потрясающе! (*фр.*)

Ради Бога (*итал.*).

Детективный роман (*фр.*).

Это смешно (фр.).

Возможно (фр.)